

A young couple is shown in a close embrace, smiling warmly at each other. The woman has long, light brown hair and is wearing a grey jacket with a dark, patterned scarf. The man has short dark hair and is also wearing a grey jacket. They are in a room with a warm, yellowish light, possibly from a lamp or window. The background is slightly blurred, showing what might be a doorway or a piece of furniture.

Дом погодам

Вероника Колесникова

Пролог

Тот вечер закончился прекрасно. Раболепные признания в любви именннику, напоминания позвонить, но что самое главное – напоминание от САМОГО Антону о встрече завтра, чтобы обсудить лично условия ссуды на инженерные коммуникации, которые, словно трасса для самолета, проложит великолепный и ровный маршрут без ям в безвоздушном пространстве больших денег. Алиса безмятежно улыбается всем вокруг, Антон, усаживая ее в такси, бережно держа под локоток, наслаждается полученной энергией.

Уже сидя на заднем сидении такси она вдруг оборачивается, пристально смотрит ему в глаза, двигается ближе и мягко целует в полураскрытые губы. Антон не теряет полученного шанса и отвечает также – мягко, но настойчиво, раздвигает языком губы и проникает в теплую мякоть.

Пульс стучит в висках, и кажется, все ускоряется. Или действительно ускоряется?

Антон переводит взгляд за ее плечо, ловит недоуменный взгляд и видит, что машина действительно несется с огромной скоростью.

- Что за?... – не успевает договорить он, обращаясь к таксисту.

- Да, милый мой, да, - отвечает ему незнакомый мужик за рулем. – Доигрался ты, и девка твоя доигралась, можете попрощаться друг с другом.

И мужик смеется ненормальным смехом, вдавливая педаль газа в пол, от чего пассажиров швыряет по всему салону, и Антону так и не удастся дотянуться до шофера. Его хватает только на то, чтобы словно одеялом накрыть Алису своим телом перед столкновением с огромным многотонным камазом.

- Антошенька, Антошка, что с тобой? Ты в порядке?

Выплывая из марева обморока он видит ее перепуганное, испачканное в крови лицо.

Он попытался сесть. Понял, что это не удастся.

Кругом что-то голосило, рвалось, угрожающе искрило.

- Я в порядке, - ответил он на вопрос, что то затухал, то проявлялся в

сознании.

Антон помнил, что настоящие мужчины не плачут. Потому и не плакал, а усиленно хоронил в себе истерический рык боли от осознания того, что вместо позвоночника он сейчас чувствовал только оголенного электрического угря, распадающегося на паззлы и от этого еще больше пропускающего боль по всему телу, даже по ресницам, по всему телу, кроме самого главного участка, - ног.

- Я в порядке...

Глава 1

Ольга проснулась от солнца, играющего в тонких полупрозрачных шторах и пожалела, что по приезде не одернула жалюзи. Смена часовых поясов после дороги в Россию, в родной город всегда давались ей тяжело и поэтому она редко приезжала туда, где прошла, фактически, вся ее жизнь.

Но в этот раз случай был особый. Расставание с Жаком выбило ее из колеи. Она надеялась, что подарки в виде машины и дорогих новомодных гаджетов задержат внимание рослого мулата надолго, но тому роль обычного альфонса показалась не очень впечатляющей. Красивому плейбою захотелось власти - быть управляющим если не империи, созданной ее бывшим мужем, то вхожим в совет директоров с правом решающего голоса. Ольга сразу пожалела, что рассказала ему о том, кем является у себя на родине Дроздов и откуда она сама имеет средства к существованию, умолчав только об одном постыдном факте - что все эти ежемесячные многолетние алименты - отступные от родного сына, получаемые с того дня, как она уехала из дома в Португалию с молодым любовником, более семи лет назад, когда сын заканчивал школу.

Жак сморщил нос, поняв, что большего он поиметь не сможет с красивой, безусловно умной и привлекательной женщиной, но, увы, обеспеченной не настолько хорошо, как казалось на первый взгляд, и дал от ворот поворот успевшей привязаться к мулату Ольге. Встретив того в тот же вечер на закрытом приеме в честь презентации коллекционного издания книги о Распутине, которую ограниченным тиражом выпустил ее старинный друг, под ручку с молодящейся шестидесятилетней наследницей алмазной империи, Ольга поняла, что теперь Жак уж точно не вернется. Обидно было не столько от

предательства человека, сколько от осознания своей никчемности и глупости. Ольга сама ввела его в круг своих приятелей, хороших знакомых, став этакой рекомендацией, входным билетом для смазливового и, честно говоря, не обделенного мозгами Жака, что он легко закрепился в этом обществе, да еще и усилил тылы запасными аэродромами, пусть и с явно вставными зубами, прошедшими полный апгрейд в лучших клиниках Европы, но не ставших от этого ни моложе, ни краше.

Ольга потянулась на белоснежной простыне, поиграла пальчиками загорелой ножки, увенчанной модным белым педикюром и вздохнула. На этот день было запланировано много встреч со старыми знакомыми, чтобы в случае чего обратиться за помощью. И ко всем этим встречам Ольга была готова. Может быть, Жак и был не прав в том, что так неожиданно бросил ее, в том, что намекнул на несостоятельность как бизнес-леди, но одну мысль он все же заложил в голову, и эта мысль разрасталась пышным цветом, принимая причудливые формы и намекая на огромные возможности. Ольга решила встать во главе империи бывшего мужа. Справедливо полагая, что поезд, счастливо курсирующий по рельсам мировых рынков, может быть управляем и ее прелестной ручкой, наученной ведению дел пусть не таких масштабов, и она уже ясно видела себя распоряжающейся чужими деньгами.

На этот сентябрьский день, облагодетельствованный неожиданным солнцем, она достала белоснежный костюм из последней коллекции Версаче, снова порадовавшись знакомству с Донателлой, порекомендовавшей этот гарнитур, как нельзя лучше оттеняющий загар холеной кожи и дарующий цвет глубин моря глазам, и шанжановый фиолетовый плащ, не очень подходящий к российским погодным реалиям, но, судя по последним явлениям в модных тусовках, не оставляющий собой равнодушных исходящей дороговизной и породой.

Закутавшись в белый шарф, добавив брони в виде капли ароматных цветочных духов, раскрывающих в ней настоящую женщину, Ольга выскользнула из квартиры навстречу приключениям и всемерному обожанию старых знакомых.

Первым на повестке дня стоял бывший партнер Олега, с которым тот расстался на неплохой ноте. Ольга точно знала, что всегда

интересовала Климова именно как хрупкая женщина, умеющая вовремя рассмеяться удачной шутке мужчин, и искусно отражающей флюиды сексуального интереса.

Климов, сменивший за время их долгого знакомства уже пятую жену, всегда был рад визитам давней знакомой. Прожившая столько лет с Олегом, она переняла верную модель поведения с мужчинами, его окружавшими и придерживалась ее, даже если хотелось утереть собеседникам нос, грубо намекнув на чужие секреты.

И в этот раз Климов радушно встретил красавицу из-за морей, по достоинству оценив перемены в ее и без того сражающей наповал внешности, утонченность беседы и даже, казалось, понял, что та явилась собирать армию будущих партнеров, покинувших в свое время за ненадобностью империю Олега Дроздова. Пути Климова и Дроздова разошлись мирно и любовно, делить бывшим партнерам уже было нечего, совместное предприятие исправно работало, но не являлось якорным в бизнесе ни того, ни другого.

Сейчас уже их дети - Антон и Григорий осваивали рынок в своей нише, и именно это являлось главной темой разговоров мужчин при редких встречах. Климов тонко улыбался на Ольгины намеки, понимая, что этой женщине не потянуть ту махину, на которую она, не зная всех подводных камней российского бизнеса, замахнулась. Долго прожив за рубежом, Ольга наивно полагала, что и здесь дела ведутся в соответствии с законодательством, и прочая, и прочая. Тем не менее, беседа за чашкой чая была ему приятна, Ольга всегда действовала на мужчин как опутывающий своими сетями паучок на мух, медленно, но верно притягивая жертву.

Однако беседа была некстати прервана появлением Григория и его собственным помощником, требующим безотлагательного вмешательства в дела.

Извинившись, Климов оставил Ольгу наедине с сыном и удалился в кабинет.

- Я не ожидала, что из нескладного одиннадцатиклассника вырастет такой представительный молодой мужчина, - Ольга с удовольствием осмотрела фигуру Георгия. Несмотря на то, что он был на ее взгляд несколько худоват, она почувствовала в его взгляде что-то цепляющее, обволакивающее, что придавало всему его образу значительности и даже, будто бы.. силы?!

- Очень приятно видеть вас здесь, в нашем доме, Ольга, - Георгий намеренно проигнорировал ее отчество и ласкающим взглядом прошел по мягким изгибам тела, спрятанным под белоснежной броней костюма.

Ольгу охватил приятный азарт, кровь будто быстрее запульсировала в венах, глаза загорелись ожиданием.

Переведя беседу в стандартную плоскость малознакомых людей, держась в рамках этикета, Георгий, тем не менее, не остался равнодушным к явной Ольгиной красоте, показывая явную заинтересованность взглядом, кружащим чуть дольше положенного в районе скромного декольте, округлых бедер, изящной щиколотки, погружающейся в лаковые объятия туфельки.

- Ну и поэтому я думаю, что просто обязан проводить вас на выставку всемирного известного скульптора Даши Намдакова, - закончил он свою речь, внимательно следя за ее реакцией.

- Но ведь она проходит уже сегодня вечером! - кокетливо изобразила изумление Ольга.

Георгий решил ковать по-горячему железо, пока родителя, составляющего явную конкуренцию за внимание драгоценной гостьи, не было в комнате.

- Именно потому, что вы еще не получили приглашений, на этот вечер позвольте ангажировать вас мне.

Он встал, прощаясь, и приложился губами к затрепетавшей ладошке женщины, с веселым изумлением следившей за его перемещениями из дальнего угла комнаты, откуда велась беседа, к непосредственной близости, на которую тело Ольги недвусмысленно среагировало неожиданным возбуждением.

Когда вернулся Климов, Ольга только посмеялась над своей реакцией на молодого парня да и забыла о нем в круговороте встреч.

Не везде Ольга была принята так, как рассчитывала, но еще больше ее удивил тот факт, что почти везде ее план был раскрыт, будто был шит белыми нитками. На последнем визите она сломалась, переведя разговоры о возможном ведении совместного бизнеса в шутку.

И только вечером, едва накинув легкое платье, решив расположиться

с фужером белого легкого вина в мягкой постели, чтобы, как это говорится, пополнить свой энергетический баланс в тишине, ее покой был нарушен дразнящим звонком в дверь.

Приближаясь к двери, Ольга вспомнила о данном обещании провести вечер в компании юноши, но, разозленная неудачным днем, поняла, что выходить из дома не желает, чтобы снова не оказаться под прицельным огнем оценивающих глаз.

Распахнув дверь, Ольга остановилась, решив проводить гостя восвояси.

Однако Георгий имел совершенно другие планы. Он спокойно и уверенно приблизился к хозяйке, улыбнувшись, взял из ее руки фужер с вином, вручив той прелестный букет чайных роз. Нагнувшись, демонстративно повел носом вдоль скулы и только потом чувственно приложился горячими губами к ее щечке. Тут же отстранился, прикрыл дверь и с улыбкой попробовал вино из тонконового фужера.

Ольге оставалось только следить за манипуляциями наглеца, которые, как ни странно, действовали на нее обжигающе. Обычно мужчины в ее окружении, ведомые менталитетом, уважающим чужое пространство, так легко не входили в бережно охраняемый ближний круг. А тут.. Ольга подумала, что впервые за долгое время находит забавным и легким то, что происходит с ней и решила поддержать необременяющую игру.

- Какие у нас сегодня планы?

- Выставка скульптура? - вопросительно изогнул бровь юноша, уже зная ответ.

- Нет, сегодня нет на это настроения.

- Тогда мы едем ужинать в то место, где подается самое вкусное вино.

Ольга с сожалением проводила взглядом в одно мгновение исчезнувшее вино. Георгий опрокинул в себя содержимое фужера, поморщился и обезоруживающе улыбнулся. Ольге ничего не оставалось делать, как идти наводить марафет.

Ужин прошел замечательно, если не сказать больше. Георгий оказался умным и тактичным собеседником, заинтересованным, кстати, в Ольгиной идее объединения бывших партнеров Дроздова.

Что за этим желанием таится, он тоже понял сразу, но не акцентировал на этом внимания. Немного рассказал о своей фирме, промолчав о том, что непосредственно совладельцем является сын Ольги, чтобы та не провела параллель между ними и не решила вдруг, что он не должен быть воспринят как настоящий мужчина и не оказался на поле вьюношей, мечтающих о крохах внимания настоящей королевы.

Ольга же наслаждалась легким флиртом, чувствуя себя живой и не обремененной условностями, она заразительно смеялась и распространяла вокруг себя ауру весенней красоты, переходящей в лето.

Как истинный кавалер, Георгий проводил Ольгу, действительно впечатленной поданным в дорогом ресторане вином до дверей квартиры, и не задумываясь, повинаясь инстинкту, поцеловал ее в полураскрытые для прощальной речи губы. Ольга затрепетала под напором и неожиданно для себя поддержала поцелуй.

Георгий, распаленный еще с утра, целый день пребывавший в думах о красавице, решил не терять ни минуты. Он распахнул дверь и втянул Ольгу в темноту квартиры. И если у нее оставались еще сомнения, что вечер закончится одиночеством в постели, яркий, сминающий волю, жадный поцелуй Георгия не оставил на это ни единого шанса. И Ольга решила сдаться на милость победителя, показав при этом, что здесь она - не пленница страстей, а награда победителю рыцарского турнира.

Ее язык распалил в мужчине нешуточный пожар, и он готов был взять ее прямо здесь, в укрытой сумерками прихожей, но отголосок здравого смысла все же пробился сквозь клубящуюся красным знаменем похоть.

Приподняв ее за попку вверх, не переставая покрывать поцелуями доступные места, он пронес ее в спальню и резко опустился вместе со своей огненной ношей на королевских размеров кровать. Не давая ни секунды на раздумья, приподнял платье, стянул тонкие трусики, оставив висеть кусочек ткани на шпильке, впился губами в пульсирующую оголенную плоть.

Помогая длинными опытными пальцами горячему языку, Георгий рисовал только ему понятные знаки, которые отзывались мистическим огнем во всем теле звенящей от напряжения женщине.

Он брал ее и наказывал, подводил к краю, с которого собирался прыгнуть вдвоем и несколько раз отступал и возвращался, чтобы заставить содрогаться Ольгу в пароксизме оргазма.

Только она начала извиваться, резко выдыхая, закрыв себе рот ладонью, он резким движением вошел в нее, вколачивая в мягкий матрас, распаляясь в процессе все больше и больше.

Не давая опомниться, быстро перевернул ее на живот, приподняв попку выше и опустив рукой голову потерявшейся в пространстве партнерши в подушки. Ритмичные движения стали ярче отдаваться в телах, перед глазами все быстрее замелькала призывно белеющая в темноте спальни филейная часть тела красоти, и Георгий с рыком излился радостью обладания той на спину.

Ольга рухнула в объятия кровати и рассмеялась. Георгий в прихожей успел стянуть только пиджак, Ольга путалась в задранном платье, и все, что длилось, казалось, около часа, заняло лишь несколько мгновений. Ольга решила опустить одежду, но мужчина, приблизившийся за поцелуем, привлек ее к себе чтобы избавить от ставшего ненужным. Освободив от брони шелка, сам он медленно расстегнул рубашку и, стянув брюки, живописно бросил одежду валяться на полу. Закончив нехитрое дело, он с игривым рыком снова набросился на свою уже хохочущую жертву, чтобы уже кожа к коже ощутить в замедленном режиме то, что только что свершилось между мужчиной и женщиной.

Ольга, не ожидавшая такого напора от молодого человека, принимала все, что он давал ей всю ночь, делясь собой снова и снова, до полного изнеможения, случившегося только с утренними лучами хмурого солнца. И, выдержав последний раунд, уснула, зарывшись лицом в подушку, слишком утомленная, чтобы обратить внимание на то, с каким пристальным и хищным вниманием, не имеющим ничего общего с влюбленным взором юноши бывшего с ней в ресторане, Георгий осматривает ее, словно примериваясь к чему-то.

Весь месяц Георгий выводил Ольгу в рестораны на ужины, которые ожидаемо заканчивались у нее. Ей казалось, что открылась новая глава ее жизни, с этим молодым парнем, заставляющим смеяться и делать несвойственные поступки. Ольга сменила стиль на более молодежный, чтобы соответствовать любовнику, изменила стрижку, следуя правилу: новый мужчина - новая внешность - и совершенно забросила мысль о делах.

Ежедневный секс открывал ей новые грани чувственности, о которых она, казалось и не знала никогда. Вся ее сексуальная жизнь теперь казалась пресной и серой, растворялась в дымке прошлого, а настоящее - вот оно, прямо над ней, двигается в бешеном темпе страсти, зажав нательный крестик в зубах, чтобы не маячил перед глазами, с потом, струящимся по спине, с круглыми, крепкими ягодицами и точной уверенностью без грамма раздумий, что нужно сделать и когда.

В последние дни она часто ловила на себе его загадочный, колючий взгляд, который, будучи застигнутым на месте преступления, сразу сменялся на потемневший от страсти, специально или естественно.

Глава 1 (2)

Скачано с сайта knigomania.org

На день вырвавшись из плена постели, она решила привести мысли в порядок и отправилась с подружкой – Надеждой Косточкиной в СПА. Процедуры расслабили тело, сауна подарила восхитительную легкость телу, а шоколадное обертывание дало ощущение прозрачности коже.

Во время массажа Надежда сообщила новость, к которой Ольга была давным-давно готова.

- Знаешь, а твой-то Дроздов жениться собрался!

- Да, об этом сообщил мне письмом его помощник. Все боятся, что я вернусь к нему зачем-нибудь...

- И как ты?

- Честно говоря, мне все равно. За эти годы столько всего произошло, все мы изменились, да и столько воды утекло....

- Ну ты, подруга, даешь. Совсем-совсем все равно?

- А что меня должно волновать? Хочет жениться – пусть женится. Ему в его возрасте одному оставаться тоже как-то не правильно. Пора уже с любовницами заканчивать.

- Самое смешное, кто она.

- И кто же? – Ольга лениво повернула голову в сторону собеседницы.

- Обычная медсестра со скорой помощи.
- Не может быть! Ну не ожидала от Дроздова такой благотворительности!
- Да уж, точно. Пока это держится в секрете, но я-то точно знаю. У меня и свой источник, приближенный к эпицентру, так сказать, имеется. Но, по секрету я должна тебе это сказать.. недавно мой обсуждал со своим другом дела, и там прозвучала фамилия Дроздова. В общем, из-за того, что он собирается снова жениться, естественно, полностью переписывает завещание, и права, в котором тебя, конечно же, уже не будет. Кстати, я и не знала, что после развода он оставил там твою фамилию...

Ольга промолчала о том, что кроме всего прочего, у нее сохранялся и пакет акций империи бывшего мужа, без права голоса, но все же. Она всегда думала, что это – своеобразный якорь, который Олег оставил для того, чтобы всегда держать ее в поле своего зрения, но новость о том, что бывший муж, в прошлом любимый мужчина, собрался полностью все изменить, неприятно кольнула ее.

- И, тьфу-тьфу, после его смерти все перейдет не тебе с сыном, а его новой семье и сыну. Даже не знаю, в каких пропорциях, конечно, и это абсолютно ваши дела, но Олег немного меня удивил этим. Семь лет ничего не менять, чтобы наконец-то взяться за переоформление документов. Наверное, его новая клуша в чем-то очень хороша...

Женщины посмеялись, обсудив возможные внешние данные избранницы бывшего Ольгиного мужа и решили, что любая из женщин, тем более низкого социального статуса, не могут тягаться красотой и утонченностью с самой Ольгой.

После традиционного педикюра, за чашкой зеленого чая, женщины перешли на откровенные темы, обсуждаемые в легкой форме иронии и загадочности.

- Недавно со мной кое-что произошло, - ненатуральная блондинка приблизилась к Ольге, скрадывая голос в шепот.
- Ты накачала грудь? - собеседница прошлась взглядом по теплому белому халату, скрывающему все достижения по борьбе с возрастом.
- О нет! Я решилась и попробовала кое-что новенькое!

- Ох, я даже не знаю, что и предположить! - рассмеялась Ольга.
- Вернее, не кое-что, а кое-кого! - та загадочно поиграла бровями и скрыла усмешку за чашкой.
- Ого, подруга! Да ты времени зря не теряешь тут!
- Нет-нет, ты не подумай, я женщина замужняя, морально устойчивая, но тут... даже не знаю, что произошло. Этот его напор, уверенность... и, к тому же, он такой молодой, а у них там все работает совсем по-другому. Дотронешься только, а уже все готово к употреблению!

Женщина рассмеялась, а Ольга сконфуженно спрятала глаза, чтобы та не прочла в них слишком понимающий взгляд.

- И насколько у вас все серьезно?
- О, об этом знаешь только ты и я. Серьезно? Не может быть никакого серьезно, я замужем, у него другая судьба, он еще молод, бизнес, дела, может быть девушка молоденькая потом появится, которая станет его женой. Я пока наслаждаюсь тем, что есть. К сожалению, есть ну очень редко, все реже и реже с каждым разом, но от этого не менее горячо и сладко...

Красавица зажмурилась от удовольствия и даже сжала колени, будто по ногам прошла дрожь.

Ольга потянулась. Наверное, это у нее возрастное - вот вам и пример напротив. Те же чувства, те же эмоции. Ольга словно смотрелась в свое отражение, но понимала, что уже затянута в паутину ласк Георгия и из нее будет не так то просто выбраться. С каждым его визитом в ней распускалось какое-то чувство, ярко опаляющее все тело, а с каждым колючим взглядом в ее сторону сердце замирало а разум искал причину его поведения.

Она задумалась и достала телефон, написав своему любовнику, что сегодня снова свободна. Ответа, причем односложного и безэмоционального, пришлось ждать долго и Ольга поймала себя на мысли, что в этих отношениях,несмотря на возраст, какой-никакой житейский опыт, становится вedomой, но никак не ведущей.

- А хочешь, я тебе его покажу? - вывел ее из задумчивости голос подруги.
- Он работает здесь? - Ольга даже рот открыла от изумления.

- Ну вот еще! - фыркнула та. - Просто покажу фото, чтобы ты примерно представляла, о чем я тебе говорю.

Ольга заинтересованно подалась вперед, принимая сотовый телефон, где наманикюренным пальцем подружки была открыта фотогалерея.

Она увеличила изображение и тут же впала в ступор. На фото улыбался такой привычной и уже родной улыбкой Георгий.

Такого поворота она не ожидала. Город огромный, мало ли здесь молоденьких мальчиков, может быть альфонсов, может быть просто охотников за приключениями, но что бы стать одним любовником на двоих...

- А сейчас как часто вы встречаетесь?- голос Ольги задрожал, несмотря на то, что всеми силами души она пыталась изобразить светское равнодушие.

- В последний раз на этой неделе. Мы уже давно вместе, и мне как-то хочется ему помочь, вернее, его фирме, которую он поднимает с другом. Вот и нахожу ему заказчиков крупных иногда, иногда документы мужу в банк вовремя передаю, лоббирую, так сказать, интересы...

Женщины засмеялись. При этом Ольга почувствовала, что вместо натужного смеха из ее горла выходит пар - настолько, казалось, заledenели внутренности.

Оказавшись одна в машине, Ольга дала волю чувствам. Она ударила несколько раз маленькой сумочкой по рулю, приборной панели, шмыгнула носом и хотела было расплакаться от очередного предательства, но передумала.

Всю дорогу домой в ней клокотала злость, ярость пульсировала на кончиках пальцев, вырывалась наружу.

Нетвердой походкой она добралась до дома, и не раздеваясь села на пуфик в прихожей, замерев на долгое время, уставившись в одну точку.

Из сомнамбулистического состояния ее вывел дверной звонок. Она поднялась, задрала повыше голову, оценила свой вид в зеркале, пригладила волосы. Королева не показывает эмоций, вот и она не будет!

Аутотренинг помог ровно на столько времени, сколько потребовалось на то, чтобы повернуть замки и распахнуть дверь. Оказавшись в сильных руках, она опомнилась и начала вырываться, шипя при этом ругательства.

Георгий терпел неприятную выходку недолго. Влепив пощечину, поднял рукой за подбородок и, встретившись с ней глазами, требовательно и очень спокойно сказал:

- Вот теперь говори. Что случилось?

Ольга уже и сама не знала, как облечь в слова всю ревность, что клокотала внутри. И молчать было глупо после такого представления.

- Что тебе от меня надо? Почему ты здесь?

Георгий удивленно приподнял брови.

- Я виделась с Косточкиной.

Понимание отразилось на его лице, тут же сменившись злостью. Ну кто ее тянул за язык! Он и так понимал, что отношения пора заканчивать и как можно скорее, но после этого откровения захотелось сделать это прямо сейчас, сию же секунду.

- И?

Доигрывать он умел. Даже в самой безвыходной ситуации всегда можно было найти лазейку, этому он научился у своего отца.

- И! Зачем ты морочишь мне голову?

- Во-первых, я тебе ничего не обещал, - сказал, как отрезал. И тут же отстранился, снял пальто, помог избавиться от верхней одежды Ольге и продолжил. - А во-вторых, с ней у меня только дела. Я хочу стать полноправным владельцем фирмы, сделать ее настолько успешной, насколько это возможно, чтобы потом, но в скором времени, перенять дела отца. Понятно?

Он погладил ее щеку рукой, нежно и неторопливо. Дождавшись согласного кивка, потянулся за мягким поцелуем, на который Ольга не сразу, но ответила.

Эта ночь стала для нее переломной. Всю ночь он любил ее нежно, сделав на несколько часов настоящей царицей, получающей дары в виде удовольствий, а наутро она, перебирая его волосы, пропуская сквозь тонкие пальцы, приняла решение. Она ему поможет. Сразу и

навсегда.

Глава 2.

- Да, это неплохо, но лучше надеть не брюки, а платье. В конце концов, ты женщина или кто?

Алиса придирчиво рассматривает наряд матери и в глазах ее таится насмешка.

- Все же ты замуж собралась не за слесаря дядю Вову, а за настоящего миллионера, разве нет?

- Ну почему сразу миллионера? И вообще, это совершенно не важно.

- Кому не важно, а кому – очень даже.

Алиса садится на диван, скрипнувший от старости, и откидывается назад на руки.

Мать проводит рукой по длинным распущенным волосам, подумав о том, что надо было немного обновить цвет – чтобы светлый каштан заиграл новыми красками, светлыми и свежими, но до встречи в ресторане этого уже не успеть. Маргарита вздохнула.

- Тебе ты тоже не мешало собраться.

- А мне собраться – только подпоясаться. Мне же на него и на его сына не нужно впечатление производить. Или нужно?

Она выразительно подняла бровь, изображая задумчивость. Но той, кто знает свою дочь лучше нее самой, такая игра на публику для одного зрителя совсем не нужна.

- И все же, я тебя тоже попрошу одеться прилично, все же мы идем в большой ресторан, и сегодня у нас большое событие.

- Давай не будем преувеличивать. Событие – как событие. А смысл мне что-то из себя изображать? Вдруг возьму да уведу из-под венца твоего Олега Борисовича? Вдруг он решит, что молодость и красота для него сейчас важнее? Сейчас, кстати, модно жениться на девушках вдвое-втрое младше.

- Женятся, дочь, на любимых. Или на тех, у кого в голове хоть что-нибудь, кроме тряпок, есть.

Алиса поджала безупречно вылепленные губки, подкрашенные

розовым блеском, выбранным ею в магазине еще вчера. Вдруг резко подобралась и вышла в комнату, которую в съемной квартире считала своей.

Оказавшись в небольшой, обклеенной постерами комнате, подошла к светлому комоду. Скользнула глазами по безделушкам, расставленным сверху и со скрипом открыла нижний ящик. Достала оттуда яркий сверток и так же уверенно вернулась к матери, что красила глаз тушью, приоткрыв от усердия рот в форму буквы «о».

- В платье тебе будет лучше, - она искренне так считает, и даже надеется, что порыв ее не останется без внимания. – И цвет лучше пойдет твоим глазам.

Маргарита улыбается. Все же в глубине этого колючего ежика таится самое главное качество, которое когда-то должно расцвести пышным цветом, – соучастие и помощь.

Действительно, платье Маргарите очень идет, оттеняя хрустальную синеву глаз, редкий цвет, благодаря которому ни один мужчина не может оставаться равнодушным ни к матери, ни к дочери.

Тонкий трикотаж выгодно подчеркивает все изгибы фигуры, крутые бедра, высокую грудь, показывает изящные щиколотки. Даже Алиса отмечает, как идет матери этот бирюзовый цвет, как делает ее ярче, заставляя светиться глаза.

- Так значит, мы идем в непростое кафе? Удачно получилось, наконец-то и мы с тобой заживем на широкую ногу, а начнем с того, что закажем в «Вероне» все самое дорогое. Интересно, а там дают лобстеров? Никогда их не ела.

- И не будешь, - хмурится Маргарита. – Если ты через полчаса не соберешься, ты вообще ничего не сможешь поесть, потому что нам уже пора выезжать.

- Эх, мам, стоит выходить замуж за богача, чтобы разъезжать в автобусе? Я вот лично не собираюсь теперь пользоваться общественным транспортом. Наконец-то у меня будет машина с собственным водителем.

- Мечты, мечты, - машет рукой мать, ну что за дети пошли, в самом деле? Или это она, все же, перестаралась с воспитанием? Вернее, не-воспитанием? Из-за того, что столько лет чувствовала себя виноватой перед дочерью в том, что многого не получалось ей дать, показать,

подарить, из-за бесконечной работы и проблем с мужем-алкоголиком, в последние годы позволяла слишком много, и почти все спускала с рук.

Маргарита отходит от зеркала, проверяет в коридоре чистоту ботинок, и решает все же пройтись по ним бесцветным кремом для обуви.

Возвращается, когда дочь застегивает длинную молнию на платье-футляре.

- Алиса, мне нужно кое-что тебе сказать..

Девушка напрягается. Несмотря на то, что она умеет превосходно владеть собой, все же, не один год училась в простой школе, где всегда старались найти изгоев, в ее позе замирает нерешительность с каплей страха. Что еще скажет мать? Сколько еще перемен выпадет на ее жизнь?

Маргарита немного нервничает, потирая руки друг о дружку, как делала когда-то ее собственная мать, Алисина бабушка, когда говорила, что вынуждена отправить Маргариту в детский дом.

От этого воспоминания она вся словно деревенеет, но, вздохнув, берет себя в руки.

- Только, пожалуйста, воспринимай это нормально.

- Я. Всегда. Все. Воспринимаю. Нормально, - цедит сквозь зубы Алиса, расчесывая длинные волосы, которые электризуются от большой расчески.

- Олег и я..

- О нет, - Алиса не выдерживает и смеется. – Только не говори, что вы..

- Мы..

- Вы ждете ребенка?! Это будет большим ударом для его сына, думаю!

Она заливисто смеется, не замечая, что обижает этим мать.

Маргарита садится на диван, который скрипит под весом ее довольно легкого тела и расправляет мягкий трикотаж на коленях.

- Вообще-то, я хотела сказать, что Олег предложил мне отправиться в

свадебное путешествие по Европе на целый месяц. Устроить нам двоим медовый месяц, настоящий, потому что, оказывается, ни у него, ни у меня его не было.

Алиса застывает с раскрытым ртом. Мысли о том, что на месте матери должна быть она, молодая, красивая, гибкая, как струна, проносятся в голове со скоростью света.

— Да, сбылась моя мечта. Англия, Франция, Италия... только представь? В общем, мы этот тур делаем до свадьбы, потому что после никак не получится – у Олега будет много работы, конец года, как-никак.

Они обе подумали о том, что будет после свадьбы – обе переедут из маленькой квартиры в конце города в большой дом Олега Борисовича, где сейчас идет ремонт, затеянный только ради того, чтобы новой хозяйке и ее дочке было комфортно.

- Ну и я все равно планировала увольняться со скорой. А после свадьбы, вернее, уже в следующем году, найду что-нибудь не такое изматывающее.

- Не понимаю, зачем тебе вообще работать? У Олега Борисовича, судя по всему, достаточно денег, чтобы содержать полгорода, а уж нас с тобой – и подавно.

- Ну как же.. – взгляд матери становится прямым и уверенным. - Каждая женщина должна быть независимой, настолько, насколько это возможно.

Алиса хмыкает. Две ее подруги в университете живут в качестве содержанок и нисколько не жалуется на жизнь, и ей, как одной из самых красивых девушек курса, периодически поступают подобные предложения, когда она случайно оказывается в подобных компаниях на отдыхе с университетскими подружками.

- По-моему, это здорово.

Маргарита облегченно выдыхает.

- Но у меня главный вопрос, на, можно сказать, миллион долларов. А уезжаете когда?

Получив благословение от дочери ехать куда она хочет, Маргарита не может сдержать радостного и облегченного вздоха.

- Едем на следующей неделе, то есть, уже через шесть дней.

- Ого, вот это прыть! Боится, что ты сбежишь или передумаешь выходить за него?

- Конечно нет!

Маргарита встает и смотрит на часы. Действительно, на трамвае они до этого шикарного ресторана добраться уже не успеют. Надо вызывать такси и торопить эту копушу, которая может краситься по полдня, лишь бы было чем.

- Ну все равно, это здорово. И значит, что квартира целый месяц будет в моем распоряжении!

Алиса уже начала строить в голове планы на первые свободные два дня.

- Только я все равно буду звонить каждый день по Скайпу и писать тебе тоже буду каждый день. Будешь отчитываться о каждом своем шаге!

Алиса кивнула, но обе женщины прекрасно друг друга поняли – контроля на расстоянии не будет, не настолько авторитарна мать и не настолько послушна дочь.

- Мы приедем из Европы и сразу съезжаем с этой квартиры, она проплачена всего на месяц, и дальше продлевать мы ее не будем, по-моему, все складывается очень удачно.

- Очень, - вздыхает Алиса.

Вот это называется – полное погружение в реальность. Перемены следуют друг за дружкой, не прерываясь, не останавливаясь ни на миг. Вот только она жила в другом городе, как уже год находится в этом. Планировала поступать в один университет, как оказалась совершенно в другом. Хотела жить в большом доме, а оказалась в съемной квартире где-то на другом конце земли. Хотя есть и положительные моменты – целый месяц она будет предоставлена сама себе. Вот тут-то и можно погулять хорошо, почувствовать себя по-настоящему живой.

- Все будет хорошо! В конце концов, мы это заслужили!

Конечно, заслужили, конечно.

Глава 2 (2)

С праздником, дорогие читатели!

«Верона» встречает напыщенным пафосом стиля барокко. Все здесь немного чересчур – и тяжелые портьеры на огромных окнах, и приглушенный свет десятикилограммовых хрустальных люстр, и вытянутые по струнке официанты в накрахмаленных рубашках, белоснежнее, чем нарядные блузки первокассниц первого сентября. Метрдотель провожает дам, чувствующих себя неуверенно и потерянно во всем этом великолепии, к столику, скрытому от посторонних глаз расписной румяными купидонами ширме.

Навстречу будущей жене встает Олег Борисович и не может скрыть восхищенного взгляда, оглядев свою женщину от уложенных в простую прическу волос до сверкающих ботильонов. Они обнимаются и неловко целуют друг друга в щеки под пытливым взглядом своих взрослых детей.

Алиса, приняв скучающий вид, ведь за ним так легко спрятать растерянность и неуверенность, с томным видом оглядывает зал. Весь вид ее будто говорит о том, что таким девушку не удивить, она здесь была неоднократно, не далее, чем вчера, ну, может быть, не конкретно в «Вероне», но в подобном пафосном месте, уж точно.

Раскусив ее прием, молодой человек встает из-за стола, прямой, подтянутый, спортивный, затянутый в темно-синий костюм, явно не из масс-маркета, поправив запонки от Картье, что впились в смуглую кожу и ухмыляется, даже не скрываясь.

Алиса в ответ на его прямой и очень изучающий взгляд заливается нежным румянцем, который кажется молодому человеку очень милым, но только первую секунду. Его взгляд меняется и становится жестким. Не надо забывать, говорит он сам себе, что это – всего лишь женщины, и одна из них вообще становится женой его отца. А от этой мелкой потаскушки вообще можно ожидать всего, чего угодно. Не зря ее глаза алчно загорелись при виде Олега Борисовича.

Неловкая пауза начинает расти, и Олег Борисович все берет в свои руки, в конце-концов, он директор трех крупных заводов, ведет переговоры на таком уровне, что многим бизнесменам и не снились, неужели он не сможет выдержать и организовать вечер для людей, которые через месяц станут настоящей семьей?

- Алиса, дорогая, познакомься с моим сыном. Это Антон, моя гордость и моя настоящая заноза. Самостоятельный до кончиков

пальцев и бесконечно принципиальный тип! – несмотря на такие слова, голос его лучится гордостью за сына, за его собственную позицию, личное мнение, которое тот не боится отстаивать перед отцом.

Маргарита мягко смеется, оценив диспозицию.

- А это Алиса, надеюсь, вы подружитесь. Алиса учится на юриста, как и ты, Антон, когда-то. Думаю, у вас и помимо этого будут общие темы для разговоров.

Антон сверкнул темными глазами и Алисе стало немного страшно. Не такой она и юрист, чтобы говорить о профессии, в которой за полтора учебных месяца ничего не поняла, с этим холодным, уверенным, источающим лед, человеком.

Олег Борисович отодвигает стул Маргарите и она, послав благодарный взгляд мужчине, усаживается в удобную мягкость, позволив себе легко пожать твердые пальцы руки, нежно скользнувшие по ее плечу.

Антон помогает сесть Алисе, и она плюхается на стул, не рассчитав, что мягкая сидуха провалится ниже. Молодой человек не заметно хмыкает, но Алиса все равно чувствует, что тот потешается над ней. И от этого становится как-то особенно обидно. В конце-концов, это не ее смотрины, она сюда и идти-то не очень хотела! Вернее, конкретно в «Вероне» побывать хотелось очень, чтобы утереть нос кое-кому, но не такой кровью!

Олег Борисович диктует заказ официанту, советуясь с Маргаритой, а она искоса поглядывает на дочь, спрятавшейся за огромной папкой меню. Антон четко говорит, что ему нужно, и тут же достает телефон, чтобы проверить звонки и ответить на сообщения.

В итоге Олег Борисович замечает, что из всех присутствующих только Алиса не может определиться с заказом и советует ей повторить заказ мамы – салат, стейк и, конечно же, бокал красного вина к нему. Она кивает официанту, так и не проронив ни слова.

- Сегодня для меня – большой день, - продолжает глава семьи, взяв за руку Маргариту. – Сегодня здесь собрались люди, которые занимают в моем сердце много места, и для которых, теперь я это понимаю, я и живу.

Он благодарно улыбается своей женщине, и она краснеет от его

нежного взгляда.

Официант разносит каждому по бокалу искрящегося шампанского, заказанного Олегом заранее, чтобы снизить градус напряжения. Все же алкоголь, пусть и малых дозах, всегда служит цементом при собрании разных людей. Антон прищурился на бокал, но сдержал готовящийся сорваться с губ ехидный комментарий. Все же это не его не праздник, не его день, а отец заслужил немного тепла. Настоящего семейного тепла. И если он выбрал из всех разношерстных женщин, которые проходили через его жизнь именно эту, безусловно красивую, но очень простую женщину, значит, так тому и быть, он должен уважать его выбор, тем более, что он касается его личной жизни, и интересы Антона совсем не задевает.

- Я хочу поднять этот бокал за мою прекрасную Маргариту, которая сделала меня счастливым, и за ее дочь, Алису. Я знаю, что у нас все будет хорошо и мы сможем жить одной большой семьей.

Звон бокалов, легкий смех после напитка, обсуждение блюд, и вот, вроде бы, вечер перестает быть таким скомканным.

- Антон, отец говорил, что ты учился на юриста, а почему же не стал работать по специальности? – Маргарита не оставляет попыток приобщить будущего пасынка к общему разговору, вытянуть его из виртуального мира телефона, в который он проваливается, словно в черную дыру.

- Не хотел становиться помазанником его бизнеса, - хмыкает тот, откидываясь на яркую шелковую спинку стула. – А юридический закончил только для того, чтобы он, наконец, отстал от меня. В то время было очень модно быть юристами. И сейчас, видимо, тоже, - он стрельнул глазами в Алису, показывая явное пренебрежение к умственным способностям соседки.

- Или просто не смог работать по специальности? – не удержалась от ответа она.

- Почему же. Если есть мозги, с этим легко справиться, - парирует черноглазый, картинно поправив косую челку черных волос, упавшую на лоб.

Олег Борисович, с интересом наблюдая за перепалкой молодых людей, залюбовался своим сыном – вот же: косая сажень в плечах, красавец, имеет очень и очень обеспеченного родителя, девушкам такой только во сне может привидеться, а нет же, идет по

собственному пути. И только сейчас оглушающе отчетливо понял: сын вырос. И не просто вырос, а стал настолько самостоятельной, отдельной личностью, что не поведется ни на какие уговоры возглавить в будущем его империю, только если сам этого не захочет.

- А сейчас я занимаюсь развитием собственной ИТ-фирмы, - мягким тенором успокаивает бдительность будущей родительницы искушенный в разговорах с женщинами молодой человек.

- Как интересно, и необычно, вы делаете сайты?

- И это тоже, - снисходит он до улыбки Маргарите, от чего та почему-то немного краснеет. – У нас много функций, но создание сайтов – основная деятельность. Несмотря на то, что рынок забит, и в связи с развитием социальных сетей претерпевает изменения, в наших услугах нуждаются очень многие. Интерес к нам не ослабевает.

Об этом Олег Борисович знает не понаслышке – сам зорко следит, чтобы у сына всегда были заказы. И каждый раз сложнее, чем предыдущие.

- Алиса, а какие у тебя планы на будущее? – безупречно улыбается Олег Борисович девушке, чувствуя, как блестят ее глаза после единственного фужера с мягким алкоголем.

- Мы хотим закончить университет, Алиса давно хотела стать юристом, - словно отличница на уроке, рапортует Маргарита.

- На самом деле, мама права, - хмурится Алиса и отвечает за себя. – Давно хотела. А сейчас вот думаю, что, став юристом, смогу найти ооочень богатого мужа. Потому хочу выбрать специализацию по семейному праву, чтобы, так сказать, сразу себе при разводе оставить то, что мне будет причитаться.

Маргарита закатила глаза, ожидаемо дочь готовила что-то вроде этого. Антон засмеялся, а Олег Борисович нахмурился.

- Ну, почему бы и нет, - взял он себя в руки.

- Думаю, за это надо выпить, - Антон развеселился и уже с большим интересом смотрит на Алису, как на пятилетнего ребенка, который вот сейчас, вот сейчас точно еще выдаст что-нибудь такое, достойное пересказа в большой компании в качестве анекдота.

Компания новоявленных родственников поднимает бокалы с вином, и Олег Борисович от греха подальше переводит разговор на будущее

свадебное путешествие.

Алиса расслабленно растекается на стуле и Маргарита замечает, что несмотря на приятный вечер, им нужно собираться домой, потому что кое-кому завтра нужно идти в университет. Кое-кто хитро блеснит глазами, пригладив платье –футляр, обтянувшее роскошное молодое тело.

- Конечно, мама, нам пора. Хотя, может быть, я еще останусь? По дороге я видела здесь свою знакомую с другом. Думаю, они будут не против, если я к ним присоединюсь.

- А вот это уже лишнее, Олег, вызови нам такси, нам пора ехать.

- Зачем же такси? Марго, вас отвезет мой водитель, а мы с Антоном доедем сами, не волнуйся.

Так и поступили. Причем если в первой машине родительница распекала дочь за несдержанность языка, во второй –родитель сетовал на неразговорчивость сына. Оба отпрыска остались не довольны знакомством. Однако перед сном каждый в глубине души пришел к выводу, что если бы знакомство состоялось при других обстоятельствах, сегодняшний вечер прошел совершенно по-другому сценарию. И если Алиса представила себе что-то розовое и воздушное, сны Антона были далеко не так невинны.

Глава 3.

Скачано с сайта knigomania.org

Маргарита кое-что скрыла от Олега. Развод от мужа она так и не получила. Сбежав несколько месяцев назад от мужа-алкоголика, оставив ему квартиру, мебель, решив начать жизнь с чистого листа по просьбе дочери, не думала, что ей придется вернуться и решать вопрос вот так скоро.

Да, и, честно говоря, в тот момент, когда Олег предложил пожениться, не думала, что это предложение – всерьез.

А тут вот как все обернулось.

Маргарита соблрала небольшую суоку и поехала, благо что родной город сравнительно недалеко.

Павел ее уже ждал. Сравнительно трезвый, что удивительно. В кухне, что за такое короткое время стала вдруг совершенно неуютной и даже негодной: отвалились обои, занавески жутко пропахли куревом, в

общем, - жалкое зрелище.

И Павел стал казаться еще более жалким, чем прежде. Особенно в сравнении с Олегом, человеком с гордой выправкой, подтянутым, с иголки одетым. Ничего не шевельнулось по отношению к бывшему мужу в груди.

- Что, за разводом пришла? Что еще забереешь?

- Ничего мне от тебя не надо, Паш, только одно-спокойствия хочу.

- А вот смотри, - он заплетающимся языком читает вырезку из газеты. Явно давно хранит, ждет этого разговора, готовится. - Жительница Мурманской области при разводе отсудила у мужа входную дверь. Формально не придерешься: женщина лишь выполняла постановление суда, согласно которому обязана была «передать в собственность бывшему супругу часть совместно нажитой домашней утвари и в определенный срок освободить занимаемое жилое помещение от своего пребывания». Домашнюю утварь она поделила по справедливости, из квартиры выехала, а про остальное ничего сказано не было, извините. «Судебный пристав совместно с взыскателем, бывшим супругом, вышли на место для проверки достоверности слов должницы, — отчитываются слуги закона на сайте службы судебных приставов по Мурманской области. — Каково же было их удивление, когда они увидели, что дама подошла к исполнению решения суда буквально... Вместо входной двери в квартиру висел ковер». Муж, конечно, прямо в подъезде стал возмущаться — кому ж понравится, когда стоишь будто у входа в юрту? — требовал найти воровку. Но не тут-то было. «В решении суда не сказано, что должница не имеет права забрать из квартиры дверь, — пояснили в ведомстве. — Исполнительное производство окончено фактическим исполнением». Забереешь, чтоли и двери?

Маргарита хмыкает.

- Знаешь, что? Что говорить о справедливости? Экс-супруг дочери Курта Кобейна при разводе отсудил у нее легендарную гитару музыканта. За два года тетка расплатилась инструментом, который ее отец, лидер рок-группы Nirvana, использовал во время концертов. Гитара оценивается в многие миллионы долларов, это тебе не входная дверь в хрущевку, обитая дерматином. Или вон российский певец, который в 1990-е годы так проникновенно пел о том, что больно ему, больно, отсудил у матери своего сына миллион рублей —

якобы эти деньги он потратил на супругу за время отношений. А в Нижнем Новгороде женщина после развода лишилась кота, которого приобрела до брака. Рыночная стоимость животного — «возраст: 8 лет, порода — метис, цвет: черный с белым пятнышком на шее» — равна 10 тысячам рублей. Бывший муж, как утверждала женщина в суде, «удерживает кота у себя незаконно».

- А мадам из Испании вообще отсудила у своего бывшего мужа почти 24 тысячи евро за работу по дому за шесть лет, что они проживали совместно. Подсчитала домохозяйка, сколько тарелок за эти годы вымыла, сколько рубашек погладила, сколько пасты приготовила и сколько возможностей потеряла, бросив ради этого учебу в университете, и потребовала компенсации.

- Дурак ты, Паша, - вздохнула Маргарита, поняв, что ничего не добиться от бывшего формально но не юридически мужа.

Оделась и вышла из дома, вдохнув морозный воздух приближающейся зимы.

Людям так больно во время развода, что некоторые из всех сил стараются, чтобы вторая сторона это тоже почувствовала: «Считаешь, что можешь просто перечеркнуть все наши годы, все мои старания, мечты и надежды, связанные с тобой? Думаешь, что вот так уйдешь, будто ничего не было? Тогда я посмотрю, как ты справишься. Без денег! Без гитары своего отца! Без кота! Без двери! Без меня».

«Я-то без тебя протяну, а вот ты без меня...».

Маргарита вернулась домой, в свою съемную квартиру и позвонила Олегу.

Объяснив ему ситуацию, она ожидала его бурную реакцию, к которой привыкла с бывшим мужчиной, обвинений в женской глупости, нелогичности и криков о том, что решать эту проблему нужно самостоятельно.

Но Олег только хмыкнул, сказал, чтобы сегодня на запланированный ужин к нему домой взяла свои документы на развод.

Надухарившись, одев самое красивое платье, Маргарита села в присланную Олегом машину с водителем, снова почувствовала себя толи принцессой из сказки, толи незваной попаданкой в чужую историю, когда машина представительского класса высадила ее у крутого жилого комплекса, где проживал Олег, и во время

романтического ужина передала ему документы.

Через три дня она уже подписывала документы о собственном разводе в трех экземплярах и удивлялась, как быстро удалось ему все устроить.

- Ты решилась, а это – главное. И у меня есть свои методы давления на людей, - объяснил задумчивой Маргарите улыбающийся Олег.

А сам в это время подумал, что собственный развод организовывал не так споро. И до сих пор не отпустил собственную жену...

Глава 4

Дни до отлета пролетели как один миг за сборами, походами по магазинам, покупками крайне необходимых вещей, которые чаще всего пылятся на дне чемодана, в общем, в суматохе, знакомой каждой женщине, собирающейся в отпуск. В результате получилось столько сумок, что Олег Борисович предложил Маргарите оставить половину дома, даже не распаковывая, потому что уж в Европе, наверняка, он найдет возможность одеть с ног до головы свою избранницу в самое лучшее. Избранница отказывалась, отнекивалась, говорила, что все, наверное, там очень дорого, но в результате сдалась под натиском нежных поцелуев и даром убеждения прожженного стратега.

Первый день свободной жизни Алиса провалялась в кровати, а на вторую, третью и даже четвертую ночь отрывалась по полной. Двухкомнатная квартира стала едва ли не притоном для всего университета. Курили в комнатах уже не стесняясь, сбрасывая пепел на пол, целовались без закрытых дверей, а дом посещали личности Алисе совсем не знакомые. В первый же день вечеринка вышла за грани планируемого, когда соседи начали стучать по батаерям, во второй день пригрозились полицией, а на четвертый случилось страшное. Пришла хозяйка квартиры и попросила в течение дня очистить помещение.

На просьбы и увещевания Алисы женщина, задержанная звонками с жалобами от соседей, оставалась глуха и все время апелировала к жилищному договору, где черным по белому было указано, что водить компании строжайше запрещено. Талант юриста в первокурснице Алисе еще не проснулся, и потому ей пришлось согласиться со всем вышесказанным. Очистить – так очистить.

Собрав все вещи в баулы, она она с трудом сдала их в камеру хранения на вокзале до конца месяца, оплатив возвращенными хозяйкой деньгами. Эта процедура съела все ее сбережения, но признаваться матери в том, что девушку лишили крова над головой, не хотелось. Все же во всем виновата была именно она.

Вечер неумолимо приближался, Алиса обзванивала уже четвертую знакомую на предмет поиска свободной постели на месяц, но по всем фронтам терпела поражение. Что делать? Не на вокзале же ночевать, в самом деле? Ей, такой красивой, ухоженной, с гривой роскошных волос, струящихся по спине до лопаток, полными губками и глазами, заставляющими сжиматься в необъяснимой тоске наивных парней.

Если бы она догадалась не сразу отдать ключи хозяйке! Но сделанного не вернуть.

Последний звонок, оставленный на самый крайний случай решил исход вечера.

- Конечно, милая, все для тебя найдется. Значит, план такой. Мы с моим папиком и его другом сейчас едем в «Верону», ужинаем там, красуемся, а потом все вместе едем в сауну, вот там и переночуешь, а после этого...ну, время покажет, - Алиса воспряла духом от уверенного голоса одноклассницы и поняла, что все можно исправить, даже самую ужасную ситуацию.

Да, предложение так себе конечно, но может быть, то, что подразумевается под томным «в сауну» можно будет как-то проскочить?

Компания в уже известной Алисе «Вероне» подобралась сказочная. Эффектная перегидроленная блондинка Лиза, совершенно не стесняясь своего умопомрачительного декольте, в которое пускали слюни даже женщины, болтала без умолку, заставляя четверых новых знакомых веселиться и чувствовать себя расслабленно. Алиса в платье-футляре на молнии сзади чувствовала себя не в своей тарелке под изучающим взглядом друга «папика» - лысеющего возрастного мужчины с пузиком, на котором опасно натягивались пуговицы рубашки. Похоже, что мужчина уже застолбил своим вниманием молчаливую брюнетку. А кого не сразит наповал молодость и красота? Пухлые губки, блестящий взгляд синих глаз из-под объемных ресниц, отличная фигура, подчеркнутая облегающим платьем, плюс немного алкоголя и кровь уже быстрее бежит по

венам.

А тут и друг уже не очень стесняясь, приняв несколько «капель для настроения», уже легко наклоняется к своей подружке, целуя ее за ушком, покусывая запястье тонкой руки. Да та и рада стараться, - сжимает ручки так, чтобы ложбинка между грудей становилась меньше, маня полной молочной белизной, трясущейся от гортанного наигранного смеха к греху.

- Алексей Георгиевич, вы такой шутник! – откликается Лиза на не очень смешную шутку, но правильно реагируя на поглаживание бедра.

Николай Иванович, видя, как быстро развиваются события у друга, предпринимает попытку к соблазнению синеокой красавицы, придвинув стул к ней и облокотившись рукой о спинку ее стул. Алиса застыла.

- Алиса, нам нужно выпить еще шампанского, чтобы закрепить наше прекрасное знакомство!

Второй фужер лег на голодный желудок девушки удачно. Она оттаяла, но на провокации Николая Ивановича не велась – никак не выдавала, приятно ей знакомство или нет, а может, просто-напросто держалась, чтобы не вклепить тому пощечину по лоснящимся щекам.

Николай Иванович, раззадоренный прыгающей перед глазами грудью Лизы, - уверен, ему удалось даже увидеть в один момент кромку розового соска! – оценивающим взглядом скользит по фигуре Алисы. Благо обтягивающее платье позволяет. Рост невысокий, так, как он любит, ни грамма лишнего жира, и при такой красивой худобе, молодая, стоящая грудь не меньше, чем третьего размера. Он даже пальцы в нетерпении сжал, - так захотелось ощутить на вес теплое сокровище, затянутое в бордовый атлас. Губки полные, обещающее блаженство, кожа, он точно чувствует ее нежность, игриво проводя пальчиком по открытой руке до запястья, просто шикарная.

Представив девушку под собой, выдыхающей его имя, Николай Иванович судорожно вздохнул. Ну, прелестница, что же ты такая ледяная? Вон, подружка твоя, уже позволяет Алексею Георгиевичу не стесняясь нырять в декольте, зализывая текилу солью, рассыпанную на груди.

Веселье становится все более возбуждающим, штаны – теснее. Пора бы уже уходить из этого пафосного места, туда, где можно всласть

полапать молоденькие прелести нимфеток.

Алексей Георгиевич правильно понял жадный взгляд друга, следящий за Лизой, стряхивающей крупинки соли с груди.

- Лизок, дай Николаю Ивановичу текилки, а то он уже заскучал!

Лиза, легко рассмеявшись, сыпет на высокую грудь соль из белоснежной солонки. Николай Иванович, налив текилы, с наслаждением вылизывает соль со сладкой груди, отпустив руку со спинки стула Алисы, полностью переключает внимание на Лизу, схватив ее рукой за грудь, от чего та начинает весело смеяться. Вылизав полностью доступную часть с ароматного и горячего подноса, помяв с наслаждением красивую грудь и убедившись, что она действительно настоящая, а не напараланоненая пуш-апом, как это часто бывает, он опрокидывает в себя шот текилы и, крикнув, закусывает лимончиком.

- Ну, а ты, моя хорошая, сможешь так? – оборачивается он к Алисе, которая с ужасом смотрит на довольную Лизу – конечно, двое таких видных мужчин заинтересованы в ней!

- Э...нет.. – Алиса неловко встает и роняет салфетку на пол, от чего конфузится еще больше. Нагибается и получает ощутимый шлепок по попке.

- Да что вы себе по...

- Да ладно, садись, чего там! – грубо схватив ее за руку, усаживает снова на стул Николай Иванович, которому явно надоело ходить вокруг да около, и хотелось бы уже приступить непосредственно к действию. Хоть Лиза и хороша, а эта недотрога просто невозможно прекрасна, даром, что зажата.

- Оставьте меня, я домой поеду! – не оставляет попытки достучаться до собутыльников Алиса.

Все трое смеются. Ясно, что сценарий развития вечера совсем другой.

Ее глаза постепенно наполняются влагой. Вот надо же было так вляпаться! А ведь ее предупреждали не связываться с Лизкой! Она в немом отчаянии обводит глазами зал и вдруг застывает. Не может быть. Это просто чудо. Это ее спасение.

Ее спасение, свеж и чист, в отвратительно прекрасном костюме от Бриони, ловко управляясь с вилкой и ножом, расправляется с

ужином, беседует с молодым человеком, представителем такого же клана яппи, не подозревая, что здесь творится такое беззаконие.

Вскочив со стула, неожиданно ловко освободившись от захвата мужчины, совершенно не путаясь в высоких каблуках, Алиса, словно торпеда, направилась к цели.

Антон, увидев, кто бежит к нему навстречу, даже замер с вилок у рта.

Однако, взяв себя в руки, с легким звоном отложил вилку на край фарфоровой тарелки.

Заглянул за спину будущей сводной сестры.

Так и есть – за ней, словно кабан в загоне, борясь с отдышкой, прет Николай Иванович, бывший отцовский партнер, отвратительная личность. Лицо покраснелось, словно перед апоплектическим ударом, пот струится по шее, прямо за ворот дорогой рубашки.

Однако загнанная жертва быстрее оказывается у финиша.

- Антон, очень рада тебя видеть, - без остановки, совершенно не обращая внимания на его собеседника, эта невоспитанная девчонка вклинивается в разговор. – Я должна тебе кое-что сказать. Дай, мне, пожалуйста, ключи от дома Олега Борисовича, я поживу там до их приезда!

- Но там ремонт! – вспоминает он, наблюдая, как загнанный зверек меняет цвет щек на стыдливо-красный.

- Мне все равно! Мне негде жить! Помоги мне!

- Я могу с удовольствием вам помочь! – Георгий, даром, что правая рука, соображает быстро. - Тем более, для такой красавицы предоставить кров у себя дома – это честь, а не услуга.

- Садись, - резко бросает Антон, задетый внимательным раздевающим взглядом Георгия, заструившимся по бедрам Алисы.

Та сразу брякнулась на стул.

- Антон Олегович, какая встреча! – боров, настигнувший свою жертву, протягивает руки молодым людям для приветствия.

- Николай Иванович! Добрый вечер!

И, не оставляя шанса что-то изменить, и в первую очередь себе,

продолжает:

- Вижу, вы уже познакомились с моей сестрой!

С ухмылкой оба технократа – яппи наблюдают, как боров поперхнулся воздухом.

- Алиса....э...Олеговна?

- Не совсем, Николай Иванович, но в будущем тоже – Дроздова.

- Ну э... тогда до встречи, ..Алиса!

Ретируясь трусливо поджав хвост, он решает, что лучше вдвоем с другом сегодня проведет время с пышногрудой Лизой, которой, судя по всему, эксперименты втроем не кажутся чем-то новым, чем перейдет дорогу Дроздову, известному на весь город своим акульным характером. Чуть почует кровь - добьет без суда и следствия. Одной больше, одной меньше, да, немного жаль пропажи такой фигуристой рыбки, но в аквариуме его уже дожидается беленькая медуза с вкусной грудью, чей сосок он все же успел лизнуть, запустив волну возбуждения по телу прелестницы.

- Ну, рассказывай, - от показного благодушия не осталось и следа. В черных глазах – решимость и немного злости.

- Нечего мне тебе рассказывать, - как опасность миновала, на девушку снова словно опустилась уверенность в собственной непогрешимости. Подмигнув Георгию, который тут же расплылся в блаженной улыбке, встала из-за стола.

- Стоять! – так, наверное, разговаривают дрессировщики в своих клетках, потому что возникает жуткое желание повиноваться главному, владеющему хлыстом, сразу же и беспрекословно.

- Села! – вот и дрессировка в действии. Ноги сами собой подкашиваются и тело возвращается в привычное положение. Только руки осталось сложить перед собой, словно примерной ученице.

- Говори, - голос сух, но глаза горят. Теперь понятно, почему он не стал работать у отца – два владельца хлыста никак не уживутся в одной клетке.

Голова опущена вниз, осматривая свой потрескавшийся маникюр. Давно надо было обновить, да и таскание баулов с вещами красоты не добавило.

- Меня выселили из квартиры.

- Негде жить?

- Негде.

- Хорошо.

Чего уж хорошего? Ничего хорошего, да ему не понять, такому хозяину жизни.

Он подзывает официанта, рассчитывается кредитной картой, вслед за Георгием, помогает ей встать из-за стола, отодвинув стул, показывает кивком следовать за ним к выходу, прощается с коллегой, и, наконец, сидя в пассажирском сиденье пижонского Фольксвагена, соизволяет опуститься до объяснений.

- Будешь жить под моим присмотром.

- Это где?

- У меня. Где твои вещи?

- На вокзале.

Вскинутая бровь и никакого комментария. Только машина приветливо замурчала под уверенной рукой хозяина.

Продолжение от 15 июня (:

Да уж, возле камеры хранения они смотрятся как люди из другого мира, если не другой эпохи, - она, в красивом платье, что угадывается под бежевым простеньким пальто, и он, в крутом шерстяном, дорогом, пошитом явно под заказ. Легко обойдя очередь и не получив за это плевка в спину, получает две ее сумки, которыми она, считает, обойдется на первое время. Остальное просит вернуть и оставить до оплаченного срока. На всякий случай продлив камеру еще на время.

Алиса еле успевает на своих высоких каблуках за ним, легко рассекающим толпу вокзального люда. И удивляется, какими взглядами его провожают встречные женщины – с чуть задумчивой поволокой, обращаясь к высокому, с крутым разворотом плеч, при этом очень стройному, гармоничному.

У нее же в голове шумит испаряющееся шампанское, и ей сейчас точно не до его черных, будто подведенных бровей, быстрых цепких

вглядов за спину из-под пышных ресниц и сильных рук, что сжимают две сумки с опознавательной расцветкой китайского вещевого, выбивающихся из ансамбля дороговизны и холености.

Картина маслом. Охранник даже замер от увиденного. Антон Олегович, привычно агрессивно рассекая воздух вокруг дома, резко припарковал в одно движение свой автомобиль представительского класса на купленном вместе с квартирой месте. Вышел из машины, пригладил волосы идеальной стрижки рукой и легким движением руки, словно фокусник из шляпы, достал две китайские сумки с вещами. Вот чего-чего, а таких сумок у перфекциониста Дроздова, обходившегося только луи-виттонами, никогда не наблюдалось.

И вот она – разгадка! С переднего сидения выходит девушка. Уж насколько он стар, а такую красоту не разглядеть нельзя. Уж очень чиста, очень свежа и эти глаза... необычного синего цвета, моргающего морской свежестью..

- Это со мной, - кивает Дроздов обомлевшему охраннику, выполняющему роль безмолвной вахтерши, и ведет чудное создание прямо к лифту на свой бельэтаж, к миллионерским хоромам.

Двое проходят в шикарные апартаменты с разными чувствами. Одна-настороженно, едва ли не забито, от усталости и пережитых впечатлений желая скорее уснуть в теплой постели, и второй – сух, строг и придиричив.

Апартаменты встречают двоих отстраненно и безлико-богато. Мало ли кого хозяин привел? Разные тут бывают, но в таком дешевеньком пальто, - в первый раз, это уж Алиса чувствует сразу. Здесь не встретишь скрипучего дивана и прошарканного паласа. Тут уже коридор удивляет больничной белизной и отслюнявленными деньгами дизайнеру за хай-тековский минимализм.

- Сегодня ночуешь здесь, - проводив по коридору мимо четырех комнат одинакового оформления в одну, обставленную по –спартански просто, но с запахом денег, ставит обе сумки в входа. - Душ – по коридору. Кухня – в конце.

Стянув пальто, она застыла с ним посреди комнаты. Их высочество соизволило принять груз, чтобы перенаправить его по адресу – в прихожую, на вешалку, во встроенный шкаф, притаившийся за зеркалом, показав при этом, что это – первый и последний раз, когда

Антон Олегович своими руками делает что-то за Алису Безродную.

Алиса вздыхает и решает разобраться с этим завтра.

- Завтра какие планы? - словно услышав ее, вопрошает хозяин.

- Никаких.

- Прекрасно.

- Пары завтра есть?

- Нет.

- Чудесно.

- Родителям не говори, иначе оба приедут и испортят свой отпуск. Поняла?

- Да.

Что чудесного в том, что девушка остается предоставлена сама себе, она так и не узнала. Резко развернувшись, хозяин хрустального замка разворачивается и пропадает в недрах стерильной квартиры.

Ну и ладно. Ее ждет аристократически белоснежная ванная комната, и буржуазно насыщенная ароматами долгожданная постель, застеленная свежим хрустящим постельным бельем, белее, чем в гостинице, где ей когда-то удалось побывать.

Глава 5

Дорогие читательницы! Спасибо за внимание к книжке! Напекаю непрозрачно и очень тонко: подписываясь на профиль автора, вы повышаете его самооценку и улучшаете свою карму :D

Утро встретило красавицу теплом и негой. Вот всегда бы просыпаться на таком умеренно-мягком матрасе с фирменными пружинами, на кокосе, со специальным поддерживающим позвоночник приспособлением, что явно помнит все движения человека, потому что сон в этих свежих простынях похож на сон у бабушки в деревне, который бывает только в далеком беззаботном детстве.

Алиса потянулась и прислушалась к хромированной чистотой квартире. В ней явно не наблюдалось человеческого присутствия. Вот и прекрасно. Встречаться с Антоном при обеззуживающем

дневном свете не хотелось. Однако нужно было что-то решать. Остаться здесь? Идти на пары? Звонить маме и просить деньги на съём квартиры?

Она достала из сумки маленький халатик и потянулась. Ничего себе! А время-то уже одиннадцать! Поэтому и чувствует себя отлично. Ну, звонить маме нельзя. Раз Антон взял на себя ответственность за нее, вот пусть и несет ее дальше. А у нее выходной. После вчерашних приставаний, моральной так сказать, травмы, имеет право.

Зал тоже поразил ее пустотой квадратных метров и продуманной белизной. Диван вежливо прогнулся под спинкой, телевизор безлико отразил стройную девушку, одиноко откинувшуюся на светлые подушки.

Несколько раз тыкнув в кнопки маленького пульта, похожего на яйцо, и никак не похожего на те пульты от телевизоров, с которыми ей доводилось встречаться, она, наконец, запустила музыкальный канал и продолжила экскурсию по квартире. Везде все прилизанно и очень просто, ничего живого и выбивающегося из надоевшей бело-бежевой гаммы. Даже чашек цветных нет. Все – одинаковые, стоят, как солдаты, на полке, все, как один, с повернутыми на 45 градусов фарфоровыми ручками.

Попив чаю и отставив чашку в мойку, Алиса взглянула на телефон. Там – несколько сообщений от Лизы с извинениями о том, что она, Алиса, все не так поняла. Девушка перевернула телефон экраном вниз.

Как бы там ни было, а делать что-то дальше нужно. Может, работу поискать? Она даже улыбнулась этой мысли. Иной работы, как на подиуме Лондона, девушка для себя не мыслила. Ну, по крайней мере, если не в ведущем юридическом агенстве столицы. Но до этого еще нужно продержаться на заочном шесть лет, и как-то оплатить учебу, между прочим.

Разгоняя ее одиночество, распахнулась входная дверь. Там он – подтянут и серьезен. В темных глазах – укрошенная энергия, холод рабочего дня и лед прошедших переговоров. И еще что-то, на самом доньшке зрачка, абсолютно не читаемое притихшей девушкой в желтом халатике, ставшем вдруг от его присутствия таким коротким, таким бесстыдно-оголяющим коленки, и икры ног, и маленькие пальчики с розовым девчачьим лаком.

Антон молча обозревал имущество. Оценил все – испуг, чашку в мойке, а не в строю себе подобных, рокошущую из залы музыку попсово-невыносимой направленности.

- Родителям звонила?

- Нет.

- Не звони.

- Ты это уже говорил.

- Иногда повторение – мать учения.

Может быть, немного грубо, но эти пальчики с розовым лаком почему-то так и притягивают взгляд, и бороться с этим притяжением нужно одним способом – сразу и с плеча.

- На учебу не пошла?

- У нас нет пар.

- Врешь. Ты с начала года уже прогуляла на неделю.

Вот это да. Алиса даже рот открыла от того, что в ее жизнь так просто вмешивается совершенно, хотя нет, не совершенно, но, тем не менее, посторонний человек.

- Не твое дело.

- Теперь мое.

- С чего бы это?

- На вокзале ночевать удумала?

- Найду у кого.

Найдет она, как же! С такой пустотой в голове найдет место для ночевки в сауне на несколько ночей неизвестно с кем. А ему потом перед отцом отвечать – с чего бы это его, так сказать, сестра, проводит время черт знает с кем. Город маленький, а репутация такого не простит.

Он, разоблачившись от пальто и пиджака, шествует в кухню, усаживается за стеклянный стол прямо перед ней, такой же собранный, как всегда, очень органичный в своей стерильной кухне в своей стерильной белоснежной рубашке.

- Значит, поступим следующим образом. Жить будешь здесь, - Алиса

насупилась.

- В университет будешь ходить на все пары. У вас, кстати, завтра коллоквиум, - Алиса недоуменно приподняла бровь.

- Ну, и помимо этого, будешь работать. Бесплатно ничего не бывает, - у Алисы трепыхнулось сердце. На что он намекает?

- Работу либо найдешь сама, либо я ее подберу тебе сам.

- Знаешь что? – ее все же прорвало после такого обращения. Она что – девочка пятилетняя, чтоли? Не настолько она в безвыходном положении. Пусть город не такой знакомый, всего за полгода его не изучишь, пусть она еще не обзавелась друзьями, которые и в огонь и в воду, но работать девушка точно не пойдет! Еще чего! – Да пошел ты со своей благотворительностью! И без тебя проживу!

Вскочила со стула, так, что он чуть отъехал и врезался в стену, взметнула полы халатика вокруг ножек, стоит, сама воинственность: крылья носа дрожат, руки в боки, глаза швыряют молнии, которые достать оппонента все равно не могут – силенок маловато, весовая категория не та.

- У меня обед час, в тринадцать ноль.ноль скажешь, что будешь делать. Времени мало, - поставил точку в споре он и невозмутимо нырнул в холодильник.

Надо же, сам себе разогревает плов из казана, ставит чайник. Что это? Ставит два прибора? Нет уж, на такое смотреть она не будет. Тоже мне – благотворитель-террорист! Нет и нет!

Психанула и вылетела к себе в комнату, чтобы улечься на кровать калачиком, жалея себя. Несколько раз доставала телефон, чтобы написать матери, но что-то каждый раз ее останавливало. Скорее всего – это спокойный, наконец, взгляд матери, лучащийся любовью и нежностью при виде Олега Борисовича.

- Ну что, обдумала за и против? – Антон застыл в дверях.

Алиса, вздохнув, все же решает не ссориться с будущим родственником. Но после свадьбы родителей все равно все ему припомнит!

- Хорошо. Будет по-твоему. Работу сам подберешь. На учебу пойду сегодня к трем. У нас четыре пары.

Антон со сладострастным ужасом глядит, как оголяется бедро под

шелковым халатиком от движения соглашающейся и даже толком не слышит, что она ему говорит.

- Да. Да, - лохматит волосы и пулей летит вон из квартиры.

Собственной, между прочим, квартиры, приготовившей ему такую каверзу.

Пары проходят томительно и ненужно, Алиса чуть не спит на ходу и только завтрашний коллоквиум придает силы усыхающим мозгам. Добирается до пристанища миллиардеров только к вечеру, проходит мимо охранника, провожающего ее очень даже мужским взглядом и поднимается на верхний этаж.

Дверь открыта, ключи и не нужны, ручка двери едва ли не сама открывается, и Алиса проваливается в белый безликий коридор, где ее ждет дузня в лакостовской белой отпаренной футболке и домашних серых штанах – очень стильное зрелище, если бы не злой взгляд черных бездонных, как грозовое небо, глаз.

- Где была?

- В универе, - пререкаться ни сил, ни смысла.

- Почему трубку не брала?

А вот это уже как-то чересчур!

- С мужиком своим зажималась, некогда было.

Ах, с мужиком! Сейчас он ей покажет все, на что способна мужская месть за два часа ожидания потерянной в городе несносной будущей сестры.

- Раздевайся! – зол и грозен, мамочка дорогая!

Алиса демонстративно медленно снимает пальто, бросает на пухлый пуфик, выпрыгивает из сапожек, начинает расстегивать персиковую рубашку, с вызовом глядя ему в его бездонные грозные.

Гроза меняет угол направления зрения.

- Ты что делаешь?

- Сам сказал – раздевайся, вот я и раздеваюсь.

Черт бы побрал эту девчонку! И так тяжелая ночь с мыслью о девушке за стеной еще до конца не выветрилась из головы, а она уже

подкидывает дров в его огонь.

Поединок синих и черных глаз завершается уверенной женской победой. Носитель брюк, которые вдруг становятся до невозможности тесными, позорно бежит с места военных действий в зал, для того, чтобы окунуться в спасительные сети работы.

Алиса засыпает под мерное бу-бу-бу из зала, не закрыв дверь в свою комнату, все равно спит она в закрытой пижаме, с книжкой на подушке, и мыслью дочитать все завтра.

Антон, крадучись, словно вор, заглядывает в свою же собственную спальню для гостей. И не может отойти, пригвожденный к месту рубенсоновской картиной – разметавшись на постели, в мягком свете ночника, спит настоящая женщина. Тонкая полоска между штанишками и ночной рубашкой манит мягкостью, темные соски явно выделяются в обтянутой кофте.

Что за чудо эта современная текстильная промышленность! Рисунок сбился и он может спокойно лицезреть маленькие выпуклости вокруг соска, его зовущую пику, округлось красивой стоящей груди, чуть придавленной тканью. Руки едва ли не дрожат от желания провести по ним горячей ладонью, поиграть с весом, сжать сильно, а потом сгладить нетерпеливость нежно.

А еще лучше – задрать кофту кверху и лизнуть сосок, вдохнуть запах этой синеглазой красавицы, оттянуть, куснуть, а потом зализать укус. Заиграть с первой, а потом со второй грудью, до того, что она выгнется от желания, и тогда..тогда..

Антон очнулся от собственного рваного вздоха. Что он тут делает? Навис над девушкой, словно кощей над золотом, руки свои сладострастные чуть не запустил в сокровище, что так неожиданно свалилось на его голову...

Нет, так нельзя, нельзя.

Выключив ночник, снова едва удержавшись, чтобы не притронуться к спящей, выбежал из комнаты, на ходу набирая телефон старинной знакомой, которая точно знает, как нужно снимать мужское напряжение – руками, ртом, и податливым телом.

Продолжение от 18 июня.

Алиса проснулась от того, что ей банально захотелось в туалет. Вчера вечером она шпиговала не привычную к учебе голову знаниями, непонятно изложенными в учебнике, да так и уснула. Взглянула на часы – так и есть – всего шесть утра, у нее есть как минимум два часа.

Крадучись, выбирается из комнаты, но все равно у туалета замирает – из ванной видна полоска света. Забыл выключить, чтоли?

Она протягивает руку выключить свет и тут же дверь в ванную открывается, явив изумленным очам удивленного, изумительно свежего для шести утра хозяина квартиры. Ослепленная Алиса прикрывает глаза. И непонятно, чем она ослеплена: то ли ярким светом после темной комнаты, то ли белоснежным полотенцем, опасно низко сидящем на узких бедрах спортивно сложенного мужчины, то ли ярким блеском в черных тягучих греховных глазах?

Оба замирают и тут происходит что-то совершенно непонятное.

Кто-то из них или делает шаг назад, или вперед, но они сталкиваются друг с другом, и он тут же сминает ее мягкие губы яростным поцелуем.

Она запускает руки ему в волосы, вызывая протяжный стон из мужской груди, вдавившей ее в себя. Стремительность ситуации возбуждает не меньше алкоголя, кем-то похороненные в глубине мозга желания выплескиваются наружу, и он уже толкает ее к стене, прижимает спиной с одной стороны – к холодному, с другой – к живому и горячему.

Жадные руки блуждают по телу, нажимая на доселе неизвестные кнопки, запуская волну ожидания по всему телу. Тяжелое дыхание разрывает тишину и мрак коридора, она гладит его по спине, волосам, отвечая на жадные поцелуи, желая чего-то ярче и яростнее, но чего?

Она пробирается ему под полотенце, сжимая упругие полушария, и он тут же рычит, приподнимает, заставив ее обвить его торс ногами. Сквозь толстое полотенце, пижамные штаны и совершенно уже мокрые от возбуждения трусики чувствует силу его желания, и он делает пару движений, как если бы уже был в ее манящей глубине, а она откликается, как будто он уже вошел в нее во всю длину большого и толстого.

Он рычит, словно дорвавшийся до еды зверь, и кусает ее сквозь тонкую ткань прямо за грудь, а потом втягивает сосок, намочив

слюной кофту. Она рвано дышит, а тут совсем заходится едва ли не предоргазменном крике. Он наконец делает то, что хочет, и его руки отпускают ее попку, а хозяйничают на ее груди, он, чуть нагнувшись, вылизывает ее ароматную шею, а руки уже под кофтой, он задирает ее и наконец видит то, от чего можно ослепнуть – прекрасную, красивую, идеально ровную большую, стоящую грудь. Тут же припадает губами к ней, словно умирающий от жажды в пустыне, а второй рукой протискивается между горячими телами к ней в трусики. Дождлся, дорвался!

Все в нем пульсирует, а она вдруг замирает. И только он пальцем проникает во влажные складки, она резко сводит ноги вместе и леденеет.

Он тут же чувствует эту деревянность и отпрыгивает к противоположной стене.

Дыхание – как словно после забега на двенадцать километров. Действительно, что он делает? Как дорвавшийся до молодого тела юнец. Причем только несколько часов назад у него уже был секс, довольно бурный и продолжительный. А тут..

Да и с моральной точки зрения все это как-то неправильно. Очень неправильно.

Единственное, на что его хватает, так это прохрипеть загнанное:

- Извини. Такое больше не повторится.

А она и не знает, радоваться этому или огорчаться. Откуда вообще в этом ледяном бирюке столько страсти? Столько, что она так надолго забылась. Столько позволила. А в ней? В ней откуда столько огня? Да и после того случая, ужасного, перевернувшего, можно сказать, жизнь, как появилась эта реакция? Неужели она вообще на такое способна?

Дышит рвано. Выравнивает дыхание. Так. Что она тут делает? Куда шла? В кухню? Ванную? Туалет? Не знает. Наверное, лучше в кровать.

Слышит в темноте от белеющего в самом манящем сокровенном месте полотенца:

- Прости меня.

А что ей остается делать? Она в этом шаге тоже виновата, даже,

навренное, больше, чем он сам. Но сейчас этого никто уже не узнает.

Остаток утра все прятались по своим комнатам, будто мыши от кошки, благо до начала рабочего дня оставалось не больше полутора часов.

Все же Алиса оказалась взрослее, чем сама о себе думала. На утренний кофе вышла к нему. Собранная, деловая, как и он. Хотя с ним по собранности ей не сравниться: отглаженная новая рубашка, серебряные картые на запястьях рубашки, ожидающий хозяина пиджак на спинке стула.

За эти полтора часа все неуловимо изменилось: все укрылись по раковинам, застегнувшись на все пуговицы, будто и не было ночного безумства.

- Я нашел тебе работу.

- Очень интересно. А без этого как-нибудь нельзя? Я, все же, студентка.

- Ты студентка на заочке. Это не считается. Ты по определению должна работать. Сессия у тебя скоро заканчивается. Когда последний экзамен? Послезавтра, – отвечает сам себе после быстрого взгляда в мобильник.

- Собирайся, поедem ко мне на работу. Будешь помощником секретаря.

- Всю жизнь мечтала.

- Не сомневаюсь. У тебя, кстати, пятнадцать минут.

В эти пятнадцать минут она вложилась вся: и шпильки нашла в недрах сумки, и платье успела отпарить красивое, и накраситься от и до, показать, что она не бледное привидение, а очень даже красивая девушка. Волосы по плечам, только подколола волну тонкой невидимкой, чтобы не падали на лицо.

- Я жду в машине, - равнодушное вместо восхищенного.

Ну и ладно.

О его равнодушии она и забыла после того, как оказалась в офисе Антона. Офис небольшой, но светлый, народу много, все носятся, заняты, словно и не восемь утра, а как минимум, десять. И все, абсолютно все приходит к нему в приемную пообщаться с

миленькой помощницей секретаря. Настолько часто, что секретарша Ирина Сергеевна не выдержала и начала выталкивать особо надоевших за дверь.

А Георгий вообще наплевал на все и уселся на стул напротив Алисы, и, не сводя с нее масляного взгляда, веселил, травил анекдоты и байки и искренне недоумевал, что делает такая красивая девушка на юридическом.

- Модельные агентства должны в очередь выстраиваться за таким лицом, за такой красотой! – вещал он послания вверх, кидая лукавые взгляды на девушку, с улыбкой принимающую комплименты.

Но вдруг ему прилетело неожиданно от самого главного:

- Георгий, хватит заниматься ерундой, отвлекать от работы. Тебе делать нечего? Тогда езжай на фирму «Машины даром», проведешь переговоры вместе с менеджером по рекламе, они уже неделю не могут договориться.

Григорий показательно горестно вздыхает, и испаряется за дверь, показав за спиной начальника жестом: я позвоню.

Конечно, ни на какие переговоры он не поехал, вот еще – с менеджером по рекламе ездить. Гораздо лучше заняться тем, что действительно важно – собой.

Отработав запланированные три часа, Алиса отложила бумаги, которые было необходимо подшить в папки, и достала учебник. Война-войной, а сдавать сегодня предмет, в котором разбираться даже не начала – это проблематично, и только хорошеньким личиком не выедешь. Повертела в руках тетрадь, вздохнула и решила, что лучше положиться на судьбу.

Да и кому нужны эти рабочие бумаги? Наведя в них еще больший беспорядок, чем был, она вырубила роутер, лишив этаж интернета. Ну их всех. Ей –то это все зачем?

- Ирина Сергеевна, до завтра!

- До завтра, Алиса, до завтра. Ко сколько придешь?

Видимо, наличие девушки для разбора ненужных документов и подшивания их в папки все-таки здесь необходимо.

- К часу. С утра – универ.

- Хорошо, буду ждать.

Ирина Сергеевна поправила очки, сползающие на нос и проверила компьютер. Должны были прийти письма, но то ли почтовый сервер снова завис, то ли еще что, писем не было уже час. Значит, надо звонить админам. Чем она и займется прямо сейчас.

На первом этаже девушка столкнулась с Георгием. Она смерила его полным превосходства взглядом: теперь –то, за пределами его фирмы, она могла себе это позволить. Взглядом превосходства и в целом – оценивающе. Одежда дорогая, со вкусом. По глазам видно – не женат, уж слишком плутоватый взгляд. Она мило улыбнулась ему и дала зеленый свет. Мол, действуй, Георгий.

Молодой человек сразу встал в позу, много говорившую девушке с амбициями: распушив хвост, предложил подвести до места назначения. А что, это тоже неплохо. Заодно можно и самое главное оценить – машина в кредит или нет. После одного неудачного свидания она решила взять себе за правило проверять это в первую очередь.

Машина оказалась не в кредит. И вполне себе очень подходящая на первое время: рено. Немного похожая на такси, но это все мелочи жизни. И вообще, сколько лет ему еще? 25-27? Ну, до 30 при желании все можно переиграть. Да и не машина главное, это все знают.

Оказавшись в университете, демонстративно долго прощалась с кавалером, показывая прежнему поклоннику, Юре, что бы тот не питал лишних надежд: у нее все тип-топ, видишь? Она уже с новым молодым и веселым дружбу водит.

Не позволив прикоснуться к себе на прощание, убежала от Георгия в недра университета, чтобы там столкнуться с Лизой.

- Ну ты даешь, подруга!

Подруга – это сильно, конечно, сказано, но раз сказано...

- А что такое?

- Уехала из ресторана с другим, а в университет приезжаешь с другим. Как так? А мужчины мои так жалели, что тебя нет, так жалели, особенно, конечно, Николай. На самом деле, ты зря не

поехала с нами, все закончилось довольно быстро, можно было не волноваться. Все же экология, стрессы, алкоголь...- она зло рассмеялась. – У меня снова свидание с моим папиком, и я скоро поставлю ему ультиматум: очень нужна квартира. Думаю, что он не устоит и все решит для меня. Тем более, с его деньгами..

Перед глазами Алисы встал красномордый Николай Иванович, она передернулась от воспоминаний, загнав их еще глубже, чем они были, и чуть не сплюнула. Нет, красномордых алкоголиков не нужно.

- Слушай, а что у тебя с Юрой?

Лизе очень интересно. Но Алисе уже не так.

В первый день учебы, почти три месяца назад, она познакомилась с парнем старше на два курса – Юрой Игнатовым, сыном начальника таможенного поста. Обеспеченного юноши, в общем-то. Юра был милым, приятным в общении, но дальше кино никуда ее не приглашал, а цель требовала красивых и дорогих жестов. Она никогда не заводилась от слюнявых поцелуев молодого человека, и, промучавшись с ним две недели, предложила расстаться друзьями. Юра несколько раз пытался склонить к близости девушку, но в конце-концов согласился расстаться, решив, что в море полно другой рыбы, но зарубку в памяти себе поставил: склонить однажды снежную королеву к близости. Но зарубка эта осталась на неопределенный срок. Об этом, Алиса, конечно же, не знала. Она решила для себя – размениваться на сыновей богатых родителей смысла нет. Да и Юра при ближайшем рассмотрении оказался склонным к полноте и начинающейся отдышкой.

Алиса махнула рукой: да так, ничего особенного. Что было, то прошло.

Лиза согласилась. Ну, прошло – так прошло.

- А этот что?

- Не знаю еще. Но вроде слишком худой на мой взгляд. Надо получше присмотреться.

- Худой? Ну, тебе не жаркое из него делать.

- Все равно. Худосочный больно. Как иголка. Не приятно.

Глава 6 (1)

Утром – теперь уже традиционная встреча на кухне. На часах – семь.

Можно было бы и попозже, но Алисе уже хочется пересечься с хозяином квартиры, а не только прислушиваться вечером к тишине безликих хором: дома ли хозяин медной горы или нет?

Он выливает кофе из турки на две чашки. Алиса кофе не пьет, но из вежливости принимает чашку.

- Значит так. Вредители мне на работе не нужны. И без тебя там полно народу такого. Будешь тогда в доме на хозяйстве. Два раза в неделю у меня убиралась женщина. Каждые два дня готовка. Продукты в холодильнике. Теперь квартира на тебе.

- Я готовить не умею.

- А придется научиться, интернет тебе в помощь.

Что же ты за женщина, раз готовить не умеешь? – так и не прозвучало в пустой кухне. Алиса опустила глаза в пол и поджала под себя пальчики с розовым лаком. Ну, что поделать.

Что там убирать-то? Он и не заметит, если пыль не протирать. И уборка каждые два дня – это действительно много.

- Передай своей Ирине Сергеевне, что я сегодня не приду, - хмуро, наблюдая, как он надевает свои настоящие дорожные итальянские туфли.

- Конечно передам. Это она и предложила обойтись без твоих услуг, - смотрит, как она насупленно глядит на него.

Вот же стерва! Алиса тут же забыла все свое мелкое пакостничество – и отключенный роутер, и бардак в документах, и сброшенные телефонные звонки, и перепутанное время в календаре Антона. Вернее, Антона Олеговича.

- Меню на холодильнике, - брошенное уходя, добило Алису.

У него что, и меню собственное есть?

Она направилась снова в кухню. Действительно. Их высочество ужинает дома. Ладно хоть, не груши в собственном соку и фуагра на тонких хлебцах.

Алиса затолкала меню подальше, решив, что поужинать можно и бутербродами с тонкой колбаской, что уже нарезанная лежала под специальным пластиком в чисто вымытом холодильнике. Да и овощей у него довольно много. Да и вообще – есть на ночь вредно.

Она взяла из холодильника грушу, и, наслаждаясь соком фрукта, пошла к своему месту – ставшему другом телевизору. Снова – танцевальный канал, снова – искрящиеся меняющиеся картинки, снова мысли о том, что такого надеть на свидание сегодня с Григорием. Все же посмотреть на товар нужно поближе. Может быть, он не так бесперспективен?

Вымазав диван соком груши, очнувшись, увидев, сколько времени на часах. Пора бежать! У нее же пары! И этот коллоквиум, будь он неладен!

Сорвалась с места и побежала, торопливо прыгая в приготовленную с вечера одежду.

Пересчитала в стремительно пустеющем кошельке деньги. Да, осталось только на проезд туда и обратно. И спрятанные пятьсот рублей в паспорте. На всякий пожарный. Ужас. С такими темпами она точно месяц не протянет. На этого укротителя надежды нет. Работать его домохозяйкой она точно не будет. Как он не понимает? Она – будущий юрист! Ей нельзя марать руки!

Коллоквиум на удивление прошел спокойно. Сессия закончилась. Теперь и в университет можно не ходить, а как бы заниматься дома на самостоятельном обучении. Теперь –то нужно направить все усилия на поиски мужа.

Несмотря на то, что Алиса решила выйти замуж за богача, она сама себе противоречила –никак не могла расслабиться в компаниях, куда ее приглашала Лиза несколько раз, хотя, может быть, оттого, что Лиза звала ее только как сопровождение к себе, и почти всегда потом что-то предполагалось, в чем Алиса принять участие уже точно не могла. Девятнадцатилетняя девушка, насмотревшись лент красивых и попастых в инстаграмме, точно знала, что жизнь – именно такая: на берегу моря, в красивом купальнике, с пинаколадой в ярком фужере. И для того, чтобы этого достигнуть, надо выгодно себя показать.

Ужин в кафе с Георгием вышел скучным и пресным. Она все время не могла себе запретить смотреть на его худые руки и не думать о том, что он, кажется, довольно непропорционален и обладает немного недостаточной массой тела.

«Что за напасть, – думала она. – Юра толстый, а этот – худой. Есть ли нормальные люди в этом мире?».

Воображение услужливо подсунуло образ Антона, но оно тут же хлопком меню было отброшено прочь. Во-первых, он – сын богатого предка, во-вторых, он слишком..слишком.. борзый. Дроздоборзый! Такие тоже не пойдут.

Девушка оглянулась вокруг, кокетливо пожимая плечиками на откровенные разглядывающие взгляды других мужчин.

Общество Георгия, который, напротив, был явно увлечен собеседницей, начинало ее тяготить. Ей уже казалась ужасной идея выйти за него замуж. Как она вообще могла об этом подумать? Он тощий, как жердь! Где были ее глаза, когда она об этом думала и соблазняла кокетливыми взглядами?

Наконец вечер с горем поплам подошел к концу. Она бы сказала, что доберется до дома сама, если бы обладала достаточным количеством наличности, но финансы пели не романсы, а отстукивали похоронный марш, и Алисе пришлось согласиться еще на полчаса общества Георгия.

Тот радостно ухватился за эту возможность поговорить с прелестницей, чтобы, может быть, даже получить вознаграждение в виде поцелуя, но был обставлен. С резвостью газели Алиса упорхнула из машины, обрадованно увидев на телефоне входящий вызов от матери.

Такое ощущение, что они расстались не три дня назад, а как минимум, год!

- Mamочka! Как у тебя дела?

- Ох, Алисочка, я так рада, что согласилась на поездку.

Представляешь, мы в Париже. Мы гуляли на Елисейских полях, были на Эйфелевой башне, я ела устриц и еще купила себе настоящие духи, «Шанель №5».

- Так они же невкусные!

- А ты и не пей! Хорошие духи! Я и тебе тоже купила.

Алиса поморщилась, будто бы мать могла увидеть гримасу на лице дочери.

- Какие у тебя новости?

- Закрывает сессию, теперь я свободная птичка.

- Какие планы дальше?

Звук крикает, но все равно ей слышится небольшое отстранение, будто бы эти вопросы были отрепетированы заранее.

- Ну..работу поищу..

- Знаешь, дорогая, я тут подумала, может быть, ты переведешься на очное отделение? Олег Борисович согласен оплатить твою учебу.

- Может быть. Ну ладно, все равно уже не в этом году. Вот приедете и поговорим!

- Хорошо.

Мать смеется.

- Слушай, а давай я тебе в ватсап пришлю фотографии, которые я сделала здесь, во Франции? В следующем году обязательно поедем все вместе, мне так хочется тебе показать всю эту красоту!

- Конечно, шли!

Нажав на красную кнопку, обрубив связь, Алиса едва не заплакала. Ей казалось, что мать несправедливо наслаждается жизнью, и на ее месте должна быть именно она.

Ну ничего. И она будет ходить в фирменных итальянских туфельках по зарубежной земле, отправляя фотографии веселья на родину, по которой совершенно не будет скучать. Вот только решит один маленький, совершенно малюсенький вопрос, который не может решиться почему-то уже довольно давно: надо найти симпатичного миллионерчика. Не очень старого, чтобы было проблем с его детьми и не сильно молодого, чтобы не было проблем с его родителями. Все, казалось бы просто – видишь красивую девушку с удивительными сапфировыми глазами – бери и женись! Но нет! Миллионеры, как и миллиардеры упорно не хотели появляться возле университета, стоять на остановках или ездить в метро. Как ни крути, а водились они в каких-то специально отведенных вольерах, куда Алиса по неопытности своей никак не может найти вход. Но это дело поправимое. Главное – желание!

Дверь в квартиру снова открылась практически сама. Картина маслом: дежавю в прихожей. Снова колющий взгляд с мыска сапог до синих безмятежных. Снова отражение удара.

- Раздевайся.

Это мы уже проходили. Подумаешь, нас таким не удивить совершенно. Алиса спокойно стягивает сапоги, ставит в уголок, возле напряженно замершего пуфика. Расстегивает пальто, не опуская глаз, даже когда пришлось развязать затянутый пояс.

Не бросает, а будто ставит пальто на пуфик.

Ну-с, великий господин и повелитель, хозяин драконовской норы, чего изволите-с?

- С завтрашнего дня приступаешь к работе.

Надо же, что еще удумал?

- Не здесь, раз ты даже с такой банальной работой, как готовка ужина и уборка квартиры, справиться не можешь.

Ах да, готовка ужина. Вот откуда этот голодный блеск глаз, старательно игнорирующий вырез на груди.

- Уж там ты навредить не сможешь, точно.

Он все удивляется тому, как она себя ведет – смотрит в лицо уверенно, вроде бы даже согласно, а потом, за спиной, ведет себя так, что хочется голову открутить. Вот вроде бы нормально попросил: будь человеком, женщиной, наконец, приготовь ужин. И что? Где еда? В зале – бардак, а на белоснежном диване невозможно сладкий след от чего-то желтого. Даже боясь представить себе, что это может быть, сразу позвонил Нине Константиновне, исправлять беспорядок и возвращать все на привычные рельсы. С этой мадам, в голове у которой творится черт-те что, нужно принимать какие-то другие, видимо, меры.

Алиса возводит очи горе. Ты еще не знаешь, господин хороший, на что способна обиженная девушка. А уж то, что она будет обижаться долго, Алиса знала точно. Ибо нечего лезть в жизнь, когда не просят. Тоже мне – помощник выискался – квартиру предоставил. Да она, между прочим, потом, когда исправит свое холостое недоразумение, все ему отдаст, прямо телеграфирует несколько тысяч рублей за проживание в квартире.

- Тебя ждут к десяти вот по этому адресу.

Он старательно огибает ее, чтобы не прикоснуться, не дотронуться, сторонясь, как прокаженной, но не признаваясь себе, конечно же, что

это делается очень явно, и кладет визитку бывшего одноклассника возле зеркала.

- Адрес там.

Разворачивается и убегает. Вернее, позорно сбегает от ее удивленного взгляда.

Полночи Алиса смотрит в квадрат окна. Почему она здесь, что она здесь делает? Почему получается так, что она оказывается никому не нужна, даже, получается собственной матери? И даже совета попросить не у кого. Подружки – все это ерунда. После того случая, когда ее рывком выбросило из детства, Алиса точно поняла – никто никому не нужен. Каждый сам за себя, и что бы с тобой ни произошло, в том молоке, как та лягушка, ты должен барахтаться сам. А получится ли из этого молока масло – решать тебе. Алиса решила. Антон предложил работу в ночном клубе. Это отличная возможность, не тратя денег, оказаться там, где обитает рыба, так нужная ей.

Антон и не подозревал о мыслях, что роились в хорошенькой голове вынужденной соседки. Провалившись в жерло кровати, он метался. Одеяло было слишком горячим, подушка кусала, простыни жгли каленым железом. Вот что он прицепился к девчонке с этой работой? Ну и жила бы себе в его квартире, и вредила бы тут, потихому, он понимает, тоже не дурак – подростковые гормоны у некоторых пропадают вообще после сорока. А тут – целый букет – избалованная принцесса, королевна на горошине из старого города облезших пятиэтажек. И он – вредитель, тянет ее куда-то не понятно зачем. А зачем? Антон тихо страдал в подушки. Дурацкая фраза Алисы на том ужине с отцом не выходила из головы. Неужели она серьезно думает, что став женой какого-нибудь Николая Ивановича будет счастлива? Ну, может быть, она прорвется через кордон секьюрити и бывших жен миллионера, обставит не всегда адекватных детей и приберет к рукам имущество, неужто это сделает ее счастливой? Двадцать первый век, блин. Кругом все гляцевые журналы голосят о роли думающей женщины, феминизация сделала круг вокруг планеты, попутно объяснив, наконец, всем и каждому, что это такое, леди-боссы держат под шпилькой целые корпорации, а она, на-те вам: замуж за богача собралась. Смешно да и только.

Антон хмыкал, но смешно ему не было. Он ворочался и смотрел на лунную дорожку на стене от окна и недоумевал – откуда такие мысли вообще могут взяться? И теперь уже сетовал на свою голову: почему ему судьба этой пигалицы так важна? Ну да, ладная фигурка; действительно, синие бездонные, одуряющие глаза, переворачивающие душу; голосок, будто фея колокольчиком звенит. И что? Мало таких в городе? Да кругом, куда ни глянь, а у них на юрфаке так вообще и в сто раз лучше были, и многие сами добивались Антонового внимания. Да в той же самой фирме, которую они напару с Георгием организовали после универа, все как на подбор – и умные, и красивые, просто заглядение одно! По каждой плачет если не разворот «Вога», так «Максима».

Снова задавив в себе смутное беспокойство о собственном душевном здоровье, Антон, поворочавшись еще с час, уснул.

Алиса уснула в тоже мгновение.

Глава 6 (2)

Октябрьское утро встретило обоих хмурым похмельем. Вечерняя темень будто перетекла в утро, а лужи и грязь за окном не сулили ничего хорошего. В такую погоду бы лежать перед телевизором, щелкая семечки или предаваться греху обжорства под пледом на кухне, но никак не собираться на работу, что придумал ей в очередной раз орговик-затейник.

Застегнув джинсы с низкой посадкой и поправив плотно облегающий топ, оголяющий плечи, Алиса решила, что вот теперь-то она находится при своем оружии, которое поможет выйти победительницей из любой ситуации.

В этой уверенности она пребывала ровно до того момента, как оказалась в кухне под расстрельным взглядом сумрачных серьезных глаз

Поежившись под его взглядом, Алиса прошествовала к стойке, налив себе чаю. Усевшись за стол в полной тишине, небрежно закинув ногу на ногу, приготовилась к отпору всего того, что сейчас начнет изливать на нее огнесмотрящий дракон.

Однако, посверлив дыры в девушке, дракон, видимо, решил не связываться, и только молвил:

- Я тебя довезу.

Алиса не смогла сдержать радостной улыбки. Денег не было даже на проезд. Откусив бутерброд, приготовленный умелой рукой домовладельца, она решила, что день не такой уж и пасмурный, а обставить дроздоборзого можно в любом случае.

Антон будто уловил эту ее мысль и улыбнулся тоже. Скривив губы в ухмылочке, которую хотелось спрятать от пронизательного взгляда синих глаз, опустил, наконец, глаза и позволил любопытной мышке свободно продолжить завтрак, угостившись омлетом, который, между прочим, он приготовил сам.

Пижонская иномарка ожидаемо встретила теплом. Поиграв настройками на приборной панели, Антон поставил свои любимые «Времена года» и погрузился в транс. Словно соревнуясь с Сами Насери из французского «Такси», он лихо играл «в шахматы» с другими водителями, легко перестраиваясь из ряда в ряд, проскальзывая там, где даже, казалось, не пройти и «Жуку», медленно проезжая под радары фотофиксации нарушителей скоростных ограничений.

Алиса залюбовалась его изящной рукой, сжимающей коробку передач, прошествовала взглядом вверх, по ровно вздымающейся груди, по чуть искривленному носу, по мягким губам, линии шеи, открытой недавней стрижкой черных смоляных волос. Чуть затаив дыхание, следила, как глаза, горящие азартом, выискивают способ для удачного маневра, и в случае его искусного исполнения, косят в ее сторону: а заметила ли? А оценила ли?

Смешливое ребячество уверенного в себе человека так понравилось Алисе, что она не сразу поняла, что уже добралась до места назначения.

- До завтра, - попрощался лже-таксист и растворился в веренице темных и грязных машин, сверкая хромированным боком дорогой машины, выделяясь чистотой даже тут, на улице.

- Да пошел ты! – любезно отозвалась пассажирка, запоздало пнув камешек грязи вслед удаляющейся машине.

Работа, коненчо же, ей не понравилась. Ночной клуб днем работал

как бар, а ночью превращался в вертеп с засильем молодежи. Ей же отводилась роль девушки принеси-подай. Работать официанткой в планы Алисы не входило, и она старалась, как могла.

Сразу разбила поднос чистой посуды, чихнула в пепельницу, нацелившись на бармена, пролила на охранника кипяток.

Разбитую посуду посчитали, предупредив, что вычтут из жалованья, бармен обругал и пожаловался администратору, за что Алиса получила второй выговор, а охранник просто предупредил, что тут такие финты не проходят. «И если ты, девочка, хочешь добраться до дома ночью живой, держись подальше», - вот и вся недолга.

Алиса держалась стойко. С новыми коллегами не знакомилась, демонстративно путала имена и вообще к вечеру была занята только разглядыванием приходящих гостей, надеясь умудренным опытом взглядом разглядеть там кого побогаче.

Конечно же, в темноте ничего не удавалось. Ни рассмотреть содержимое кошельков, ни задержаться возле кого бы то ни было.

Наконец администратор отправила девушку обслуживать чил-аут. Неспешная музыка, приглушенный свет просто вопили о том, что здесь собирается молодежный бомонд. Поглядев по чекам, где находится самый большой заказ, Алиса, поправив кофточку с открытыми плечами, направилась на амбразуру.

Амбразура встретила сначала ее не очень довольно. Две девушки модельной внешности за столиком в углу обхаживали двух молодых людей. Причем довольно явно. Дуя губы и принижая голос, своими манерами они немного походили на уток, смешливо решила про себя Алиса, а откровенными декольте и коротким фасоном платьев вообще больше походили на кукол.

Один из представителей сильной половины человечества радостно смеялся всему, что творили куклы, а второй явно чувствовал себя не в своей тарелке. Поблескивая стеклами очков, щупленький парень старался вжаться в спинку дивана и остаться там, явно мечтая находиться в это время в другом месте.

Алиса подошла к бармену, лениво натирающему бокал свежим полотенцем.

- Знаешь, кто это?

- Чайки?

Бармен покосился на Алису, легко приклеившей ярлык девушкам.

- Нет же. За твоим столиком парнишка в очках. Знешь его?

- Конечно нет.

- Это сын владельца «Бош-мастер», - и пояснил в ответ на непонимание в глазах девушки, - главной компании в городе по продаже автомобилей.

Алиса растерялась. У нее было четкое правило: не встречаться с сыновьями богатеньких буратино. Как показывала практика, дети богатых родителей были либо скрытыми алкоголиками, либо открытыми наркоманами. Если не то и не другое, то денег у них водилось явно меньше, а вот забот от бдящих сыновнюю невинность отцов-матерей, было больше.

Девушка смерила оценивающим взглядом щуплую фигурку, вцепившуюся в бокал шампанского, будто утопающий за соломинку. Была ни была.

Она натянула пониже кофточку, сняла и отложила подальше передник официантки и походкой хищницы направилась к столу.

Четыре пары глаз следили за ее неспешным движением бедер. Две пары – зачарованно, и две – зло.

Просчитав траекторию ее движения, одна из хищниц прижалась к очкарику, решив во что бы то ни стало отстоять свой билет из университетской общаги. Билет задрожал и покрылся испариной. Алиса досадливо поморщилась.

Остановившись возле столика, она проигнорировала довольно пошлое приглашение второго молодого человека, даже не удостоив его взглядом, и протянула руку в глубь дивана, выманивая жертву из норки. Зачарованная жертва подалась вперед.

- Потанцуем? – мягким сопрано завибрировал в ушах кролика голос девушки-удава.

- Здесь не танцуют, - донеслось в сознание откуда-то издалека визгливое и ненужное.

- Потанцуем, - отозвалось тело и протянуло руку к прелестнице.

Как он оказался в гуще танцпола, шумящего какофонией драм-энд-бейса, Виталик и сам не понял. Он понимал только одно – в его руках

в медленном вальсе двигалась, жила и вибрировала от его прикосновений настоящая ночная нимфа. Возможно, именно о таких девушках его и предупреждала мама, намереваясь держать его подальше от соблазна города, но сейчас Виталик понимал, что это единственная мамина ошибка – не может быть девушка с испуганным взглядом молодой лани быть охотницей за папиным состоянием.

Виталик наслаждался танцем, голову кружил легкий аромат цветочных духов, и он уже придумывал, как пригласить прелестницу на свидание, как вдруг был отброшен в глубь обрушившегося на него звуками танцпола.

Одна из кукол, выследив жертву в силках танцпола, решила действовать органично и жестко. Оттащив Виталика, она взялась за разлучницу. Разлучница заверещала, когда поняла, что может лишиться здорового клока волос от закаленной и не в таких боях девушки, решившей выбраться из нищеты. Алиса начала царапаться и пинаться, привлекая внимание. Свет на танцполе сначала погас, а потом зажегся дневными лампами. Музыка прекратилась, показывая уровень падения современных нравов. Дерущиеся уже катались по грязному полу, стараясь наградить друг друга тумаками побольнее.

Охранник, только днем ошпаренный кипятком, ввинтился в толпу наблюдателей, безошибочно опустил руки в клубок кусающихся кошек и драка, наконец, стала не одним целым, а разделилась на две половины.

Половины отплевывались, потирали расцарапанные места, и пытались откинуть волосы с лица, загораживающие обзор.

Предмет их спора потихоньку слинял из клуба, вызволив такси, решив, что ночная нимфа слишком резва для такого хрупкого создания, как он. Куклу это раззадорило еще больше и она, вместо того, чтобы подсчитывать потери, начала костерить разлучницу.

Алиса вздыхала и поправляла кофту.

Администратор сразу решил проблему, подарив кукле бутылку шампанского за счет Алисы, а саму растлительницу отправила домой, с наказом больше никогда не переступать порог сего уважаемого заведения.

Алиса мрачно молчала и ждала хоть каких-нибудь денег за работу, но администратор, даже не доставая калькулятор, популярно объяснила, что все стоит денег – и битая утром посуда, и испорченный вечер

гостей заведения.

Алиса вздохнула, поплотнее закутала шарф под пальто и побрела пешком в сторону жилья мультимиллионеров, где по какой-то чудовищной ошибке провидения должна была прожить этот месяц.

Глава 7

Скачано с сайта knigomania.org

Антон расслабленно покачивался на волнах удовольствия. Все внизу его тела подобралось, готовясь разрядиться волной в средоточье, наслаждение это дарившее. Он скосил глаза вниз. Белокурая головка, мерно двигаясь вверх и вниз, тоже ждала его разрядки. Парень закрыл глаза, чтобы полнее пережить удовольствие. В пояснице приятно потянуло, на кончике мужественности закололо и вдруг все оборвалось.

Беспрерывным звонком в дверь и стуком носка сапога о железную поверхность.

Блондинка из бухгалтерии, решившая, наконец, принять приглашение в гости к прекрасному боссу, всполошилась. Вскочила, оставив свое дело на самом интересном месте, и натянула на прелестные маленькие грудки белое одеяло.

Антон застонал. Эхом ему ответила барабанная дробь в дверь.

- Я сейчас вернусь! Лежи здесь! – приказал он, надеясь, все же, завершить начатое.

- Это твои родители? – испуганно прошелестала новенькая бухгалтерша.

Антон чуть не расхохотался ей в лицо.

На ходу натягивая спортивные брюки, он костерил про себя все – и производителей железных дверей, которые звучат, будто колокол, если по ним постучать, и изготовителей дверных звонков, и охрану на входе в жилищный комплекс, и, конечно, самого себя. За то, что звонок не отключил, и за то, что не заставил симпатичную головку продолжить то, что сейчас нужно было бы начинать сначала.

Включил в коридоре свет, чуть не ослепнув в темноте, отворив внутренний замок, отворил дверь настежь и замер.

В проеме двери стояло нечто, очень отдаленно напоминавшее

девушку, что он видел утром. Мокрые волосы, прибитые дождем, растекшаяся тушь, сверкающие гневно глаза, смазанная помада, царапины на лице и набухающие синяки под глазами, которые он точно знал, бывают от удара в нос.

Что-то внутри него оборвалось и перевернулось.

Алиса подняла дрожащую руку и направила ничего не подозревающий на внутреннюю борьбу указующий перст вперед, прямо в дрожащую грудь, в которой все обмирало и снова начинало заходиться судорожным сердечным боем.

- Ты! Ты! Коззел ты! – выплюнули разбитые и искусанные губы, покрытые неровным слоем размазанной помады.

- С чего это козел? На себя посмотри! – вмешалась откуда-то взявшаяся третья сторона, замотанная в одеяло, как в римскую тогу.

Персонаж, еще утром бывший приятной во всех отношениях девушкой, перевел глаза на миловидное белокурое создание.

- Ты еще кто такая?

- Это мне нужно спросить у тебя. Ты кто такая? – явно дразнясь, даже не скрывая превосходство во взгляде, протянула псевдо-римлянка.

Антон еще за секунду до этого вопроса еще думал, что все может обойтись, что все еще может сойти на тормозах, несмотря на горящие погребальным огнем костры в глазах Алисы. Но, как всякий человек, уверенно носящий брюки вместо юбок, он и понятия не имел, что часто на смену второму дыханию может прийти третье, не совсем адекватное.

Алиса не стала медлить и вцепилась уже тренированными грязными руками в копну белокурых волос врагини. Девушка разжала пальцы, держащие складки одеяла, и то согласно скользнуло вдоль по ее телу, на пол, чтобы быть затоптанным танцем беснующихся девушек.

Антон сразу понял, что нужно делать. Он резко вступил в клубок дерущихся, безошибочно отделил руки от волос, не причинив никому вреда, легко толкнул нападавшую к двери кухни, быстро набросил легкое и уже грязное от сапог Алисы одеяло на пострадавшую, слегка подтолкнув ее к спальне.

Бухгалтерша, задрав нос, прошествовала вперед, как, надеялся Антон, за своей одеждой.

Ни говоря ни слова, он стянул с обмякшего тела Алисы пальто, сапоги, за руку отвел ее в ванную комнату и включил воду, усадив ее на стульчик возле душевой кабины.

Намочив уголок белого полотенца, он бережно прошелся по ее лицу под глазами, вытирая посыпавшуюся тушь, по губам, стараясь не задевать появившиеся трещинки от укусов, по носу, от которого по обеим сторонам начнет расползаться завтра синяк.

Алиса расслаблено прикрыла глаза. Она, вытянувшись, словно кошка, внимала этой нехитрой ласке, а Антон получал какое-то невообразимое удовольствие, ласку эту даря.

Внезапно открыв глаза, она споткнулась о его мягкий, нежный взгляд. Клубящийся пар от горячей воды, собравшийся в ванной комнате, его нежные движения по ее пострадавшему лицу, такое неприкрытое участие и нежность, - вся ситуация походила на сцену из какого-то рекламного ролика про что-то семейное. Алиса потянулась навстречу к нему, а он, заметив это движение, нагнулся еще ниже, ближе к ней.

И тут дверь в их особое пространство открылась, ворвавшись морозом реальности.

- Антон, мне долго тебя ждать?

Глаза Алисы полыхнули холодной сталью ножа, полоснув по голому торсу стоящего рядом мужчины, отзеркалили собранную для уже словесного раунда блондинку и снова зажглись огнем войны.

Алиса вскочила, выхватила полотенце из рук замершего Антона, и вытолкнула его вон из комнаты.

- Иди, разбирайся со своей шалавой.

Возмущенную речь прервала закрывшейся на шпингалет дверью.

Как-то все идет совсем не так, и совсем не туда, куда надо, - размышляла под струями теплого душа девушка. Несмотря на появляющихся поклонников, податься ей все равно некуда, не к отцу же, в самом деле, ехать?

Она, закрыв глаза, нырнула с головой под душ, как в воспоминания.

Продолжение от 21 июня

Маргарита и Павел после свадьбы жили первые шесть лет хорошо, и девочка Алиса чувствовала себя сказочной принцессой-ведь у нее были такие любящие, такие красивые родители. Но Павел начал пить, и в первый класс девочка пошла уже имея отца-алкоголика. Сначала он пил не много, но потом время между запоями начало сокращаться, а ко второму классу Алисиной школы Павел уже не работал, беспробудно пил, а Маргарита работала уже в две смены во взрослой поликлинике медсестрой. Выгнать его из дома она не могла, жалела, тем более, что Павел по сути человеком был добрым, и не буянил.

В прошлом году, когда Алиса училась уже в выпускном, одиннадцатом классе, к ним в город приехал брат Павла – Игорь. Огромный краснолицый бугай, работавший столяром на предприятии в соседнем городе. Приехал в отпуск, решил сродниться с братом, по его собственному слову. В результате никакого толка от него не было – они пили с Павлом на пару, а Маргарита все ждала, когда тот уедет. Как ни вечер, затягивали они вместе заунывные песни, водка лилась рекой, и на них начали уже жаловаться соседи. Алиса часто оставалась с ночевкой у подружки, чтобы хоть немного выспаться, и в разоренный дом возвращалась только чтобы сменить одежду.

В один из дней она забежала после школы домой, отец лежал пьяным в кухне возле плиты, в кухне витал жуткий запах алкоголя и еще чего-то кислого и неприятного. Она запнулась о сумку возле двери и поняла, что Игорь собрался уезжать – других сумок в доме не было.

Забежав в комнату, стянула платье, и полезла в шкаф за джинсами. Погода позволяла – апрель был уже теплым, можно было не кутаться в несколько слоев одежды, и под джинсы можно было не надевать колготки. Вдруг хлопнула входная дверь. Алиса поежилась от прохладного воздуха и быстро натянула кофту, другой рукой схватив джинсы с полки. В такой позе ее и застал Игорь. И без того красное лицо его налилось кровью, глаза едва ли не вылезли из орбит. Скрипнули зубы, и по щекам пошли желваки. Алиса вскрикнула, позвав отца. Но Игорь решил иначе. Вырвав джинсы из ее рук, он откинул их в сторону, другой рукой нагнув девчонку лицом в кровать. Жарко дыша ей в спину, он зашарил грубыми руками по ее телу, стягивая трусики вниз, сжимая испуганную грудь.

Алиса кричала, отбивалась и пыталась укусить руку, что зажимала ей рот.

Вдруг он замер, зашарил сзади, видимо, расстегивая штаны, и вонзился ей сзади. Алиса закричала от боли так сильно, что кажется, лопнули перепонки и из глаз брызнули не слезы, а кровь.

Движение он не продолжал – сделав пару поступательных, вынул и спустил ей на спину то, что накопилось. Алиса осталась лежать на кровати в собственной крови и слезах.

Больше Игоря они не видели. Алиса всегда спала с закрытой на шпингалет дверью и никому не рассказывала, что с ней произошло. Но одно для себя она решила точно: ей надо было вырваться из нищеты, но сделать это в девятнадцать лет невозможно в один момент, только если не выйдешь успешно замуж.

И она уговорила мать слезами и мольбами оставить город и перебраться в полумиллионник рядом, потому что хоть там можно было начать жизнь сначала. Сдав экзамены, с горем пополам, они уехали, оставив отцу квартиру.

Здесь они жили уже несколько месяцев, и Алиса запихнула произошедшее с ней в такой сундук своей памяти, что не могла бы раскопать его даже специально. Что было, то прошло. Впереди – учеба на платном на заочке на юридическом отделении. Она начала искать себе мужа, игнорируя парней из универа, которым нужно было только залезть под юбку. Ей этого было не нужно – близость пугала ее, страшила боль, которая должна была повториться, и самое главное – она вообще не хотела этого.

А тут..прикосновения Антона будоражили что-то внутри нее, под щетиной, отросшей за этот год после происшествия, волновали и дарили необъяснимые сны.

Тихонько охнув от мыла, попавшего на поцарапанную в клубе кожу, Алиса подумала, что оставаться в этой квартире ей нельзя. Иначе все повторится. И уже по ее согласию. И ночное происшествие, которое не давало покоя ей каждую ночь, не закончится так, как она его закончила тогда, а перейдет в другую плоскость.

Обмотавшись полотенцем с ног до головы, юркнула в тишине пустой квартиры к себе в комнату и провалилась в сон, едва натянув на влажное тело пижаму.

Антон метался, словно зверь в клетке. Позвонив товарищу в клуб, он

уже узнал все детали произошедшего. И если тот смеялся над тем, что две самочки не поделили очкастого самца, замирающего только от взгляда на женскую грудь, Антону было не до смеха. Еле проводив до такси прилипчивую барышню, дав себе очередной зарок не спать с подчиненными, не смотря на то, какими бы они прилипчивыми ни были, он костерил всеми известными фразеологическими оборотами девушку, мирно сопящую в комнате в конце коридора.

Его удивляло то, что слова о поиске богатого спонсора оказались правдой, это подтвердил и Георгий, решивший не доставать своим вниманием девушку, которая внимания того не ждет.

Если бы можно было ходить по потолку от растрепанности чувств, Антон бы так и делал. Пометавшись от окна к двери и обратно, поняв, что места для его тихой истерики мало, он принял единственно верное решение – лечь спать.

Покосившись на разоренное жерло вулкана, где еще пару часов назад ему было так хорошо, он со вздохом схватил новое одеяло из шкафа и отправился спать в зал, не желая находиться среди запаха не случившегося и уже совсем не нужного удовольствия.

Утро встретило двоих ровно в том положении, в котором сморила ночь. Алиса, кряхтя, дошла до туалета и с визгом отразилась в зеркале. Оттуда на нее смотрело чучело с синяком под правым глазом, двумя царапинами на левой щеке и вклокоченными космами.

Добежавший на визг Антон словно наткнулся на непрозрачную стену, выстроенную ее взглядом.

Ну да, синяк ожидался еще вчера, это он точно знал – сам однажды точно также в нос получил. Царапины девушку не красили, ну а что такого? Не услуги же ей продвигать в качестве менеджера. Подумаешь.

Алиса царственно поправила всклокоченные волосы и отправилась в ванную, чтобы там, аккуратно почистив с трудом зубы, не задевая колящей зубной пастой уголок растянутой губы, еще раз оценить масштабы бедствия. И вот прямо там, перед зеркалом в этой буржуйской ванной, среди хромированных смесителей, натертой душевой без единого водяного развода, стоя на теплом полу, девушка начала себя жалеть. Ростки жалости пробрались к глазам и опасно блеснули в уголках.

Алиса часто задышала, глядя в потолок. Еще не хватало расплакаться перед ним. Перед этим!

«Этот» ожидал ее, предсказуемо, в кухне. Снова безукоризненно выглажен, выбрит, затянут в мораль и серьезные решения важного управленца.

- Ты снова облажалась.

Да и не просто облажалась, ты по крупному попала, детка, это просто невероятно – обладать таким дерьмовым характером при такой ангельской внешности!

- Поэтому все сейчас будет серьезно.

Потому что со мной играть нельзя, я таких на ужин вместе с завтраком съедаю, и я умею перемелывать то, что не понимаю. А твоих поступков я не понимаю и уверен, что знаю лучше, как тебе быть, как тебе жить.

- У тебя будет новая работа. Но – последняя. Уйдешь оттуда – уйдешь из дома.

И я нисколько не упиваюсь властью над тобой! Я хочу решить это уравнение, хочу сделать так, чтобы весь сыр остался в холодильнике, а мыши – в мышеловке.

- Я не держусь за твою квартиру. Мне есть куда идти.

Что? Кто это там пищит треснувшим от напряжения голосом? Неужели сама Жанна Дарк, полыхавшая огнем? Куда тебе идти? Было бы куда – сразу бы ушла, а не осталась бы в берлоге молодого холостяка.

- Не хочешь здесь оставаться?

- Нет.

Надо же, голос уверен и тверд. Думаешь, я тебе квартиру сниму, комнату, гостиницу? А вот нет. Будешь у меня под присмотром находиться. И мне уже все равно, что скажет отец, или твоя мать. Это она, кстати, виновата в том, что из приятной девушки с синими глазами Бемби выросла такая заноза в заднице. Не надо было потворствовать глупым идеям замечтавшейся девчонки. Так что ответственность за тебя я беру на себя. Сразу понял, что этого не

избежать прямо тогда, на ужине в ненавистой «Вероне».

- Прекрасно. Работа, которую я для тебя нашел, как раз подразумевает наличие жилья.

Удивлена? Не думала, что я так быстро акклиматизируюсь и оставляю попытки сделать из тебя человека нового мира, а не застравшую в девяностых дурочку? *A la gar comme a la gar*, на войне как на войне.

- Собирай вещи, я уже подписал за тебя документы. Кстати, на всякий случай, твой паспорт остается у меня. Извини, но так я буду уверен, что ты не сбежишь обратно в свой город, вдруг решишь к отцу смотаться?

Алиса нервно засмеялась. К отцу? Да ни за какие блага человечества!

- Отдай. Паспорт мой.

- Конечно твой. Но пока полежит у меня. Временно. Это твое испытание. Ты испытывала мое терпение, оно у меня, как видишь, кончилось. Жить тебе как-то надо, а с таким украшением на лице устроиться на работу, приличную работу, не получится. Вот и поработаешь на той, что я тебе нашел.

- Неприличной? – зло хмыкнула.

- Работа, где деньги добываются честным трудом, не может быть неприличной. Запомни это, – голос сух и серьезен.

подавив в себе желание глупо его спародировать, пошла за вещами. Дежавю какое-то. Недели не прошло, а она снова меняет место жительства и снова собирает вещи в свои многострадальные китайские в полоску сумки.

Но ничего. Синяки заживут, сойдут царапины, и все будет хорошо, чтобы этот, нет, - «ЭТОТ!» не придумал.

Глава 8

Маргарите казалось, что она умерла и попала в рай. Или если еще раз проснется на белых простынях, укрытая теплой и тяжелой рукой Олега, ловя на себе его полный нежности и любви взгляд, то точно долго не проживет - сердце лопнет от переполнявшей красоты.

Никогда она не чувствовала счастье так полно, так красочно. Вот ее рука, и вся она состоит из красивых клеток, не худая и не полная – рука как рука, красивая рука как оказалось, красивой, любимой и

любящей женщины.

Теперь она чувствовала себя за мужем, несмотря на то, что уже столько лет – всю сознательную жизнь - пробыла в браке за Павлом! Теперь все это казалось смутным, ненужным, тяжелым сном во время болезни. Особенно здесь, в Париже.

Все эти пьяные разговоры, убеждения, глупые ее увещевания, вылитая в раковину водка и его скандалы после, ее мольбы прекратить и его недвижимое тело в кухне в обмоченных штанах, - все это было далеко и казалось неправдой.

Олег целовал ее каждый вечер, каждое утро, ловил каждый ее взгляд и предугадывал каждое желание. Ей даже казалось это немного неправильным, - не мог быть мужчина настолько предупредительным, как мама к малышу.

Они много беседовали, узнавая друг друга лучше, и Маргарита влюблялась в своего мужчину все больше, хотя казалось, что больше уже некуда. Признательность вытесняла настоящая любовь, которая делала ее еще красивей, и Олег не мог не замечать перемен, которые происходили с его женщиной. Видя отдачу, ему хотелось делать для нее еще больше, открыть и подарить мир, всего себя. Это никак не походило на его брак с Натальей, где женщина была всегда всем недовольна, а чаще всего замыкалась в себе и просто-напросто не общалась ни с ним, ни с сыном.

Они провели несколько ночей в отеле Парижа с видом на Эйфелеву башню, побывали на экскурсии в Монмартре, посетили парфюмерную фабрику Фрагонар, осмотрели и попробовали на вкус ночной Париж, побывали в Жеверни - маленькой живописной деревушке на отлогом берегу Сены, где долгое время жил Клод Моне.

Потом переехали в Брюссель. Фотографировались, улыбаясь, во время пешеходной обзорной экскурсии по столице Бельгийского королевства возле дома гильдий на одной из самых красивых площадей Европы Гран Пляс, на фоне «Писающего мальчика», ставшего символом Брюсселя, возле Церкви Саблонской Богоматери.

В Амстердаме покатались на на кораблике по каналам Амстердама, посетили Алмазную Фабрику. Потом поехали в Антверпен. Побывали в городах Волендам и Заансе Сханс. В Заансе Сханс - этнографическом музее под открытым небом, - подивились, как тут

все устроено. Здесь крестьяне живут придерживаясь вековых обычаев: носят живописные народные костюмы и тут же вырезанные кломпы (деревянные башмаки), изготавливают сыр по традиционной технологии. Прекрасно сохранённые здания являются ярким примером голландской жизни в 17-18 веках. Подивились опрятным национальным домикам, окна которых украшены, словно выставочные витрины; увидели старинные церкви, уютные романтические улочки, красивые каналы, подъемные мосты и знаменитую местную гавань, где можно встретить практически все типы рыболовных ботов и яхт.

Маргарита удивлялась всему, словно ребенок и не могла сдержать восторга, рвавшегося из груди. Только одно ее беспокоило – ей хотелось показать всю эту красоту дочери. Олег понимал желание матери, тем более он точно знал, что такой связи, как у Маргариты с Алисой, у него с сыном нет. Он и его чистоплутьство, благодаря которому ребенок чуть полностью не облысел, заметил уже в конечной стадии, что уж говорить обо всем остальном.

Олег обещал, что Алиса обязательно повторит этот же маршрут, может быть, даже вместе с Маргаритой, но, увидев как-то, как покраснели глаза жены после телефонного разговора с дочерью, позвонил Антону и попросил его присмотреть за Алисой. И присмотреть так, чтобы у девочки не возникло желания звонить матери и жаловаться на что-либо. Предупреждать все ее желания, водить ее куда она захочет, оплачивать все прихоти, только бы Маргарита чувствовала себя спокойно.

А в один момент вообще позвонил Антону и сказал, что в течение четырех дней (со вторника по пятницу) они вообще будут недоступны – потому что плывут кататься по Лазурному берегу. Проблем со связью не было, и быть не могло, просто ему хотелось подарить Маргарите все краски и чувства Франции, да и сам отключил телефон, чтобы хотя бы эти четыре дня его не мучали звонками и неотвеченными письмами по электронной почте. Что может случиться в обычном городе с такой красивой и умненькой девочкой, как Алиса, тем более, если за ней будет присматривать такой умный и такой во всех смыслах порядочный молодой человек, как Антон? Ничего.

И ничего не произошло.

Антон и не предполагал другой реакции. Потому сначала и показал комнату, куда определил Алису для проживания. Благодаря тому, что имелись связи в жилом комплексе, где проживали богатые и знаменитые, все удалось устроить в течение часа. Пока все пили утренний кофе. Посмеялись, конечно, повздыхали, но просьбу его выполнили.

И вот – ключи от однокомнатной дворницкой на первом этаже в его полном распоряжении, чтобы перейти в распоряжение обладательницы испорченного характера, не способной к труду.

А уж после того, как показал нехитрое жилье с маленькой кухней, в которой дребезжал почему-то доисторический холодильник «Бирюса», огласил фронт работ.

Вместе с охранником Сергеем Палычем.

- С сегодняшнего дня, Алиса, ты работаешь дворником в этом жилом комплексе.

Антон и Сергей Палыч синхронно сделали шаг назад от взбесившейся фурии, появившейся на месте смиренной девочки Алисы.

Фурия брызгалась матом, огрызалась страшными словами, замолкала от недостатка лексических оборотов и снова высказывала недовольство ситуацией.

- Я позвоню маме и пожалуюсь на тебя Олегу Борисовичу!

Аргументный аргумент Антон не принял. На это у него была своя крапленая карта.

- Вообще-то, они сейчас на яхте на Лазурном берегу. А там связь не очень. Я вчера уже отцу звонил, он сказал, что будет доступен только в пятницу. А сегодня только вторник.

Алиса топнула ногой.

Сергей Палыч протянул ей оранжевый жилет, видимо, служивший формой дворникам, но Алиса бросила его оземь, вернее, на начищенный до блеска подъездный пол.

Антон, не смущаясь, поднял жилет, отряхнул его и снова протянул Алисе.

В груди на каждое слово отзывались стальные пчелы, и, как бы ни

было тяжело ему это говорить, он все, же, это сказал:

- Прекрати вести себя как идиотка. Больше тебе никто помогать не будет, это твой последний шанс.

Алиса протянула дрожащую руку и взяла жилет, приняв, таким образом, этот выбор.

Ни слова не говоря, она развернулась, открыла ключом дверь и пропала в темной квартирке, предварительно закрыв дверь за замок изнутри.

- Отвечаешь за нее головой! – разделил ответственность за девушку Антон с мужчиной и побежал на работу, где его уже ждал изнывающий от любопытства Георгий.

Алиса огляделась. Маленький диван, который, разложив, становился кроватью. Постельное белье, пахнущее стиральным порошком выложено кем-то предусмотрительным на табуретке возле. Небольшой столик у окна, телевизор, горшки с цветами за разноцветной занавеской, скрывающей пустоту бесснежного ноября.

В малюсенькой кухне – холодильник, столик, две табуретки и простенький кухонный гарнитур. На столе-пакет с продуктами: молоко, хлеб, сметана, творог, замороженная курица и пакет картошки.

Алиса застонала.

Не будет, ну не будет она работать здесь! И не будет тут жить!

Она набрала номер телефона, по которому вместо маминого голоса слышала противное: «Абонент не доступен».

Черт побери. Действительно, в том, что она оказалась в этом месте, она виновата совершенно сама. Самостоятельно рушила то, что предлагал ей Антон, веря в собственную непогрешимость красоты.

Черт побери, и в каком положении она оказалась? На работе дворничихи, с синяком под глазом, совершенно одна. Не хватало только бутылки водки на столе.

Алиса даже передернулась от этих мыслей, а потому быстро поднялась и начала паковать продукты в холодильник. Хотя бы на это у него хватило мозгов. Кстати, как на это у него хватило мозгов?

Продолжение от 25 июня

Георгий положительно не узнавал Антона. Вернее, Антона Олеговича. Дроздов носился по офису, словно неуловимая птица колибри, а иногда застыл в кабинете, тупо уставившись невидящими глазами в монитор компьютера, словно сова.

Признаки птичьей болезни у Дроздова Георгий диагностировал недавно, с момента встречи в пафосной «Вероне» с его умопомрачительной красоты будущей сестрой. Однако с этого вторника шизофрения прогрессировала.

Придя на работу, он в первую очередь вызвал бухгалтерский отдел и устроил разнос за неверно начисленную зарплату одному из сотрудников. Доказав, что здесь была допущена ошибка, которая, к слову, самим работником никак не комментировалась в негативную сторону, несмотря на то, что было недоначислено несколько тысяч рублей, дал бухгалтерии на разборки три часа.

Бухгалтерия обиженно закрылась на замок и в течение трех часов что-то усиленно соображала в три головы. В результате светлая по названию, а не буквально, голова главбуха Валентины Степановны вынесла вердикт: виновата новенькая Лиля.

Красивая блондинка слезила глаза, просяще заглядывала к Антону в лицо, иногда облизывала губы, так явно, будто между ними что-то было, но Дроздов был совершенно не поколебим. Он со скрытой радостью, казалось, принял ожидаемый вердикт главбуха – еще бы, не ее же саму наказывать?! и вынес неожиданное решение: уволить виновную.

Виновная залилась слезами и вообще вела себя крайне неправильно, по мнению Георгия: заламывала руки, просила остаться и «поговорить наедине», «исправить положение», «реабилитироваться». А в конце так вообще вытерла искусственно вызванные слезы и подписала заявление со словами:

- Все равно у вас с ней ничего не выйдет!

От Антона добиться, чего же такого не выйдет с загадочной «ей», Георгий не смог. Как не смог и укротить разнузданный трудоголизм Дроздова.

В обед, после полученного заявления об уходе от сексуальной блондинки, тот собрал технический отдел. Технический отдел, состоящий преимущественно из фриласеров, работавших из дома, всклокоченных и заросших щетиной мужичков, еле собрался в раннюю – полдень. Кое-кто, судя по красным, припорошенным песком глазам, и не ложился еще, коротая сутки в интернете.

Дроздов достал все работы за время работы фирмы – три года – и вывел презентацию на экран. Кому-то работы были не знакомы, кто-то искренне гордился выполненными проектами. Поначалу. Вселившийся бес в Дроздова начал выклеивать мозги всем собравшимся. Он разобрал все с первой до последней страницы. Указал на все косяки, которые были совершенно не заметны даже профессионалу. Зачем-то начал говорить о проектах, давно проплаченных и потому забытых, и искать ошибки там же.

Мужики чувствовали себя словно голыми на морозе, ежились от цепких слов, звонкого голоса разбушевавшегося начальства и мысленно матерились.

Георгий закатывал глаза и мысленно умолял пережить странный синдром первого руководителя фирмы. Понимая, что именно благодаря слаженной работе технички фирма находится на хорошем счету и пользуется популярностью не только в области, но и далеко за ее пределами, Георгий боялся, что вот теперь-то все изменится. Что сейчас один за другим на его стол исполнительного директора лягут заявления об уходе сначала одного, потом другого, а потом и все восемь сотрудником технички уйдут в свободное плавание, а других ловить нет времени – заказы идут косяком, словно форель на красного червя.

Странное совещание закончилось также, как и началось. Едва за всеми закрылась дверь, Георгий не выдержал и приблизился к столу начальства.

- Что. Это. Было?

Он не мог вложить в свой голос страх, который поселился в душе и просто заменил его яростью.

Антон поднял от телефона на него невидящие глаза.

- Работа. Не видишь?

- Не вижу! – рявкнул разозленный страхом Георгий, но был послан в

дальнее пешее путешествие елейным голоском Дроздова, ответившего на телефонный звонок.

Делать было нечего, ибо дел было много.

Георгий спустился в подсобку, служившую неофициальной курилкой.

Так и есть – все знатоки собрались здесь. Неофициальное, так сказать, собрание.

- Ну знаешь, Михалыч, а дрозд-то прав. Последняя твоя работа – фигня фигней. Явно доделывал в попыхах, - пуская дым сквозь чернящие усы делится наблюдениями Игорь.

Михалыч не доволен:

- У меня-то фигня? У самого-то! Дрозд вообще с тебя и начал: поисковик сразу не прикрутил, календарь слетает с сайта, а последнюю приложуху вообще пилил полгода, а все равно пришлось переделывать!

Вспомнили все: и не сданные вовремя проекты, и неработающее приложение по транспорту, которое должны были сдавать мэрии еще в прошлом месяце, и в довесок – кулинарные пристрастия.

- А знаешь, почему я не работаю с вами в офисе здесь? У меня в прошлый раз здесь пиццу сперли! Оплаченную, между прочим, из моего кошель!

Ну, если до пиццы добрались, значит, все нормально, - вздохнул подслушивающий Георгий. Не страшно. Не уволятся. Можно не волноваться. По крайней мере за состояние технички.

Он медленно поднялся в кабинет к Дроздову и замер. Тот костерил менеджеров, которых поймал на месте. Менеджеры – преимущественно девушки, в отличие от мужиков, за себя постоять могли, и решили надавить на начальника сами. Справедливо считая, что лучшая защита – нападение.

- А как нам презентовать выполненную работу? Почему нам до сих пор не выдали планшеты? Я в последний раз на собственном телефоне показывала макет.

Георгий поморщился. Ирина всегда мельтешила без спросу и необходимости. Вот и сейчас. Зачем эту ерунду городит? Тем более у нее самые низкие продажи наблюдаются последние месяцы, и

Дроздов об этом прекрасно знает.

- И МЫ до сих пор не решили вопрос с презентациями? – голос Антона дрожит и запинаясь о собственную ярость. Все притихли, кроме одной самоубийцы, лишенной инстинкта самосохранения, не иначе.

- Конечно вы! Не нам же, менеджерам это решать! – она довольна и ждет, что ее поддержат. Но судя по тишине, воцарившейся в кабинете, поддерживающих нет. Все молчат. Вообще похоже на затишье перед бурей.

Так и есть.

- Что бы я больше такого не слышал! Заявление! Мне! На стол!

А вот это ожидаемая реакция. Дверь открывается и прямо в объятия Георгия падает Ирина, пустившая слезу.

За ней выходят озадаченные и напуганные перспективой девчата, бросающие боязливые взгляды на исполнительного директора. А директор, даром, что исполнительный, не может ничего предпринять, исполнять. Руки связаны плачущей Ириной, а голова – съезжающим с катушек Антоном.

- Завтра хоть никого не уволишь? – Георгий осторожно заходит в комнату, где мечется в клетке Антон.

- Они сами виноваты, - он чешет руки.

- Чем же?

- Никто не хочет работать! Всем нужны только деньги! Деньги! Деньги им подавай! А пахать никто не хочет и не умеет! Что за люди? Что за время?

- Эх тебя пробрало, - удивляется бывший одноклассник и друг.

Антон вылетает из кабинета в туалет, и грубо, с остервенением моет и моет руки. Вытирает бумажным полотенцем, отряхивает от скатавшихся шариков бумаги и снова споласкивает под водой.

Залетает обратно.

Георгий смотрит на все это действо сидя в кресле.

- Чего тебя так накрыло-то?

В ответ – молчание.

- Хочешь, в кабак сходим? Выпьем?

- Не хочу.

- А чего хочешь?

- Ничего не хочу.

И Антон снова бежит мыть руки. Георгий расстроено качает головой. Первый звонок.

Антон лишился матери, когда учился в одиннадцатом выпускном классе. Просто в один момент она пришла домой и сказала устало, что не может больше жить с отцом, что у нее есть другой, совершенно ей подходящий мужчина, который ценит ее тонкую душу и писательский талант. Она собрала вещи со скучающим лицом и уехала в Португалию, отзваниваясь оттуда сыну только в Новый год и день рождения. Это произошло прямо перед выпускными в школе. И у Антона произошел небольшой сдвиг на почве чистоплотности. В душ он ходил в день по десять раз, а сколько раз в день мыл руки – и не сосчитать. И вот из-за своей патологической чистоплотности просто смыл с себя весь иммунитет.

В один момент, когда лето купалось в полном разгаре, а ребята отмечали поступление на юридический, куда так хотел его пристроить отец, он не пошел на праздник - коросты расплзлись по всему телу - вплоть до головы. Было больно ходить и даже дышать. Отец бы сам не заметил, если бы в один жаркий день не начали чистить кондиционер. Было так жарко, что Антон ходил по дому в трусах, явив, таким образом, свои коросты миру. Отец их увидел и срочно увез в ГНД. До первого сентября Антон лечился там вместе с маргинальными личностями, и на первый урок в университет вышел страшным, худым и с черными кругами под глазами, что особенно невозможно смотрелось на лысой голове. Георгий хорошо помнит то время – мама его называла Антона узником Освенцима, и вздрагивала, так хотелось ей пожалеть тогда маленького еще, по сути, мальчика.

Антон за год пришел в себя, и снова стал тем, каким его знали друзья, каким привык видеть Георгий – уверенным в себе красавчиком, грозой девичьих сердец.

Тут же снова звенел звонок, собираясь бить в колокола. На столе

Антон лежали несколько бутылочек антисептических гелей, а тот все равно мыл руки с мылом в туалете.

Глава 9

Всю среду Георгий вместе с системным аналитиком карулили Антона в приемной. Но тот только забегал, говоря по телефону и просил ни с кем не соединять, тут же убегал.

В обед засада Георгия дала плоды – Антон попался в сети.

Георгий закрыл дверь на замок и подтолкнул начальника-напарника к столу, где уже дымилась суп-лапша и распространяла нереальный мясной аромат азу по-татарски, весело блестя порезанной сверху золотистой картошки зеленью.

Антон уселся было есть, хищно занеся ложку над супом, но тут же отложил ее назад, звякнув о фарфор. В голове его пронеслась мысль о том, что именно в это время Алиса сидит у пустого холодильника с пустым желудком и смотрит в квелое ноябрьское небо.

Георгий тяжело вздохнул. Вот только мук совести на фоне пустого желудка ему не хватало.

- Ты скажешь мне в чем дело или мне звонить Олегу Борисовичу?

- Зачем..? Олегу..Борисовичу? – отозвался из сумрака мыслей горе-начальник.

- Если ты не прекратишь так себя вести, не объясняя причин, мне придется вызывать тяжелую артиллерию. А артиллерии тяжелее, чем твой отец, я в ближайшем обозримом обществе не наблюдаю!

Антон покосился на тарелку, зазывно распространяющую аромат уюта. А ведь он нормально не ел уже довольно давно...

Накинувшись на принесенный обед, все же решил поделиться с другом своими тяжкими мыслями, в которых мученик варился уже столько дней.

- ...и я решил ее устроить дворником, в «Парус». Чтобы она поработала и узнала, что из себя деньги представляют, как они зарабатываются. А то, судя по всему, она так и ходила королевишна королевишной.

Георгий не находил слов, чтобы как-то прокомментировать неожиданный поступок Антона. То, что друг придерживается таких

высоких моральных принципов, как долг, ответственность, честь, он знал не по наслышке, а вот то, что в нем умирает педагогический талант, увидел впервые.

- Да что ты к ней прицепился вообще? Она тебе кто? Никто. Не сестра даже. Седьмая вода на киселе. И то – по бумагам Олег Борисыч не будет ее удочерять даже. Просто будет жить в его доме и все.

- Да не знаю я! Надо мне, надо! – взвыл Антон, едва не давясь горячим мясом.

- Надо ему.

Григорий задумался. Из хмурого его лицо постепенно становилось светлым.

- Я знаю, что нужно сделать!

Антон недоверчиво покосился на друга-напарника.

- Будешь ты у нас не Дроздовым, а Дроздобородом!

Антон почесал гладко выбритый подбородок.

- Ты чего несешь?

- Эх ты, сказок совсем не читаешь, темнота!

Наскоро закончив работу, заскочив за одной главной вещью в огромный супермаркет, потом в продуктовый и к себе в квартиру, за необходимым количеством вещей, он стоит перед ее квартирой на первом этаже.

Рука дрожит, а глаза бегают. Неизвестность пугает до дрожи, давно он так себя не чувствовал, наверное, только если на первом экзамене у Вампира, который только и знал, что все соки у студентов пить радостно и бесконечно, не стесняясь ставя двойки в зачетки.

Может надо было купить цветы? Он хмыкает нелепой мысли и жмет на звонок.

Алиса только разложила диванчик и надела теплый уютный халат поверх пижамы, приготовившись ложиться спать. Теперь-то ей надо было вставать в пять утра, а потому и ложиться организм просил

раньше. Звонок в дверь заставил заполошно забиться сердце. Кто там? Неужели.. ОН? Да нет, он, наверное, как всегда, прохладается в своей идеальной квартире, в своей идеальной жизни.

Да нет, правда же, он! Стоит, улыбаясь, с большой коричневой сумкой с иностранными буквами, пакетом из продуктового и ... раскладушкой под боком.

- Алиса, привет!

Что-то слишком радостно он начал приветствие. Но все в груди почему-то засвербило, руки зачесались, а улыбка сама растянулась. Будто от радости, что видит ее перед собой.

- Привет.

- Можно к тебе?

- Нет. С чего бы?

А кто сказал, что будет легко? Антон собрал волю в кулак и решил с места в карьер объясниться.

- Алиса, дело плохо. Меня выгнали с работы, я остался без квартиры, и в общем-то, без средств к существованию.

Алиса сложила руки на груди. Ага, как же, у такого солнечного мальчика нет друзей и запасной кредитной карты с шестизначным числом?

- Да, все так. Это временное явление. Мои счета арестовали, а чтобы не привлекать внимания, я не могу остановиться у друзей, мне нужно делать вид, что все в порядке. Отец не доступен, но даже если он был в зоне доступа, к нему за помощью я бы не обратился.

А к ней, значит, обратился?

- Да, к тебе обратился. Это правда ненадолго. Мы проживем немного вместе. Я тебя не буду стеснять. Тем более, что ты в каком-то смысле мне должна – у меня-то ты жила. Теперь ты просто должна меня выручить.

Алиса посторонилась, чтобы захватчик, бывший владелец медной горы, беспрепятственно проник в комнатку.

Он протянул ей пакет с продуктами.

- Это тебе.

Потом подумал и поправился:

- Это нам.

- Что, Дроздов, все же не теряешь мысли заставить меня готовить?

- И в мыслях не было!

Он уже вовсю хозяйничает в ее комнате. Расстилает раскладушку, втиснув ее возле окна, застилает невесть откуда взявшееся белоснежное белье, взбивает подушку.

Она только наблюдает за ним с непонятным чувством в груди.

- А ты не можешь завтра спать в другом месте?

- В каком?

Искренне удивляется, будто правда долго обдумывал эту мысль.

- Не знаю, в гостинице, у Георгия..

- На гостиницу денег нет, а у Георгия – нельзя. Он меня и уволил.

Алиса тяжело вздыхает.

А она вроде бы как привыкла к одиночеству. Да и вообще – спать в одной комнате с молодым привлекательным мужчиной в ее планы не входило.

- Ну можно подумать поставить раскладушку на кухне, но врядли я там помещусь...

Алиса закатывает глаза.

- Я ложусь рано. И встаю рано. Поэтому свет выключаю ровно в девять часов, понял?

Понять-то он понял, и был бы рад выключив свет, сразу уснуть, но время-то еще совсем детское, в девять он ложился только на отдыхе при разнице часовых поясов, а тут..

Проворочавшись с час, не выдержал, включил планшет и стал разбирать почту, тихонько отсвечивая экраном монитора и не догадываясь, что с той стороны комнаты, из угла кровати и кокона одеяла его внимательнейшим образом рассматривает женский пытливый взгляд: скользит по губам, задерживается на кадыке, оглаживает отлежавшееся ухо.

Утро началось ужас как рано. Алиса, вздыхая, со сна ударяясь о косяк двери, пожалела, что почти всю ночь как какая-то малолетка осматривала своего гостя. Как и вечером, он сейчас не представлял никакой опасности, как она подумала в начале. Во сне он показался ей каким-то беззащитным, и без своих пугающих дорогих запонок, уверенного тона, до хруста отглаженных костюмов, в этой ее убогой обстановке был похож на обычного молодого парня, только вчера закончившего университет.

Отругав себя за несдержанность, она погремела на кухне чайником, стараясь вести себя как можно тише, и оделась в приготовленную с вечера одежду.

В коридоре набрала воды в большое ведро, добавила туда немного порошка, который приготовила с вечера из дома, размешала, растворив, и замочила лентяйку. Прошлась мыльной водой, оставляя приятный запах, от лифта до двери, а там убрала ведро и смочила тряпку приготовленным вчера чистящим раствором. Прошлась тряпкой по стеклу, за которым спал охранным сном Сергей Палыч, протерла сухим полотенцем мокрые разводы, чтобы все блестело, протерла снаружи домофонную аппаратуру, чтобы в видеоглазке было лучше видно, и направилась дальше. Впереди ее ждало семь одинаковых подъездов.

Антон проснулся за пять минут до будильника и долго соображал, что он делает в квартире, где обои наклеены на потолке. Осознание сделанного вчера обрушилось лавиной. Вчерашняя идея уже не казалась такой забавной и удачной, скорее наоборот, - глупой и какой-то издевательской, чтоли.

Решив, что сегодня же с этим покончит, он, свернув кое-как постельное белье, и убрав раскладушку, чтобы хозяйке не мучиться с его движимым имуществом, направился в кухню. Там его ждал ожидаемый бардак. Грязные тарелки высились в мойке, чистых чашек не было ни одной.

Решение свернуть запланированную перевоспитательную игру тут же рассеялось. Это же надо – такой ужас в кухне! Он заглянул в холодильник и почесал макушку. Даа, тут работать и работать!

Выглянул в окно и увидел, что Алиса с небольшим ведерком направляется в соседний подъезд. Так, надо сбежать до ее прихода.

Он помыл все чашки и заварил чайник, сделал бутерброд и завернул его с тарелкой в мягкое полотенце, поставив в центре вычищенного стола. Сделав все нехитрые манипуляции, которые, как он помнил, делала мама для отца в его детстве, отблагодарив таким образом за приют, натянул кофту и брюки, чтобы уже в офисе облачиться в приличествующую руководителю высшего звена одежду.

Алиса возвращается домой, неожиданно чувствуя в руках приятную тяжесть. Такое чувство бывает, когда получаешь в подарок вещь, давно желанную, но за давностью времени забытую. Приятная истома расходится по телу, когда она видит, что о ней позаботились – горячий чай с бутербродами пришелся очень даже кстати.

Антон на работе свеж и прекрасен в своем настроении. Георгий не может оторвать глаз от начальника – все в его руках спорится, голова занята только тем, что нужно, и он не страдает над обедом в кафе напротив.

Проводив глазами официантку в обтягивающих брючках, Георгий заводит разговор:

- Ну как дела дома? Прав я был? Или поторопились мы?
- Прав, - пережевывая овощное рагу, бесконечно ароматное и нежное, наслаждаясь вкусом честно заработанной за день еды, отвечает начальник.
- И... в чем прав?
- Пока сам за дело не возьмешься, ничего не изменится! В этом и ты, и я абсолютно правы!
- Слушай, может ты все-таки отстанешь от девчонки? Засели ее в гостиницу, квартиру сними в конце-концов.
- Нет, нет и еще раз нет! Она без присмотра сразу же ударится в разврат.
- Пройдут, пройдут же без возврата года, пригодные к разврату! – смеется напарник.

Антон Олегович такой юмор не поддерживает. Георгий удивляется про себя, но уже ничего не комментирует. К конце-концов, и у него свои дела есть..

Вечером все повторяется по вчерашнему сценарию. Алиса кутается в халат, и в халате же укладывается спать, недоверчиво косясь на Антона, демонстративно поправляющего футболку и пижамные штаны. Ему немного смешно, от того, что оба ведут себя словно в пионерском лагере, но и переступить черту тоже не хочется.

Он укладывается и достает планшет, чтобы залезть в почту.

- Ты работу-то нашел?

- Нашел.

- Таксистом?

- Почему это сразу таксистом? – удивляется. Про машину-то он и забыл.

- А кем?

- Юристом в отдел одной фирмы.

Он слышит, как она переваривает эту мысль.

Ответа нет и он продолжает работать.

Она достает свой телефон и включает ролики с ютуба, тихонько посмеиваясь в одеяло. Ему становится интересно.

- Что смотришь?

- Ничего особенного.

Он встает и садится на ее диван.

- Да брось, я не могу спать ложиться в девять вечера. Ты и сама не спишь!

- Ладно, неси сюда свою подушку.

Она двигается и Антон ныряет рядом, чтобы присоединиться к просмотру приколов из сети. Да уж, точно, со своей работой он уже и забыл про такую ерунду, как обычный серф по просторам интернета.

Алиса сначала стесняется, но видя, как легко и просто Антон реагирует на увиденное, и уже сам переходит по ссылкам, успокаивается. Даже до того, чтобы расслабиться полностью и уснуть, дыша ему в плечо.

Антон с удивлением обнаруживает, что девушка уже спит, и,

улыбаясь, уходит на кухню, чтобы снова вернуться к работе. Повертев в руках антисептический гель, Антон поставил его на стол, для того, чтобы через десять минут намазать им руки.

Глава 10 (1)

Антон страдал. Антон смотрел на спящую Алису и мучился угрызениями совести. Ему хотелось взять ее на руки, и, словно младенца, отнести наверх, в свою большую удобную квартиру, в свою огромную, чистую, свежую и очень мягкую кровать, чтобы она выпалась, отдохнула, чтобы сошли синяки под глазами, появившиеся за эту неделю, чтобы снова появился тот уверенный и немного злой взгляд в синем омуте. Но Антон не мог сдаться. Карты были розданы, игра шла по-крупному, и вообще, главное правило в воспитании – это не менять своих позиций. Как говорится, менять коней на переправе молодой бизнесмен не умел и привычки такой не культивировал.

Алиса вела все эти дни себя просто невероятно – она не жаловалась, ничего такого не вытворяла. Грешным делом Антон был уверен, что Алиса в один момент или лифт подожжет, или подерется с кем-нибудь из жителей, решивших сказать слово красавице в оранжевом жилете. Но, видимо, звезды были на его стороне. И Антон страдал от этого еще больше.

Помощь, как всегда, пришла от Георгия. Молодой и очень исполнительный директор бухнулся в начале рабочего дня в кресло у начальственного стола с таким видом, будто отхватил по меньшей мере миллиардный контракт.

- Какие планы на воскресенье?

Антон, кроме похорон своей совести, планов так далеко не строил. Он развернулся от окна, продолжая застегивать рубашку, в которую уже облачался со скоростью света, меняясь из студента-заучки в недрах кабинета в настоящего, холеного владельца собственного бизнеса, созданного самостоятельно.

- А есть предложения?

- Ох, Антон Олегович, Антон Олегович, а батенька-то ваш не из евреев будет? Очень у них привычка хорошая – вопросом на вопрос отвечать.

- Кто мой отец, тебе самому прекрасно известно. Какие предложения?

Голос сух и не весел, под стать настроению.

- Предложение прекрасное – приглашение в приемную принесли. От Косточкина Леонида Андреевича, председателя правления, члена наблюдательного совета нашего банка. Юбилей отмечает наш любимый Леонид Андреевич, чтобы снова трудиться в поте лица на благо собственной семьи и собственной страны, в том числе, – он поднял многозначительно кверху палец, - нашей компании. Заявку на строительство индустриального парка в промышленной зоне мы отправили? Отправили. Подтверждение от мэрии на сети и инженерные коммуникации получили? Получили. А вот согласие на софинансирование этих чертовых сетей банк нам так и не выдал. Так что уж ты совмести приятное с полезным, сделай милость, да уговори между делом заявочку нашу с мертвой точки сдвинуть.

Антон нахмурился. Заявка на участие в софинансировании программы должна была уже быть одобрена как минимум на прошлой неделе, но в связи с последними событиями в его жизни он совсем об этом забыл, и виноват, конечно, был он сам, а не некто с огромными синими глазами под черными ресницами-опахалами.

Он отмахнулся от видения, словно от комара.

- Отлично! Давай сюда явки-пароли.

- Кстати, там билет на Дроздова плюс один. Этот плюс, надеюсь, не я.

Антон вопросительно изогнул бровь.

- Не хотелось бы встречаться с госпожой Косточкиной, знаешь ли.

Антон рассмеялся в ответ на многозначительное поигрывание бровями Георгия. Верить или нет тому, что иногда выдавал товарищ по бизнесу, он каждый раз решил по-разному. В этот раз решил поверить. Мало ли! Косточкин, слава богу, как ни крути, 60-летний мужчина, а жена его намного моложе, да и после всех этих пластических операций может дать фору любой двадцатилетней красоте.

- Один плюс один, я не против.

- Кого возьмешь? Анжелу не бери.. она снова сделала подтяжку или что там с губами делают.. это ужасное зрелище, - продолжал посвящать в секреты Георгий. – До сих пор мода на этот странный оскал, открывающий зубы, не прошла, и та сделала себе как всегда все самое модное да дорогое. Выглядит, будто барсук принохивается

к старым носкам...

- Не возьму Анжелу. И в мыслях не было..

В мыслях у Антона была совсем другая девушка, и она-то уж точно не нуждалась в ботоксе и новомодных операциях, чтобы сделать свою улыбку искренней и сексуальной.

Алиса получила аванс за месяц спустя четыре дня работы. Когда смс о деньгах отозвалась в ее телефоне, она сначала подумала, что деньги ей перевела мама. А потом реальность обрушилась на нее: она же сама ничего не говорила матери. Откуда ей знать, что та нуждается, причем отчаянно, в деньгах? Расписавшись в ведомости в бухгалтерии, куда ее отправил Сергей Палыч, сверкнула глазами и побежала в торговый центр.

Она точно знала, что ей нужно – роскошное золотое платье в пол, с открытой спиной, красиво расшитым бисером и стеклярусом лифом и удачной плиссировкой спереди.

Платье висело в брендовом бутике и слепило глаза. Слепила глаза и цена. Но Алисе было все равно.

Надев платье в примерочной, она вышла в зал, чтобы оценить роскошь при большом освещении. Продавщицы, можно сказать, попадали в обморок. Женщина с дочкой, пришедшие выбирать платье на Новый год, зашлись в завистливом вздохе, а сама Алиса не могла оторвать от своего отражения в большом зеркале глаз. Она повернулась, покрутилась вокруг своей оси и поймала в зеркальной витрине оценивающий мужской взгляд. Незнакомый мужчина поднял большие пальцы рук вверх и это окончательно решило исход дела.

Продавщица помогла сделать скидку, чтобы Алиса уложилась в ту сумму, что уже была на карте, и торжественно вручила ей огромный фирменный пакет. Душа девушки ликовала. Она не знала, куда и когда ей удастся надеть это шикарное платье, но тот факт, что это обязательно случится, она знала точно. Тем более, что до приезда мамы с ее миллионером оставалось, в общем-то, не так много времени.

Антон скользил взглядом по кухне. Немытая посуда в мойке его просто убивала. А то, что в холодильнике не было еды, выбивало из

колеи. Он много раз пожалел, что не поужинал в кафе по дороге из офиса, но теперь сбегать и есть где-то вне дома он не мог. Оставалось дожидаться гулену, которая где-то запропастилась и отправиться вместе с ней в продуктовый, чтобы купить на закинутый им собственноручно «аванс на работу в «Парусе» запас на неделю. И на сегодняшний вечер в том числе. Желудок предательски урчал и никак не реагировал на пустой чай.

Вот замок в двери пришел в движение и на порог вошла долгожданная девушка. Глаза ее светились неземным блаженством, глупая улыбка не сходила с лица, и вся она источала какое-то неземное сияние. Антон даже сначала залюбовался девушкой, но потом снова взял себя в руки.

- Ну-с, и где мы были так долго?

- Мы ходили в магазин!

Отлично! Антон уже протянул руки к пакету, чтобы взять у нее из рук тяжелую, как он надеялся ношу, чтобы приступить к готовке обеда, как вдруг его осенила догадка. Пакет бумажный, цветной и большой. В нем лежат явно не картофель с помидорами.

Так и есть. Алиса протянула ему пакет. Он развел картонные ручки в стороны и увидел на дне какой-то желтый блестящий материал. Антон внутренне застонал.

- Что это?

Голос его уже не походил на голос уверенного в себе мужчины. Это был стон черепашки, скрип несмазанной двери или мявк котенка.

- Это – платье! Я сейчас тебе его покажу, ты упадешь!

Антон сел на диван и сватился руками за голову, взъерошив волосы. Алиса, словно ягненок, схватила пакет и ускакала в ванную комнату, чтобы переодеться и продемонстрировать платье во всей красе.

Антон хотел рассмеяться, но бурчащий желудок не дал ему этого сделать.

Платье ему и правда понравилось. Красивое, что сказать, и очень ей идет.

Он подцепил ногтем ценник и присвистнул.

- Да, ты знаешь, мне так повезло! Было всего три таких платья, и

моего размера осталось только одно. Продавщица сделала мне большую скидку, чтобы я могла его купить. Это просто невероятная удача. Я купила его раза в три дешевле, чем оно продавалось изначально!

Антон понял, что ужина сегодня не будет. На ее карте не было ни рубля. Удивительно, как она до дома-то добралась.

Алиса повесила платье на плечики в коридоре, чтобы то отвиселось и присела за стол в кухне к Антону. Он раздобыл в недрах ящика старые сушки и макал их в чай.

- У тебя деньги есть?

Она замотала головой.

- И у меня нет.

- Не страшно. Позвони папе.

Антон усмехнулся. Голод давил на мозг, чтобы отдать команду и сдаться, признавшись, что деньги у него есть. Ему захотелось все бросить и пойти в ресторан, заказать жареное мясо с каким-нибудь нежным гарниром, а к нему – бутылку красного мягкого полусухого вина.

- Алиса. Как ты не поймешь! Денег у нас нет! Вообще! И благодаря тому, что ты профукала сейчас в один присест все деньги, что были у тебя на карте, мы будем голодать до конца месяца, ты это понимаешь?

- Ерунда. Не будем мы голодать, скажешь тоже.

- Очень даже будем! Мои счета арестованы, отец не сможет перевести мне никуда никаких денег из-за границы, потому что его сразу отследят и арестуют уже его счета. Ты это понимаешь?

- Что, все ТАК серьезно?

От того, как глупо она выпучила глаза, ему захотелось ему шлепнуть ее по лбу.

- Я тебе об этом твержу уже столько дней, а ты только сейчас меня слышала?

- Ну я не думала, что ты настолько не владеешь ситуацией. А ты не хочешь занять у друзей, у Георгия своего?

- У нас так не принято, Алиса! – он стонал в попытке донести ей мысль о том, что она не просто сгруппировала, а просто вырыла яму.

- Ну хочешь, я займу? У Лизы, например, - она задумалась. – Хотя нет, у Лизы лучше не занимать. А! Я могу занять деньги у Юры! Мы с ним встречались недолго в начале сентября.

Антон выразительно посмотрел на нее. Встречались. Что-то царапнуло его по кромке сердца.

- И как это вы, интересно, встречались?

- Обычно, - она пожала плечиками в мягком халатике.

Нет, вы посмотрите на нее! Встречалась она! Антон даже задохнулся от возмущения. Он не находил в себе слов, чтобы сказать этой пигалице, что вот прямо сейчас, из-за нее она сидит и его желудок страдает, переваривая какие-то каменные сушки, а она.. встречалась!

- Да, ты прав. У бывших как-то не занимают.

Они помолчали.

- А что же делать?

- Работать.

- Ну я и так как бы работаю. И у меня эти два дня – законные выходные. И я буду спать.

- Нет уж, наши планы будут совсем другими. В воскресенье мы идем, так и быть, выгуливать твое платье, но в субботу придется заработать какие-то живые и очень быстрые деньги. Иначе в своей золотой тряпочке тебе придется идти во «Времена года» пешком – на такси денег у меня нет.

Алиса открыла от возмущения рот и тут же его закрыла. Факт того, что она куда-то приглашена сразу дошел по нейронам мозга до цели назначения и согласился с доводами Антона о том, что деньги на такси нужны, просто необходимы! Да и съесть бы чего-нибудь не мешало. Она протянула руку за сушкой, но Антон отобрал ее, демонстративно откусив огромный кусок. Правда, она не видела, как поморщился он от боли, раскусывая практически гранитную твердь мучного изделия.

Глава 10 (2)

Антон придумал, как ему казалось, прекрасный план. Для того, чтобы

помочь Алисе с работой и остаться не узнанным, на одном из сайтов он зарегистрировал их как участников по раздаче флаеров во время рекламной акции магазина по продаже электронных товаров, что проходила в эту субботу с утра.

Ирония заключалась в том, что одеться они должны были в очень приятные костюмы: пахнувшие затхлостью костюм смешариков – Ньюши и Бараша.

В Бараша пришлось переодеваться Алисе, а в Ньюшу – Антону. Антон чуть не взвыл, когда оказалось, что костюм мультяшной героини ему как раз, а вот Бараш – маловат. Алиса смеялась и улюлюкала, пока он переоблачался в неизвестно кого, но сама очень легко перевоплотилась в мультипликационного героя.

Антон ругался про себя последними словами и хотел сбежать. Но они должны были отработать пять часов, за что в итоге получали жалованье и, что самое приятное, обед в небольшой столовой. Только мысли о горячем супе остановили его от того, чтобы бросить голову Ньюши в невысокого прыщавого студента, руководившего группой.

Работа была нехитрой – четыре часа они уже отработали, раздавая на улице флаеры, и бубня что-то среднее между «доброе утро» и «идите лесом».

Антон пытался филонить, прятался за деревьями, чтобы поговорить по телефону, и не всегда телефонные разговоры были настоящими. Алиса ставила руки в боки и звала его обратно, на поле раздачи бесполезных бумажек.

Антон считал минуты, если не секунды и уговаривал себя не начистить голову девчонке за вчерашнюю глупость с платьем. Он мысленно пересчитывал все деньги, которые были спрятаны в его сейфе в квартире, вспоминал, сколько денежных средств лежит на картах и в офшорах и смеялся сам над собой, что вынужден стоять в странно пахнущей имитации мультяшки за двести рублей в час.

Он сунул в руку мимо проходящему парню флаер. Тот попятился, Антон надавил ему на грудь и парень упал. Парни смотрели друг на друга – огромная Ньюша и обычного вида коротко стриженный студент.

- Это че за..?!

Антон протянул руку:

- Ты это, прости, братан.

- Ты парень, чели?

Студент противно заржал и, отряхиваясь, скрылся за углом. К Ньюше-Антону подошла Алиса-Бараш.

- Что-то случилось?

- Все в порядке.

- Ну, смотри у меня.

Смотреть пришлось обоим. Из-за угла навстречу мультяшкам вышли пятеро быковатой наружности парней, облаченных в спортивные черные костюмы.

- Ну, мля...

Антон закатил глаза и приготовился к лучшему.

Лучшее не заставило себя ждать. Упавший парень бросился на Антона, целясь в живот, второй занес ногу, чтобы ударить в грудь, а третий решил зайти сзади. Пятый решил взять на себя непонятого Бараша.

Народ, курсировавший по многолюдной, вроде бы, улице, неожиданно рассосался.

- Мы что, в девяностых? – подала из-под плюша голос Алиса, а черный мачо на ее слова рассмеялся.

Драка разгоралась жестокая и не очень красивая. Антону мешал костюм, хоть и амортизировал удары. Голова не давала обзора, и удары сыпались на него отовсюду. Парни гоготали и драка становилась простым унижением. Пот застилал глаза, но Антон не сдавался. Ньюша некрасиво материлась и кричала нездоровым мужским голосом, а Бараш бежал рядом и голосил сипло и очень по-женски.

Вдруг Бараш принял неожиданное решение. Алиса вынула из мусорки бутылку и разбила ее, сделав этакую «розочку». Она кинула что-то парням и они удивленно воззрились на не предвещавшего беды персонажа.

- Отошли от него, быстро! – скомандовал неожиданно самый милый из всех смешариков.

Парни переглянулись.

- Я сказала! Быстро отошли от него! – Алиса не сдавала позиций, и голос ее уверенно раздавался в пустой улице.

- Этто что еще такое? – раздался голос сзади.

Алиса, холодея, повернулась.

Сзади стояли два человека в полицейской форме и с нечитаемым выражением на лицах смотрели на представление, которое по телевизору вряд ли увидишь.

- Старший сержант Логов, - отдал честь Барашу самый старший, усатый полицейский. – Пройдемте в отделение.

Алиса разжала руку и «розочка» со звяком брякнулась на мостовую.

Двое парней позорно бежали с поля боя, а трое убежать не смогли – в одного вцепился Антон, а двое просто-напросто не догадались этого сделать.

В отделении ребята просидели два часа. Телефон Антона раскалывался от звонков, а потом и вовсе затих – села батарейка. Парней посадили в обезьянник довольно чистого опорного пункта, а Алису, допросив, отпустили, сдавать мультяшную одежду.

Вернулась она с деньгами.

- Я принесла залог, - она тихо положила три тысячные купюры на стол перед полицейским. – Мы же можем договориться?

Полисмен смерил девушку с головы до ног презрительным взглядом.

- Больше у меня ничего нет. Ну отпустите его, что вам стоит.

- Кого? Их там четверо сидит, - понизил голос мужчина, пошевелив усами.

- Дроздова. Который раздет.

Мужик хмыкнул на мерзнувшего в рубашечке Антона и махнул головой.

- Дроздов. На выход.

Парни зашумели негодованием, но полицейский был непреклонен.

Антон подписал бумаги, принял из рук Алисы пальто и, не говоря ни

слова, пошел к автобусной остановке.

Алиса бежала за ним, словно собачка.

- А нам за четыре часа не заплатили – оказывается, ты костюм порвал. Забрали как неустойку, чтоли...

Антон игнорируя Алису, стоял на остановке, вглядываясь вдаль, словно капитан корабля.

- Ну ничего страшного, главное, у тебя все цело. У тебя же все цело? – она заглянула ему в лицо.

К остановке подъехал большой красный автобус. Антон, пропустив выходящих, легко запрыгнул в его нутро и тут же занял свободное место у окна, отвернувшись от девушки, следовавшей за ним.

Поискав мелочь в кармане пальто, она заплатила за обоих кондуктору.

- Да ладно тебе, Антош, все же хорошо закончилось!

Их высочество даже головой не повел, не обозначил, что слушает девушку рядом.

И только подходя к подъезду дома, остановился, так, что Алиса даже ударилась о его спину.

- Ты деньги откуда взяла? Залог?

- Так я свой телефон в ломбард сдала. Сколько дали, все забрала и побежала тебя вызволять. Неужели ты думаешь, я бы оставила тебя в этом обезьяннике?

И тут Антона прорвало. Он поднял голову вверх и рассмеялся в ноябрьское смурное небо. В его смехе было все – и отголоски прошедшей битвы, и несколько часов метаний, и желание придушить эту девчонку, из-за которой он оказался в такой дикой ситуации, и облегчение от мысли, что он-то оказался ей дороже, чем телефон – можно сказать, продолжение тела любой молодой девушки в современном мире.

Алиса, с сомнением наблюдавшая за истерикой молодого человека, услышала что-то в нем понятное для себя, тоже рассмеялась ему в унисон. Антон приобнял ее за плечи, и они продолжили веселиться дальше по пути к дому.

Молодой человек хотел достать ключи, чтобы сказать, что теперь-то

уже все, он хочет вернуться в свой настоящий дом, но Алиса его опередила.

- Антош, ты иди, иди домой, а я сбегаю за продуктами. У меня еще тысяча осталась, а дома есть-то совсем нечего. Ты иди, отдыхай.

Антон, ни слова не говоря, прошел в подъезд.

Алиса побежала за продуктами.

Он поднялся на свой родной этаж, открыл своим ключом свою родную квартиру и удивился, что она ничем не пахла. Какой-то безликостью и немного чистящим средством. Кругом - режущая глаз белизна и тишина, которая раньше казалась ему обычной. Теперь тишина оглушала. Антон присел на пуфик у двери, поиграл ключами и улыбнулся в тишину белого коридора:

- Ну что же ты со мной делаешь, а?

Встал и направился вниз, на первый этаж, чтобы уже там расположиться в неудобной ванной комнате, подстраиваясь под протекающий кран, по своему разумению меняющий температуру воды.

Алиса осталась без самого главного, что должно быть у каждой уважающей себя охотницы за приданым. Без средства связи. Но сейчас ее больше волновало то, как задобрить этого неугомонного, язвительного, но такого живого, и удивительного, словно весенний ветер, парня.

Только вчера они смотрели какую-то ерунду и он поглядывал иногда на нее без привычной пелены превосходства – морального, интеллектуального, еще какого-то, а уже сегодня чуть не бросил ее, выйдя из опорного пункта. Она четко поняла это: вот сейчас, сейчас он развернется и пропадет. И она его больше не увидит никогда. Ну, может быть, на свадьбе родителей, а после этого – точно нет. А потом что-то сломалось, что-то помогло растопить лет, и он снова стал с ней собой, даже еще ближе, чем прежде, и от того, что она смогла пробраться в него, ей показалось, что за плечами растут крылья. Не очень большие, но что-то там нарисовывается, это точно.

Порхая между прилавками в магазине, Алиса пыталась объять необъятное и складывала и вытаскивала из корзинки продукты. Обычно за провизию в доме отвечала Маргарита. Деньги на питание

ежедневно дочери выдавала тоже она, а уж откуда те берутся в ее кошельке, Алиса, конечно же, не думала.

Наконец она уложились в свой скудный бюджет, спланировав ужин, который приготовит мужчине, пострадавшему в неравном бою и получившему неслабый удар по самолюбию. Уже в доме, проходя мимо Сергея Палыча, подмигнула мужчине, от чего тот на несколько секунд подвис, потом покрутил усы, словно гусар, и весело ухмыльнулся.

Настроение не испортилось от того, что им пришлось несколько часов выстоять в убогой униформе. Не испортилось от нападения парней. Не испортилось от потери телефона. Алиса с удовольствием достала из пакета продукты, разложив по степени необходимости. Сегодня она приготовит ему настоящий плов – он повел себя как настоящий мужчина, как настоящий восточный мужчина, поэтому плов будет кстати.

Прислушиваясь к шуму воды в ванной, Алиса торопливо разделывала мясо, промывала рис и получала от готовки удивительное удовольствие. Мышцы расслаблялись, как после долгой тренировки, душу наполнял покой, и руки уже сами делали незамысловатые движения, а сама Алиса будто парила над кухней, добавляя приправы, вдыхая вкусный аромат чеснока и базилика.

Пока плов тушился в казане, найденном тут же, она закатала маленькие печенья на кефире, посыпав их сахаром, как это когда-то делала мама. Алиса помнила этот вкус печенюшек, только что из духовки, обжигающих язык, небо. Чтобы затушить этот пожар, нужно было отхлебнуть побольше холодного молока из смешной кружки со сколотым краем, и тогда выходной с родителями дома становился настоящим выходным, похожим на сказку.

На аромат в кухню потянулся Антон. С влажными волосами, белой футболке в мокрых пятнах и домашних штанах он казался совершенно другим человеком. Алиса смотрела и не могла наглядеться – будто и не узнавая человека, с которым уже столько дней проводила время рядом, да что там, - жила!

Мужчина потянул носом, заглянул в казан, обжегся, захныкал, попрыгал на одной ноге, схватившись за мочку уха, чем невероятно рассмешил девушку, и вынес вердикт:

- Корми давай меня, иначе я начну грызть ножку стула.

Терять ножки у стульев совершенно не хотелось, а вот поухаживать за этим новым, каким-то особенным человеком, который неожиданно вылез из панциря Антона Олеговича, хотелось очень. Алиса усадила его на табурет, разложила приборы, положила большую порцию плова и начала заваривать чайник. Окатила заварочный чайничек кипятком, посыпала туда щепотками чайные крупинки, залила водой, чтобы настоялся. Села за стол и подняла глаза на Антона. Он смотрел за ее передвижениями по кухне пристально, будто боялся пропустить хоть одно движение, и за все то время, что она была занята, даже не притронулся к блюду, дразнящему ароматом горячего и сытного.

Она улыбнулась ему, и Антон будто очнулся от колдовства, стряхнул с себя что-то и приступил к еде, удивленно поглядывая на Алису.

- Это точно готовила ты?

- А кто?

Она заглянула под стол.

- Я и моя домработница. Я как раз ее спрятала под стол.

Антон поморгал.

Сегодня она открывалась ему с новой стороны, и он совершенно не знал, как к этому относиться. Уже сегодня он хотел признаться во всем, и избавиться от девушки, чтобы вернуться, наконец, к привычной жизни, как прямо сейчас, на этой кухне, снова подумал о том, что пока не готов к такому повороту событий.

- Я готовила, ты – моешь посуду!

Безапелляционно пригвоздила она его к месту, после того, как все вкусные печенья пропали со стола при помощи Антона.

Ответить на возражения ему никто не собирался – точку в споре поставил повернувшийся в ванной комнате шпингалет.

Глава 11

Скачано с сайта knigomania.org

Все утро воскресенья Алиса приводила себя в порядок. Было все – и водорослевая очищающая маска, на которую Антон косился укоряюще, возмущенный цветом, и смягчающая маска из банана, которую Антон пытался украсть и съесть, и, наконец, война за единственную ванную комнату, которая нужна была обоим.

Но наконец, баталии пройдены, война разрешилась мирно, и он вызывает такси, ожидая, когда же Алиса появится во всей своей красе платья, стоившего ему стольких нервов.

Результат действительно ошеломляет. Золото блестит на плечах, щеках, в глазах, тягучее, каштановое, оно стекает по спине шикарными выющимися волосами, притягивает взгляд на стройной талии, покатых бедрах и высокой груди. Отблески золота – на игриво прикусанных губках, на маленьких пальчиках, сжимающих клатч, изящной щиколотке, теряющейся в подоле платья, разящем уколе шпильки.

Антон, видевший немало безусловно, безоговорочно красивых женщин, покорен. Это золото его не просто ослепило, оно его скрутило и пригвоздило к полу, оно его охватило, повлекло за собой и вжало в его обладательницу. Очнулся он в миллиметре от ее губ.

Она жарко дышит, словно после пробежки, не может поднять глаза от его горячих, манящих губ напротив, он поднимает глаза и видит ее подрагивающие ресницы. Удовольствие, какое бывает от наблюдения за потягивающейся кошкой, охватывает его.

- Карета подана, такси у входа.

Она стряхивает с себя очарование момента и идет за собранным, уверенным в себе молодым мужчиной, накинув пальто.

По традиции, заведенной несколько лет назад, кичиться богатством стало не модно. И без того все примерно представляют размах, который может устроить Косточкин Леонид Андреевич, председатель правления, член наблюдательного совета банка в честь своего дня рождения. Леонид Андреевич решает сделать все очень просто – приглашает бомонд на концерт, устроенный в Органном зале. Приглашенные гости не просто оркестр из города, - а настоящие путешественники по мировым залам.

Антон выжидает момент, курсируя от одной компании к другой, чтобы наконец присоединиться к веренице поздравляющих гостей.

Алиса производит безоговорочное впечатление на именинника, который сразу выпрямляется, неосознанно делая стойку, как только пара оказывается рядом.

Антон проговаривает поздравительную заготовленную речь, Леонид

Андреевич благодарственно блеснит очками, за которыми прячутся хитрые кошачьи глаза, которые масляно, но совсем не пошло, а чуть более заинтересованно, чем обычно, разглядывает спутницу Дроздова.

Госпожа Косточкина, ощущая, куда направились флюиды мужа, решает сразу перетянуть одеяло внимания на себя, вернее, на свою совершенную грудь, которой совсем слегка коснулся нож хирурга.

- Ах, Антон, представь нам свою спутницу! Вы, наверное, актриса?

Алиса удивленно вскидывает брови.

- Нет, - качает головой она.

- Просто с вашей внешностью, и с вашим спутником, можно сразу предположить, что вы, наверное, не станете растрачивать себя на какую-то совершенно скучную работу..

- Алиса – будущий юрист, - решает разбить мечты о несбывшемся Антон.

Заинтересованность в господине Косточкине тухнет, и, хотя это не сразу бросается в глаза, Алиса чувствует это, - так бывает, когда выключают свет в светлой комнате: вроде бы все как надо, но чего-то первые мгновения не хватает.

Она решает сказать совершенно незнакомым людям то, что давно уже крутится у нее в голове, что, может быть, обладает магией незнакомых попутчиков: обмениваясь сокровенной информацией, ты приближаешь исполнение задуманного.

- На самом деле, юридическое образование я получаю по просьбе мамы. Она очень хотела, чтобы у меня была «нормальная» профессия, - она подкрепляет свою речь виртуальными кавычками двумя пальцами свободной руки. – Но на самом деле, я мечтаю открыть свою пекарню, мне очень нравится печь, и мне кажется, что пришло время делиться чем-то с другими людьми.

Леонид Андреевич понимающе качает головой, а вот госпожа Косточкина, напротив, кривит губы в ироничной улыбке.

- Но ведь сейчас так много, удивительно много пекарен, почти на каждом шагу?

- Меня это не пугает. К тому времени, когда я обзаведусь своим капиталом, они либо разорятся, либо их выгонят настоящие крупные

пекарни.

Косточкин хмыкает. И мгновенно понимает, что девушка напротив придумывает на ходу, вот прямо сейчас.

- Алиса, а вот если бы у вас была бы возможность вот прямо сейчас получить ссуду на дело, вы бы согласились?

Пальцы Антона от волнения чуть сильнее, чем нужно, сжимают ее локоток, и она немного морщится.

- Боюсь вас разочаровать, ссуду на пекарню я бы не взяла. Но сделала бы кое-что другое.

- И что же?

- Я бы попросила вас взять Антона к себе на работу. Она очень умный, и, как ни странно, сообразительный мужчина.

Леонид Андреевич удивленно смотрит в не менее удивленные глаза Антона.

- Алиса неверно выразилась, наверное, речь идет о ссуде нашей компании..- начал оправдываться он, но тут же был перебит развеселившимся Косточкиным.

- Будет вам ваша ссуда, будет! Помню я о вас! С документами ко мне в понедельник к восьми, будь как штык!

И, посмеиваясь удивительной ситуации, когда взрослый мужчина пал жертвой очарования молоденькой студентки юридического факультета, мечтающей открыть пекарню, вместо покорения мира, Косточкин увел под руку свою жену в глубь расступающихся в почтении гостей.

Антон ухватил Алису в тиски своих рук.

- Алиса, спасибо тебе!

- За что?

Он улыбнулся ее недоумению.

- За все спасибо, ты – молодец!

- Ты меня благодаришь за то, что я тебе нашла новую работу?

- За то, что ты думала не о себе, а о другом человеке, - он серьезно смотрит в ее глаза и ей кажется, что там, - в глубине его глаз находятся все тайны мира, которые можно прямо сейчас и здесь

разгадать, надо только протянуть руку.

Но.. тайны – тайнами..

- Антон, ты, похоже, здесь многих знаешь, не познакомишь меня с каким-нибудь молодым и богатым молодым человеком?

Он опускает руки и хмурится.

- Зачем?

- За надом, за чем, - она и не хочет никаких знакомств больше, тем более сейчас, когда аромат туалетной воды парня напротив совершенно подавляет волю и забирает рассудок. Но.. именно поэтому и надор положить этому волшебному безобразию конец.

- А мама твоя знает, что ты в проститутки подалась?

- А твой отец знает, что ты – придурок?

Они с секунду смотрят друг на друга как на врагов народа и разбегаются в противоположные стороны, сойдясь, правда, уже через минут десять – когда начинается представление, заказанное именником.

- Ну, как успехи в поиске молодых да богатых? – шепчет Антон в тишине полутемного зала.

- Отлично, знаешь ли. Получше, чем у тебя.

- А мне и не нужно искать никого. Сами, знаешь, липнут.

Каждый погружается в музыку, дарящую волшебство со сцены, и думает о том, насколько различны бывают цели у других людей.

Алисе кажется, что мечта стать молодой миллионершей начинает таять как дым над рекой после всех этих неудачных попыток, а Антон чувствует, что настолько привык к этой красивой, удивительной, но очень своеобразной девушке, что отпустить ее от себя точно не сможет.

Вечер закончился прекрасно. Раболепные признания в любви именнику, напоминания позвонить, но что самое главное – напоминание от САМОГО Антону о встрече завтра, чтобы обсудить лично условия ссуды на инженерные коммуникации, которые, словно трасса для самолета, проложит великолепный и ровный маршрут без ям в безвоздушном пространстве больших денег. Алиса безмятежно улыбается всем вокруг, Антон, усаживая ее в такси,

бережно держа под локоток, наслаждается полученной энергией.

Уже сидя на заднем сидении такси она вдруг оборачивается, пристально смотрит ему в глаза, пододвигается ближе и мягко целует в полураскрытые губы. Антон не теряет полученного шанса и отвечает также – мягко, но настойчиво, раздвигает языком губы и проникает в теплую мякоть.

Пульс стучит в висках, и кажется, все ускоряется. Или действительно ускоряется?

Антон переводит взгляд за ее плечо, ловит недоуменный взгляд и видит, что машина действительно несется с огромной скоростью.

- Что за?... – не успевает договорить он, обращаясь к таксисту.

- Да, милый мой, да, - отвечает ему незнакомый мужик за рулем. – Доигрался ты, и девка твоя доигралась, можете попрощаться друг с другом.

И мужик смеется ненормальным смехом, вдавливая педаль газа в пол, от чего пассажиров швыряет по всему салону, и Антону так и не удается дотянуться до шофера. Его хватает только на то, чтобы словно одеялом накрыть Алису своим телом перед столкновением с огромным многотонным камазом.

- Антошенька, Антошка, что с тобой? Ты в порядке?

Выплывая из марева обморока он видит ее перепуганное, испачканное в крови лицо.

Он попытался сесть. Понял, что это не удастся.

Кругом что-то голосило, рвалось, угрожающе искрило.

- Я в порядке, - ответил он на вопрос, что то затухал, то проявлялся в сознании.

Антон помнил, что настоящие мужчины не плачут. Потому и не плакал, а усиленно хоронил в себе истерический рык боли от осознания того, что вместо позвоночника он сейчас чувствовал только оголенного электрического угря, распадающегося на паззлы и от этого еще больше пропускающего боль по всему телу, даже по ресницам, по всему телу, кроме самого главного участка, - ног.

- Я в порядке...

Глава 13

Маргарита выплывала из сна словно из облака. Казалось, что кругом кружат розовые лепестки, которые, опускаясь на землю, становились серой золой. И вот спустя какое-то время вся земля вокруг нее, насколько хватает обзора, уже и не земля вовсе, а кружащаяся, мешающая дышать и видеть черно-серая зола.

Стараясь не задохнуться от окружившей ее гари, Маргарита вздохнула полной грудью, стараясь проснуться, но толща сна не отпускала ее, затягивала обратно в свои глубины.

Вздохнув раз, второй, третий, Маргарита вдруг поняла со всей ясностью сознания, что находится во сне и забарахталась, закружилась, стараясь проснуться.

Не с первого раза, но ей это удалось. Отлепив от спины кружевной пеньюар, весь мокрый от пота, она протерла глаза, оценивая реальность. Мужа рядом не было. Она огляделась, прислушалась и поняла, что он говорит с кем-то в соседней комнате номера.

Накинув халат, кое-как пригладив спутанные со сна волосы, поспешила к Олегу.

- Доброе утро! - со всей учтивостью, на какую была способна, не отойдя еще полностью от мерзкого сна, протянувшего свои щупальца прямо в сердце, обратилась к ухоженной женщине с эффектной стрижкой по-модному покрашенных седых волос.

Та в ответ лишь смерила ее презрительным взглядом прозрачных равнодушных глаз. Увиденным незнакомка явно осталась довольна, потому что, демонстративно хмыкнув, обратилась к нервному Олегу, сидящему напротив в вычурном кресле.

- Ольга, твои обвинения беспочвенны и глупы. Ты ничего не добьешься от меня.

- Глупы? Беспочвенны? - она в ухмылке изогнула фактурно бровь. - Мы еще вернемся к нашему разговору, и он закончится именно так, как мне нужно. А пока можешь развлекаться со своей старой игрушкой.

Олег встал, явно провожая нежелательную гостью. Подошел к Маргарите и обнял

ее за талию, успокаивающе погладив по спине.

- Маргарита-твоя ровесница, - спокойно ответил он.

- Она здорово это скрывает.

До конца не разобравшись, что связывает этих двоих, но твердо решив не давать шанс унижить себя какой-то выскочке, пусть и покрытой таким приятным загаром, полученным явно не за один день на дорогом курорте, позвякивающей стильными браслетами, Маргарита сладко улыбнулась.

- Да и вы, вижу, выглядите не очень свежо. Материальное положение,наверное, не очень хорошее?

От того, как весело хрюкнул ей в плечо Олег, Маргарита поняла,что попала своим случайным выпадом прямо в цель.

- Получше чем у тебя, продавщица мценского уезда - шикнула собеседница и, развернувшись на каблуках, поспешила удалиться из номера.

- И вовсе я не продавщица! - после этого Маргарите надо было добавить несколько слов на исконно русском, то есть ненормативном, но опускаться до базарного выяснения отношений было как-то неверно.

Будущие новобрачные, как только за женщиной захлопнулась дверь, от души рассмеялись.

Олег явно не ожидал увидеть у своего цветка такие ядовитые шипы, жалящие прямо в цель.

- И кто это был? Не хочешь поделиться?

- Это Ольга, моя бывшая жена.

- Ольга?- выдохнула Маргарита.

- Не волнуйся, надеюсь, мы больше ее не увидим.

- Что ей было нужно от тебя?- собственнические нотки в голосе будущей жены заставили расплыться в довольной улыбке мужчину, но и мучить ее совершенно не хотелось.

- Деньги, дорогая моя, только деньги. Больше ничего и никогда ей было не нужно. Сына родного продала, укатив в Португалию с любовником. А сейчас-новый любовник, новые аппетиты, новые интересы.

- А ты? - вмешиваться в отношения бывших супругов не хотелось, но точки в их истории для себя поставить было необходимо, чтобы не

оказаться потом в неловкой ситуации.

- А я против того, чтобы спонсировать чужие прихоти. Отступные при разводе у нее были очень хорошими, и то, что она так плохо ими распорядилась, это уже не мои проблемы.

- А...

Маргарите хотелось задать еще тысячу и один вопрос, но по жесткому взгляду мужчины поняла, что этого делать не стоит.

- Марго, зачем нам омрачать день такой ерундой, как несвоевременный визит бывшей жены? Тем более, что сегодня мы прокатимся на яхте в открытом море, практически одни...

Олег потянулся за долгожданным поцелуем к будущей жене, и та охотно его поддержала.

Яхта оказалась не такой шикарной, как предыдущая, на которой они провели целых четыре дня. Но зато здесь они действительно, были практически одни-не считая капитана судна, француза, который, впрочем, вполне сносно изъяснялся с Олегом на английском языке. Маргарита, языком не владеющая, с удовольствием прислушивалась к их разговору, подчеркивая для себя знакомые слова.

Принимая солнечные ванны лежа на корме маленького судна, Маргарита лениво смотрела в блестящую синь воды, наблюдая, как Олег ныряет с маской. Она задумалась о том, какие отношения могут быть сейчас между бывшими супругами. Несмотря на то, что Ольга бросила их с сыном, изменила мужчине, ей казалось, что в глубине души Олег что-то таит по отношению к бывшей. Между ними ведь столько было: и рождение долгожданного малыша, и первый переезд в большой дом, и невероятные успехи мужа в бизнесе, и многое, многое другое, из чего складывается обычная супружеская жизнь. У них с Олегом почти ничего еще и не было. Только этот прекрасный отпуск, который должен скоро подойти к концу.

Маргарита пообещала себе, что эти воспоминания будет часто будить в муже, как вдруг заметила еще одно судно на горизонте. Она встала на ноги и поднесла ладошку козырьком к глазам, чем привлекла внимание купающегося мужа. Тот проследил взглядом в ту сторону, куда было направлено все внимание женщины и сразу подплыл к лестнице.

Капитан с встревоженным видом подскочил к спокойной Маргарите и что-то заговорил на смеси французского, английского и подкрепляя свои слова активной жестикуляцией. Маргарита растерялась, и плохое предчувствие тут же схватило ее спазмом за горло.

Олег уже был на борту, они быстро договорились о чем-то с капитаном, и тот скрылся в рубке. Мужчина, натягивая легкие штаны на мокрое тело, резко отдавал распоряжения по специальному каналу связи, разговаривая одновременно с русским посольством во Франции и своим помощником в России. Одна Маргарита, ничего не понимая, следила то за мужчиной, преобразившемся в течение одной миллисекунды из обычного отдыхающего в жесткого управленца, то за стремительно приближающейся яхтой, на которой находились огромные бородатые мужчины, несмотря на жару, закованные в бронежилеты. Заметив у трех из пятерых оружие, она вскрикнула и тут же зажала рукой рот.

Олег, схватив ее за локоть, практически втолкнул ее в маленькую капитанскую рубку.

Француз стремительно менял направление движения судна, и по тому, как блестели его глаза, Маргарита поняла, что до берега доплыть и оторваться от странных преследователей им не удастся.

- Наша яхта не такая быстрая, как у этих пиратов, так что нам придется вооружиться - перевел ей слова капитана Олег.

Он обнял ее, и Маргарита поняла, что так мужчина пытается ее успокоить и передать часть силы и спокойствия, которым обладал сам.

Олег открыл шкаф и вытащил оттуда две винтовки и маленький пистолет.

Последнее оружие передал Маргарите, дрожащей, как паутинка на ветру.

- Он тебе не пригодится, но мне будет спокойнее, если Glock побудет у тебя.

Маргарита ошарашенно смотрела, как муж легко заряжает оружие, проверяет затвор и напряженно всматривается вперед, туда, где практически в метре от них проплывала яхта, нагруженная головорезами.

“Может быть, пронесет? И эти люди совсем не по наши души?” -

пульсировала одна -единственная мысль в голове испуганной женщины,но уже следующая минута расставила все по местам.

Легко перепрыгнув через корму, один за другим накачанные мужчины в черных футболках,бронезиловках и черных же брюках, прижимая к себе оружие, буквально наводнили маленькую белую яхту,бывшую почти пять минут назад островком отпускного спокойствия.

Самый первый, оказавшийся на судне, рывком открыл дверь в рубку и в упор выстрелил в капитана, свалив его на пол. Олег в мгновение ока толкнул Маргариту, чтобы она пригнулась и ушла с линии огня, от чего глок, который она держала двумя пальцами, откатился в гол рубки, и выстрелил в пирата.

Пуля попала тому в плечо, а вторая, выпущенная следом, в висок.

Мужчина упал и его сменил второй наемник.

Не разбираясь, откуда поступил выстрел, он выпустил сразу очередь пуль.

Маргарита, закрыв уши руками, с ужасом наблюдала,как на белых штанах мужа растекается бордовое пятно. Не смотря на боль, тот продолжал отстреливаться.

Схватка, как казалось Маргарите и Олегу, длилась вечность. В действительности же операция не заняла и четырех минут.

Вдруг в проеме двери появился еще один наемник, самый, как показалось испуганной Маргарите,огромный.

Он в мгновение ока оказался возле Олега и выверенным молниеносным движением ударил того в челюсть. Олег упал без сил или без сознания, а Маргарита замолчала и испуганно смотрела на него. Мужчина закатил глаза и резко поднял ее за локоть вверх, приблизив свое лицо.

- Молчи-сказал он по-французски, но Маргарита поняла его, даже если бы тот обошелся без слов.

Все ее нутро было сковано ужасом и непониманием,что происходит, впервые она не могла ничего сделать, а только оставаться сторонним наблюдателем. Беззвучно и не сопротивляясь, она позволила себя привязать к стулу, установленному на корме, где, казалось бы, еще целую жизнь назад наслаждалась свободным плаванием с любимым

мужем, и загорала под таким жарким и ласковым солнцем.

Сейчас же солнце палило нещадно, пот застилал глаза, и, жмурясь, она смотрела, как те же операции, которым только что подверглась она, принимает муж. Голова его безвольно повисла на груди, на уже серых брюках в районе бедра растекалось бурое огромное пятно.

Маргарита открыла было рот, чтобы что-то сказать этому огромному мужику, который видимо был главным при этой операции, но столкнувшись со стальным взглядом, передумала. Она ждала. Через какое-то время на корме появились все участники захвата яхты. Четверо наемников встали полукругом перед Олегом и Маргаритой, два недвижимых тела -капитана-француза и наемника, подстреленного Олегом, - в углу.

Главный что-то приказал одному из бандитов, и тот через некоторое время вернулся с конусообразным ведром, полным воды. Вся вода с размахом была опрокинута на Олега. Через минуту тот закашлялся но пришел в себя. Казалось, что с каждым вдохом Олега к Маргарите возвращается жизнь. Она напряженно следила, как дернулся его кадык, как повело грудную клетку, как задрожали ресницы, ослепленные яростно палящим солнцем, как от боли скривилось его лицо, только Олег пришел в себя.

Он прокашлялся, проверяя голос и совершенно чужим, незнакомым голосом, заговорил с главным.

В отличие от Маргариты, он не боялся этих людей, его не пугала почти звериная сущность, которая сквозила во всех движениях этих накачанный машин для убийств.

Олег вел себя совершенно спокойно, и только яркий блеск в глазах выдавал его возбуждение. Связанный на стуле, он постарался принять как можно более удобную, но не вызывающую позу, так, словно сидела на переговорах у себя в кабинете.

Олег выровнял дыхание, добившись того, чтобы оно стало ровным. Устойчиво уперся ногами в пол. Глядя в глаза главному, четко, без пауз и размышлений, начал переговоры.

Главный не отводил глаз, и, Маргарита видела четко, поддался внушению. Олег даже подался вперед, чтобы не выпускать из плена своих глаз наемника, и продолжал медленно и размеренно, без лишних слов, на языке, который она не понимала, говорить.

В этой паре говорившего и слушающего Олег вдруг стал ведущим. Он явно был сильнее духом того, кто пришел его убить. Но что странно, ведомый не взбесился от такой расстановки сил, а принял позицию главного. Он пошел на поводу у Олега, мужчины, которого, теперь уже казалось Маргарите, она совсем не знала. Таких метаморфоз, когда из умирающего, с обескровленным лицом, Олег вдруг превратился в мастера переговоров, гипнотически владеющего разумом собеседника, она не ждала. И теперь со стороны она видела, каким на самом деле был мужчина, которого она полюбила – властным, жестким и даже жестоким, с очень большой силой духа и огромной волей, которую не переломить никаким обстоятельствам. Этот человек явно мог переломить ход истории, если ему это было нужно.

После коротких переговоров главный принес бумаги со своей яхты, которые Олег подписал, кривясь от боли развязанных для подписи документов рук.

Маргарита закрыла глаза, борясь с дурнотой, она уже ничего не понимала, Олег говорил отрывисто и морщась, только с главным наемником, на французском, который она совершенно не понимала. Четверо охранников, вцепившись в автоматы, лениво оглядывали безбрежный океан, который весело поблескивал в черных стеклах очков.

Где-то там, за линией горизонта, была простая жизнь, ее дочь, знакомые, работа, походы в кино и музыка, а здесь, прямо сейчас разворачивался спектакль, билет на который Маргарите попался по ошибке. Она смотрела на Олега и не узнавала его. Сейчас, перед лицом смерти, сидел измученный, но не сломленный человек, который отвечал своему палачу прямым взглядом спокойных глаз, не выдавшем физической боли. И только раз, чуть оглянувшись на женщину, из глубины его души поднялась печаль и страх, тут же подавленные волей.

Этот взгляд не укрылся от главного. Он усмехнулся краем губ, поправил солнечные очки на переносице, приблизился к Маргарите и погладил ее по волосам. Она задрожала от страха и попыталась отстраниться, насколько это было возможно в ее положении привязанной к стулу и мачте. Олег зарычал и дернулся вперед, руки, снова привязанные, забугрились венами, на ноге открылась рана и капли крови закатали на светлый пол.

Главный одернул руку и сделал знак рукой остальным.

Мужчины, оглядываясь, покинули судно, перебравшись на свою яхту.

Оставшийся мужчина достал сотовый телефон и, нажав пару кнопок, поднёс его к лицу Олега. Женщине не было видно ничего, кроме реакции единственного зрителя. Сначала тот смотрел в экран удивленно, но потом его лицо исказила гримаса боли.

Олег завыл и половина его лица застыла в неестественной и страшной улыбке.

Наемник махнул рукой, в которой были зажаты свернутые в трубочку подписанные Олегом документы и махнул рукой в прощальном жесте, покидая яхту.

- Развяжите нас! Подонки! Вернитесь и развяжите! - на ультразвуке заверещала женщина, но на ее просьбы она увидела только ухмыляющиеся лица наемников, стремительно удалявшиеся от них.

Солнце уже не ласкало, а зло обжигало лицо и руки, и казалось, что спрятаться от него невозможно. Маргарита повела руками и ногами, оценив ущерб. Олег был без сознания, и она точно знала, что ей нужно было спешить. Он был без сознания достаточно долго, от этого Маргарите становилось дурно. Долгая работа на скорой помощи медицинской сестрой научила справляться со множеством проблем, но тут их было так много, что требовалась вся суперсила, коей женщина не обладала.

Маргарита огляделась, облизнула сухие губы. У железного стула, на котором сидел Олег, была отломана спинка, и острые края могли стать неплохим ножом. Извернувшись, насколько это было возможно, преодолевая боль в суставах, она приблизилась к спинке соседнего стула, подтянула руки и начала пилить тугие веревки. Железо соскальзывало, царапая руки, разрывая плоть в кровь, но Маргарита, сражаясь за жизнь, не сдавалась.

Вдруг Олег подал признаки жизни. Он поднял глаза на Маргариту и попытался ей ободряюще улыбнуться, понимая, как женщина была напугана все это время.

Маргарита обратила внимание не на неестественность улыбки – левая половина лица, как раз к которой она была обращена, угол рта, верхнее веко, щека, оказались перекошенными.

- Как ты себя чувствуешь, родной? – прошептала она.

Олег замычал, нахмурился, и еле слышно, растягивая гласные, ответил:

- Нормально.

Маргарита взгляделась в лицо мужчины. Так и есть: заторможенная речь, обморок, перекошенное лицо – все указывало на перенесенный Олегом микроинсульт.

Вскоре одну руку обожгло болью и веревка соскользнула. Женщине это придало новых сил и она с остервенением принялась за вторую руку. Не скоро, но обе руки были свободны.

Маргарита только сейчас посмотрела в спокойное Средиземное море и увидела, что солнце погружалось в воду. Значит, за освобождением рук она провела весь день. На ноги должно уйти меньше времени. Расцарапав, но совершенно не повредив веревку, Маргарита замерла. Сил, казалось, не осталось ни на что, даже на дыхание. Веревка стягивала лодыжки, раны саднили, грудь, перетянутая веревками, болела.

Так я и умру - подумалось вдруг Маргарите впервые за весь день. Но тут Олег, наблюдая за всеми движениями женщины, издал полустон-полувсхлип, и Маргарита, понимая, что помощи ждать не откуда, с яростью схватилась за веревки. Удивительно, но сильные узлы поддались под напором отчаявшейся женщины. И уже в темноте она закончила с путами, полностью освободившись.

Не теряя ни секунды, несмотря на дикую жажду и желание вытянуться на палубе, давая отдых уставшим мышцам, Маргарита бросилась в каюту за ножом и ножницами. С этими инструментами удалось освободить Олега в два счета.

Аккуратно, насколько это было возможно, она положила его на палубу, вытянув руки и ноги, отметив, что левая половина тела Олега совсем не слушалась, и снова побежала в их общую каюту за домашней аптечкой, стараясь не смотреть на два бездыханных тела, находящихся рядом.

Ну нет, Олега смерти я не отдам - полыхало в ее мозгу, пока Маргарита искала аптечку. Перед глазами все плыло и шаталось, все валилось из рук, особенно когда она натыкалась на кровавые следы, оставленные, казалось, по всей яхте.

В конце-концов аптечка нашлась. Маргарита высыпала содержимое на стол и с маниакальным пристрастием начала изучать содержимое. Больше половины лекарств были совершенно не нужны, но она сразу определила, что будет необходимо. Набрала воды в бутылку и схватила полотенца.

Вернувшись на верх, она подложила под голову Олега подушку, заставив принять Агренокс, в составе которого, насколько она помнила, были Аспирин и Дипирадамол замедленного действия, положила под язык Каптоприл для снижения давления. И только после этого принялась за обработку раны на ноге. Ножницами разрежала штанину и аккуратно обтерла мокрым полотенцем всю ногу, в глазах все двилось и страшно мутило. Несмотря на то, что Маргарита совершенно не боялась крови и ответственности за чью-то жизнь, она чувствовала, что еще немного и сама упадет в обморок. Перед глазами заплясали черные мушки и она замерла.

- Ттемно... – протянул Олег.

Маргарита нахмурилась и только потом поняла, что хотел сказать ей любимый мужчина: пока она занималась спасительной операцией, на палубе действительно стало темно и именно поэтому она уже не отличала тени от бурой крови.

Женщина с трудом встала на ноги, доковыляв до капитанской рубки и включила там свет. Электрического освещения из окна и открытой двери хватило, чтобы рассмотреть ногу. Она брызнула водой из бутылки себе на лицо, освежившись, и поняла, что становится лучше. Пуля прошла навылет, не задев кость, и искать в темноте железо, кромсая ногу, не придется.

Из двух книг и простыни она соорудила Олегу подобие загипсованной ноги, перекрыв кровь, укрыла его легким одеялом, которое, запинаясь, донесла из каюты, обтерла ему губы и снова напоила водой из бутылки. Олег силился что-то сказать, но у него никак не получалось, он только мычал, напрягаясь, но не мог выдать ни одного внятного слова.

Поняв, что Олегу ничего не угрожает, Маргарита, наконец, сделала то, о чем думала последние часы: дошла до недвижимых тел француза-капитана и наемника. Капитан лежал лицом вверх. Она повернула его левую руку ладонью кверху и подняла ее на высоту груди. Прижала указательный и средний палец правой руки к

запястью руки капитана и с надеждой приготовилась ощутить толчки крови. Спустя 60 секунд она поняла, что толчков нет и капитан действительно мертв.

В голове было так пусто, что эту мысль она приняла спокойно. Повторив такую же операцию со вторым мужчиной, Маргарита хотела было помолиться за упокой их душ, но не вспомнила ни одного слова.

Она помолчала минуту, прошептав в звездное небо одну и ту же фразу: «Прими, господи, рабов твоих», и поплелась, задевая по пути все углы, какие были на яхте, плечами, снова в каюту. Набрав там постельного белья, вернулась к погибшим и аккуратно укрыла их с ног до головы белоснежной тканью.

Только после того, как все, о чем она думала, сделала, Маргарита опустилась на пол и завывала в небо. Слез не было, только глаза и горло горели, а тело женщины трясло, выпуская напряжение последних часов.

Без сил она опустилась плашмя на пол яхты, не ощущая прохлады ночи и только тряслась от пережитого ужаса, закрывая и открывая глаза, будто надеясь, что все, что произошло с нею за такое короткое время, не больше, чем сон.

Спустя несколько часов истерики Маргарита провалилась в беспамятство.

Она пришла в себя от того, что голову качало из стороны в сторону. С трудом открыв глаза, увидела перекошенное лицо Олега, который склонился над ней и здоровой, правой рукой, пытался привести женщину в чувство. Она ободряюще ему улыбнулась и увидела, как в глазах его оттаял лед – испуг за нее, за Маргариту.

Она привстала и огляделась. Реальность с рассветом совершенно не изменилась. Все такая же радостная безбрежная синь воды, два тела, накрытые постельным бельем, и она, растерянная, на полу яхты.

Маргарита встала и помогла подняться Олегу. Как она и думала, вся левая половина его тела оказалась парализованной, говорить ему так и не удавалось. Олег показал здоровой рукой на капитанскую рубку и Маргарита повела его туда. Она боялась, что транзиторная ишемическая атака затронула головной мозг, вызывая деменцию, но судя по тому, как повел себя мужчина в капитанской рубке, версию о слабоумии Маргарита с удовлетворенным вздохом отмела.

От увиденного в рубке Олег едва ли не взвыл. Все средства связи были выдраны с корнем. Оставалась надежда, что сделанные им звонки до того, как наемники взобрались на борт судна, были приняты к исполнению, и капитан успел передать координаты их движения береговой полиции. Однако то, как долго они оставались одни, наводило на мрачные мысли.

Только Маргарита вздохнула, чтобы предположить, что помощи нет потому, что их могло отнести сильным подводным течением, как слышался гудок, а потом еще один и еще.

Береговая полиция Франции в количестве трех экипажей наконец прибыла в помощь пострадавшим. Маргарита, выпрыгнув из рубки, что-то кричала, радостно прыгая, подзывая жандармерию торопиться пристать к многострадальной яхте.

Спасение прибыло.

Глава 14

Казалось, что эта ночь не закончится никогда. Алиса сидела в приемном покое городской больницы и следила за стрелками на огромных часах, таких же белых и стерильных, как все здесь. Часовая стрелка с огромным трудом, словно объевшийся червяк, подползала к трем часам. Ночь царствовала во всем городе, но только не здесь. В реанимации врачи сражались за жизнь Антона, человека, который спас ей жизнь ценой, возможно, своей жизни, отгородив от покореженного металла двух въехавших друг в друга машин.

Сотовые телефоны родителей молчали, были вне зоны доступа сети, и Алисе как никогда казалось, что это ужасное предательство с их стороны. Ей впервые хотелось поговорить с мамой, чтобы получить от нее поддержку и говорить, говорить, чтобы избежать этого фантомного звука еле двигающейся часовой стрелки.

Олег Борисович тоже был не доступен, она звонила с телефона Антона и еле удержалась, чтобы не позвонить Григорию, чтобы тот проснулся и сорвался в ночи только чтобы так же сходить с ума от неизвестности рядом с ней.

Алису клонило в сон, сказывалось жуткое потрясение, успокоительное, которое ей накапали после осмотра и противный кофе из автомата, который вместо того, чтобы бодрить, плавал в

желудке депрессивной жижей.

Она откинулась головой на спинку кресла и прикрыла глаза.

Перед глазами замелькали картинки ее жизни. Вот Алиса под обжигающе-горячим душем оттирает свое тело от прикосновений жуткого борова, глядя, как розовой струйкой стекает вода между ног в сливное отверстие. Вот она, спустя столько времени проведя в ванной, провыв о своем падении, вытираясь штопанным полотенцем, переступая с ноги на ногу на холодном битом кафеле, одеваясь, принимает твердое решение выбраться из этого дома и добиться чего-то любыми путями, лишь бы построить стену, состоящую из денежных знаков между собой и противной реальностью.

Вот картинка меняется, и Алиса стоит в хромированной, блестящей хирургической белизной кухне Антона и чувствует, что под его взглядом деревенеет, чувствует себя виноватой, но в то же время к этому чувству примешивается чувство беспричинной радости, от того, что в Антоне бурлит такой коктейль эмоций, и есть в нем все, что угодно, кроме равнодушия.

А вот они стоят в коридоре малюсенькой квартиры и их губы разделяет всего один вдох, и она видит, как на его лице играют отблески ее золотого платья, чувствует, как его тянет к ней и в подернутых мечтательной дымкой глазах плещется обещание чего-то фантастически приятного, немного опасного, но такого притягательного.

И последнее воспоминание - видение: его напряженный взгляд, парфюм, дерзко накинувшийся на нее в такси, тяжесть его тела, закрывающего от неотвратимой опасности, и хриплое: “Держись”, бьющееся пульсом в голове до сих пор.

Ночь все тянулась, и засыпающая Алиса сквозь опускающиеся ресницы вдруг увидела силуэт мужчины, нетвердодвигающийся по направлению к ней. Мужчина приблизился ближе и оказался нескладным подростком, с большим количеством волдырей на открытых участках кожи. Алиса попыталась открыть глаза, устремиться навстречу мальчику, вставшему прямо перед ней, но глаза, словно смазанные медом, совершенно не поддавались, и смотрела она на мальчика сквозь полуопущенные ресницы, словно балансируя на границе между сном и явью.

Мальчик присел перед ней на корточки и, смущаясь, взял ее руку в

свою. Она удивилась жару от его пальцев и тому, насколько много язв оказалось на его руках и даже обритой налысо голове. Некоторые болячки были расчесанными, видимо, мальчик не справлялся с зудом и не обладал большой выдержкой.

Он нагнул голову, разглядывая ее руку в своей, и ей открылась тоненькая беззащитная шейка, торчащая из ворота простой белой футболки, и так захотелось погладить его, по-матерински прижать к себе, но тело, как и глаза, не слушалось.

Мальчик поднял голову и посмотрел на нее прямым взглядом. В нем не было смешливости, порицания или еще чего-то. Он не просил и не уговаривал, не требовал и не звал. Мальчик легонько сжал ее пальцы, сузил глаза и мягко сказал:

- Не бросай меня, Алиса.

Алиса дернулась было всей душой к нему, желая утешить, приголубить и разобраться, наконец, откуда незнакомому пацану известно ее имя? Но мальчик криво улыбнулся и ушел по больничному коридору, ни разу не оглянувшись назад.

- Эй, барышня, проснитесь! - Алиса покачала головой, стряхивая странное оцепенение и раскрывая глаза. Она недоуменно вертела головой, смотря по сторонам. Неожиданно сумрак ночи рассеялся и в больницу ворвалось утро вместе с людьми, гомоном и бородатым врачом в зеленом халате, склонившимся над ней. В глазах доктора пополам с усталостью плескалось участие. Искры света, отразившись от раскрытого окна, полоснули по его глазам и он отодвинулся от просыпающейся Алисы. Она только успела прочесть его фамилию на бейдже. Воронцов.

- Да, да, извините, я совсем не сплю!

- Вы ведь Дроздова? Жена Антона Олеговича?

- Нет, я.. я .. его друг, подруга-теперь, после ночных воспоминаний, признаваться в том, что Алиса-будущая сводная сестра, казалось неправильным.

- Ну чтож, подруга, пойдемте в мой кабинет, поговорим!

- Я бы хотела сначала увидеть Антона!

- Конечно увидите, барышня, кто ж вам запретит, но не раньше, чем через два дня, когда его переведут из реанимационного отделения в

палату интенсивной терапии.

Алиса, путаясь спросонья в каблуках, длинном платье и белом халате, выданном несколько часов назад, побежала за доктором, отмеряющим коридор огромными шагами.

Доктор Воронцов усадил ее в кресло, и разложил на столе перед собой бумаги.

- Иногда в ДТП человек получает травмы, не совместимые с жизнью, чаще всего встречается черепно-мозговая травма, так как при резком торможении тело продолжает двигаться по инерции и незакрепленная голова вылетает вперед и ударяется о лобовое стекло, сидение или руль. Из-за резкого торможения может возникать перелом или вывих шейного отдела позвоночника. Еще одна часто встречающаяся травма – это перелом ребер и ключицы. Такое состояние может возникнуть при ударе об руль и от ремня безопасности. Часто пострадавшие получают множественные мелкие порезы от осколков стекла. В этом случае особенно опасным является повреждение глазного яблока и крупных артерий. На прошлой неделе к нам в клинику поступил пациент именно с такими травмами. Но чаще всего встречается патология при ДТП – перелом ног, нередко такое происходит с водителями, чьи ноги зажимаются педалями при лобовом столкновении. Такое состояние является очень опасным, и если пациента вовремя не освободить, может возникнуть омертвление тканей и пострадавший останется инвалидом. Ваш брат пострадал именно таким образом – он получил переломы бедренных и тазовых костей. Есть перелом шейки бедра. После операции, что прошла сегодня ночью, «по горячим следам», нужно время, чтобы посмотреть, насколько она была успешной. В случае, если все прошло удачно, ему потребуется от шести месяцев до года на восстановление. Конечно, исход может быть другим – возможно, Антон окажется прикованным к инвалидному креслу. В любом случае, знайте, что один на один с этой бедой ни вы, ни он не останетесь, в мире достаточно прекрасных врачей, медицина шагнула далеко вперед. Главное – настрой пациента на жизнь, на лечение и восстановление. Прямо сейчас я советую вам отправиться домой, потому что Дроздов отойдет от наркоза не раньше вечера, а данные анализов придут только утром. Вот тогда мы с вами и будем разговаривать дальше. Пока же не пугайте персонал своим кровавым, но безусловно красивым платьем, и отправляйтесь домой, вам, дорогая моя, тоже необходима помощь, но ее вы можете оказать себе

сами – это еда и спокойный сон.

Алиса шла домой, не чувствуя под собой ног. Икры болели от каблучков, в которых она проходила, казалось, сутки.

Подойдя к охраннику Сергею Палычу, путаясь в словах, объяснила, что несколько дней работать не будет. Не найдя в себе силы объяснить, почему, держась, чтобы не расплакаться, попросила ее прикрыть. Палыч, видя не наигранное горе, искренне согласился.

Хорошо, что она догадалась взять телефон и кошелек Антона, в котором оказались деньги на такси, иначе колесить по холодному осеннему городу в золотом и испачканном кровью платье казалось более чем странно.

Дома Алиса медленно приняла душ, перекусила и все это время пыталась дозвониться до Олега с Маргаритой. Оба телефона были вне зоны доступа сети, и в душе Алисы черным цветком расцветала злость.

Алиса поставила будильник на телефоне и легла, наконец, в свою кровать, с удовольствием вдохнув запах порошка, исходящий от наволочки.

Встав по будильнику, налив себе чай в маленькой кухонке дворницкой, Алиса достала телефон Антона, чтобы посмотреть новости в интернете. И первая же новость заставила ее сесть с широко открытыми глазами на шатающуюся табуретку.

«Известный российский миллиардер бесследно исчез во Франции
Владелец сети не выходит на связь с выходных.

Во Франции пропал известный челнинский бизнесмен, владелец строительных гипермаркетов Олег Борисович Дроздов. Он не выходит на связь уже два дня. В минувшую субботу бизнесмен не появился на встрече. Последний раз сигнал его мобильного телефона фиксировался в тот же день.

Известно, что утром в день пропажи Дроздов со своей спутницей зафрахтовали судно и отправились в путешествие по Средиземному морю. Накануне в российское посольство поступил звонок с просьбой о помощи, известно, что звонивший представился

Дроздовым, но сообщить информацию о своем местонахождении ему не удалось. Поисковая операция началась, совет директоров компании заявили о готовности оплатить поиски, поскольку зона поиска судна является довольно обширной.

Дроздов возглавляет холдинг Tengelmann Group, в который, в том числе, входит сеть магазинов строительных и хозяйственных товаров. Его состояние оценивается в 4,5 млрд долларов».

От прочтения этой новости в глазах у Алисы начало двоиться. И мама, и Олег пропали, где-то во Франции, и что делать ей сейчас она совершенно не понимала.

Снова, как и год назад, она осталась с горем лицом к лицу, но если тогда пострадала только она одна, сейчас к страху за свое состояние к ней примешивался ужас от осознания того, как воспримет информацию Антон. На приеме врач ясно дал понять, что на восстановление в первую очередь влияет общее психологическое состояние больного, а тут, только придя в себя после тяжелой операции, и узнать, что твой отец пропал без вести на совершенно другом конце земли.. после такого известия не то, что на ноги не встанешь, вообще глаз не захочется открывать...

Из размышлений ее вырвал телефонный звонок. От испуга Алиса уронила сотовый Антона на стол. Посмотрев на номер звонившего, Алиса скривилась, как если бы увидела майского жука у себя в волосах. Номер был многозначный, совершенно не знакомый. Пометавшись пару секунд, она все же приняла решение и приняла вызов.

- Антон, Антошенька! С вами все в порядке? Как Алиса? Я нигде не могу ее найти – раздался в трубке заполошный голос матери.

Алиса только сейчас поняла, каким стальным жгутом было стянуто ее маленькое сердце и расплакалась от облегчения, роняя на цветастую клеенку большие кляксы соленых слез.

- Мамочка, мамочка, - только и смогла она выдать в трубку.

Как могла, Маргарита объяснила дочери, что Олег сейчас находится в клинике, и его нельзя транспортировать. Как бы ни хотелось женщине вернуться скорее к своей дочери, оставить мужчину она тоже не могла, а потому все время спрашивала, как у той дела, чем

она занимается и что ее окружает.

Алиса, давясь словами, слезами и стянувшим ее горло горем, отвечала, что все в порядке, что все находится под контролем, и что прямо сейчас она отсыпается после большой вечеринки, на которой была вместе с Антоном.

При его имени она еще больше разрыдалась.

- Алиса, детка, что случилось? Расскажи мне!

Алиса собралась уже было поведать матери, что с ними произошло, как вдруг подумала о том, каким ударом это может стать для отца Антона. Олег Борисович сам сейчас находится в больнице, чувствует себя не так хорошо, чтобы принимать подобные известия с легкостью для сердца и приняла решение, от которого стала чувствовать себя еще старше, - ничего никому не говорить.

«Я подумаю обо всем этом потом, в другой раз, другой раз», - решила она и начала самозабвенно врать о том, как дела у Антона, о планах на следующий день, о мелочах, которые ее сейчас окружали.

- Алиса, послушай, это очень важно. Олегу показали видео, на котором молодой человек, очень похожий на Антона, погибает в аварии. Эта инсценировка сделана для того, чтобы напугать Дроздова, и мы очень опасаемся за его жизнь. Сейчас помощник Олега ищет Антона по всему городу, но не может нигде разыскать, поэтому у меня большая просьба, передай ему, что им необходимо связаться. Антону нужна охрана, пока отец не разберется со всей этой жуткой историей. Мы прилетим как только врачи разрешат транспортировку, но, боюсь, что это будет не скоро.

Алиса кивнула, так, как будто мать могла ее видеть. Так значит, эта авария была чьей-то спланированной акцией. Значит, Антону угрожает опасность.

Она закончила разговор и, натянув джинсы с кофтой, схватив пальто, побежала прочь из дома, в больницу, решив прорваться с боем в палату к своему неслучившемуся сводному брату.

Антон боролся с чернотой и вопросом Алисы, который он услышал перед тем, как упасть во тьму беспамятства. «Антон, все нормально?». Еще как.. Очнувшись от наркоза, Антон огляделся. Все тело ломило от боли, когда действие лекарства заканчивало свое

действие, и он, чтобы не фокусировать на ней внимание, оглядывался по сторонам, стараясь вспомнить в деталях все, что привело его в больницу. Морщась, кривясь и постанывая, Антон огляделся насколько ему позволил корсет на шее. Так и есть - он находился в больничной палате. С трудом, но вспомнилось все, что этому предшествовало. Авария, испуганное лицо Алисы, жуткая боль в позвоночнике. Боль, кстати, не проходила, а тлела внутри него, прокатываясь иногда горячим маревом по всему телу сверху вниз.

Пошевелив пальцами, он почувствовал, что опутан трубками, по которым, видимо, поступали лекарства.

Антон застонал. На его едва слышное стенание тут же отворилась дверь и в палату просочилась молоденькая медсестра. Она улыбнулась лежащему больному, но Антон улыбку не вернул. Ему нужно было знать что случилось с ним и почему боль, немного утихнувшая, не проходит до конца.

Медсестра поправила одеяло, сменила капельницу и пообещала позвать врача.

Молодой мужчина скривился. Скорее, скорее! Незнание режет хуже тупого ножа!

Девушка поняла, что от нее хотят скорее избавиться и растворилась в коридоре.

Тут же дверь тихонько растворилась и в проеме двери Антон увидел свой ночной кошмар. Но если во сне Алиса спрашивала, все ли с ним нормально, реальная девушка с огромными глазами на бледном лице трусливо оглядывалась.

Натянув большой халат глубже, и едва не утопая в нем, она тихо и ни слова не говоря, прошла в палату и остановилась возле Антона.

- Привет.

- Привет.

- Что.... я здесь.... делаю?

- Что?

- Что я делаю... здесь?

Антон облизнул сухие губы и снова попытался, ворочая непослушным языком задать вопрос.

- Антош, ты, главное, не волнуйся. Все будет хорошо. Твой врач сказал, что операция прошла так, как он ожидал, а это значит, что все не так плохо.

Алиса помолчала, давая время Антону переварить услышанное, а заодно решить, как себя вести дальше.

- Я позвонила помощнику твоего отца, Герману Сатанееву, он будет оплачивать твоё лечение из фонда Олега Борисовича.

Антон в недоумении поднял брови.

- Олег Борисович и мама пока вне зоны доступа, но ты не волнуйся, все точно будет хорошо, я узнавала.

Она растянула губы в подобии улыбки. Антон хмуро смотрел в её глаза.

- Ты, наверное, хочешь взять свой телефон, но я тебе сразу скажу! Мы его потеряли!

От того, что она подняла эту тему, Антон догадался, что девушка врет. Это показалось ему странным.

- Не волнуйся, ты, главное, сейчас сфокусируйся на себе, своих ощущениях. Я читала, что самое главное в выздоровлении - это настрой на выздоровление! Не будешь настроен позитивно, и мир не узнает, что ты хочешь выздороветь.

Антон тяжело сглотнул.

- Надо позвонить... Георгию...

- Зачем? Он же тебя уволил, сам говорил. Ничего нам от него не надо в таком случае. Да и вообще, будет лучше, если ты побудешь один. В смысле, если пока, ПОКА к тебе не будут ходить посетители, ты будешь сосредоточен только на себе и своем здоровье, выздоровление должно наступить быстрее. А потом - йухууу - и домой!

Антон смерил её скептическим взглядом и Алисино наигранное радушие сразу же сдулось.

- Откуда у тебя телефон отцовского помощника?

- Ну я позвонила в главный офис Олега Борисовича и сказала, что его сыну нужно с ним связаться, - соврала она. - Обход врача будет через полчаса, если не против, я отойду, чтобы с ним не встретиться,

повезло, что я вообще сюда попала, потому что посетителям разгуливать по больнице нельзя.

Антон попробовал повернуть голову в ее сторону и застонал от боли.

- Ох, больно, да? Но ты не волнуйся, ничего не бойся! Я буду с тобой!

Алиса улыбнулась ему побелевшими губами и выскользнула за дверь. Антон уставился в потолок и начал, изучая трещинки в побелке, обдумывать ситуацию. Напрягало все. И то, что телефона не было под рукой, и то, что все тело ломило, зудело, болело, и самое главное, - неизвестность. Что с ним? Что с ним будет? Почему он не отделался синяками, а лежит в гипсе практически по шею? Мрачные раздумья пресек крупногабаритный врач с медсестрой, ввалившийся в палату.

- Так, а тут у нас спасатель!

Подмигнул ему мужчина, оттягивая с лица зеленую марлевую повязку. Врач уселся на табуретку рядом с койкой и бросил на столик бумаги, видимо, историю болезни. Медсестра принялась менять лекарства.

- Что.. случилось со мной?

Антону было трудно говорить, но ещё труднее было молчать: все его нутро распирало от неизвестности.

- А случилась, дорогой мой человек, автомобильная авария. Сразу хочу сказать, что вы вовремя поступили к нам. Жизненно важные органы не пострадали, но кое с чем придется поработать. Своеобразным костылем для вас станет лекарственная поддержка, но основную функцию должны будете выполнять вы. А это занятия, разработка ног, пропишем иглоукалывания, физиотерапию. Девушка ваша рьяно взялась за идею перевести вас отсюда. В принципе, ваше тело готово к транспортировке, соответствующее лечение в любом случае будет обеспечено и на осмотры к вам буду приходить я сам, об этом она меня ну очень слезно просила. Сначала подлечимся, а потом сделаем операцию на шейку бедра, если все будет удачно. Так что совсем скоро вы снова будете танцевать вальсы. Если танцевали хоть раз, конечно.

Антон только удивленно поднял брови на все новости от доктора с фамилией Воронцов на бейдже.

- Вам что-нибудь сейчас нужно?

- Да.. телефон..

- Простите, но именно в этой малости вынужден вам отказать. Алиса наказала телефон вам не давать. И пока вы здесь, телефон не получите. Это в ваших же интересах, вы еще слишком слабы. Почти три-четыре дня вам потребуется чтобы окончательно прийти в себя, а потому спите, отдыхайте, наговориться вы еще успеете, с кем вам нужно.

Мужчина потрепал Антона по руке и вышел за дверь, вместе с медсестрой, закончившей с процедурами.

Антон бы с удовольствием закричал от бессилия, которое накатывало волнами, он чувствовал себя ненужным, сломанной игрушкой, которой не с кем играть, и при этом отлично понимал, что, теряет себя только благодаря такому психологическому состоянию. Как бы то ни было, он должен оставаться мужчиной, а мужчины, как известно, не пасуют перед трудностями, они решают задачи.

Сейчас же перед ним все было туманно и зыбко, непонятно и от этого состояния хотелось выть.

Антон снова уставился в потолок, зацепился взглядом за солнечного зайчика, появившегося на потолке от оконной ручки, и неожиданно для себя, заснул.

Алиса, словно тигр в клетке, ходила отмеряя шаги в женском туалете. Если здесь кто-нибудь окажется, ее точно выгонят, но у нее была цель. Нужно было дождаться лечащего врача Антона, чтобы завершить начатый план. Она поняла больше, чем мать, или придавала слишком большое значение ее словам о покушении. Но современный мир таков, что ради денег люди могут пойти на все, даже на братоубийство. В мировом равнодушии Алиса уже давно успела убедиться. Никто и никому не нужен, по большому счету, и нельзя ждать, что тебя кто-то поймет, примет или пожалеет. Всем все равно. Но ей самой нельзя было становиться такой равнодушной, иначе какой смысл в том, что она вообще родилась? И будь на ее месте сейчас Антон, она уверена, что он тоже бы планировал спасательную операцию, обдумывал, что сказать каждому участнику похищения человека из больницы, и как увести ищеек, если они будут, по ложному пути.

Несмотря на усталость, на резкую боль в бедрах от огромных

гематом после аварии, Алисой овладел азарт. Она словно попала в боевой блокбастер, только с одним условием: на месте лысого накачанного главного героя находилась девчонка, играющая со множеством неизвестных.

В одном она была уверена на сто процентов: о местонахождении Антона не должен знать никто, и для того, чтобы подстраховаться, пришлось подумать одновременно о стольких вещах! Во-первых, она отключила его телефон, предварительно выписав несколько номеров, чтобы по номеру его нельзя было отследить. Во-вторых, изменила фамилию в документах при поступлении в больницу. Как ни странно, это даже не стоило больших денег, потому что все удалось списать на помутнение рассудка после аварии. Она также связалась с помощником Олега Борисовича, и он предоставил ей наличными очень крупную сумму денег. Этот сдержанный, затянутый в классический костюм мужчина средних лет с пустыми глазами, которому очень подходило имя Герман, и совсем не ложилась фамилия Сатанеев, выделил от фирмы двух сотрудников службы безопасности, в которых, по его словам, был очень уверен. Самым трудным оказался вопрос проживания. В однокомнатную дворницкую его везти было нельзя, огромная квартира Антона этажами выше была, по его словам, продана, а больше мест дислокации загипсованного больного человека она придумать не могла.

Через час должны были приехать охранники Антона, в камуфляже скорой помощи, а куда везти его, она даже не догадывалась. На этом хитрый и изворотливый ум, натренированный просмотром боевиков, дал слабинку.

Что же делать?

Она попробовала поставить себя на место мифического убийцы, заказавшего автоаварию. Наверняка в первую очередь он отправится на поиски несостоявшейся жертвы по месту проживания. Поэтому дорогостоящий жилой комплекс отпадает. Снять квартиру или номер - проблематично, куда им всем там разместиться?

И тогда Алиса снова вспомнила о том месте, куда хотела было отправиться после того, как хозяйка выгнала ее из квартиры после удачной вечеринки.

Она радостно подпрыгнула и побежала к сестре-хозяйке, чтобы

выпросить вещи Антона.

Вот теперь-то она точно сделает все как надо!

Девочки, спасибо вам за внимание к истории. Пишите комменты, подписывайтесь на мой профиль, ваша поддержка очень важна и жутко приятна!

Глава 15 (1)

Маргарита в очередной раз сидела в российском посольстве и ждала приема. Сейчас ее жизнь протекала в двух плоскостях: в больнице с Олегом и жандармерии. До закрытия дела был подписан документ о невыезде, но лечащий врач Олега сообщил, что для скорейшего восстановления здоровья мужчины тому нужно лететь в Израиль. Помощник Олега вел дела в России, и сообщал о решениях руководителя совету директоров, но даже он обмолвился, что Олегу необходимо в ближайшее время оказаться на совете. Бизнес есть бизнес, даже если он с нуля создан тобой, ты имеешь обязательства перед другими людьми.

Маргарита была благодарна за поддержку всем людям, оказавшимся рядом с ней в незнакомой стране. Хотя здесь она уже чувствовала себя не чужестранкой, что не может спросить дорогу, но вполне себе освоившейся туристкой. Времени обдумать, что де творится с ее душой совершенно не было - она решала вопросы по мере поступления. Главным делом, по ее мнению, было оградить Олега от посещения спецслужб и жандармерии. Однако только ее показаний было не достаточно для того, чтобы отвести силовые структуры от палаты мужчины. С каждым днем Олег чувствовал себя лучше, но заторможенные движения и отсутствие речи очень пугали женщину.

Иногда перед сном она возвращалась к началу их путешествия и тогда ей казалось, что все произошедшее - лишь сон, плод воображения, расшалившегося на воле.

Отзваниваясь домой, Маргарита разговаривала с дочерью, и пыталась играть перед ней роль сильной, уверенной женщины, поддержать ту на расстоянии. Ей казалось, что там, дома, что-то происходит, уж слишком большие паузы делала Алиса перед ответом на простые вопросы. Одно ее успокаивало - рядом был Антон, взрослый, сложившийся парень, знающий, что такое ответственность и умеющий постоять за себя и других. Она передавала ему через Алису

виртуальные приветы и предлагала связаться по скайпу с отцом, чтобы те могли посмотреть друг на друга и убедиться, что все в порядке. Однако Алиса и помощник Олега держали стойкую оборону, или уходили в глухую несознанку, объясняясь разницей часовых поясов, загадочными делами. Да и разбираться с этим у Маргариты почти не было времени. Она докладывала Олегу стандартный отчет о разговорах с детьми и переживала, что те не могут приехать во Францию. На это Олег хмурился и качал головой, показывая, что пока не хотел бы продемонстрировать свою слабость.

- Маргарита Викторовна, прошу вас, проходите,- улыбчивая секретарь словно разбудила женщину ото сна. - вас готовы принять.

Маргарита прошла в полутёмный кабинет, заставленный тяжелой и грузной мебелью.

- Добрый день, Маргарита.

В ответ она улыбнулась мужчине в строгом костюме.

- Чтобы было удобнее, и вы могли сэкономить ваше время, предлагаю сразу перейти к делу. В данный момент, пока идет следствие, ваш выезд и выезд господина Дроздова из страны находится под запретом.

- Но ведь..

- Я вижу только один выход - это приглашение лечащего состава зарубежной больницы, необходимого для физического восстановления Олега Борисовича сюда. Если гора не илет к Магомету...

Маргарита вытерла вспотевшие от волнения ладони об узкую офисную юбку-карандаш.

- Но ведь следствие может идти годами, неужели мы останемся здесь заложниками обстоятельств?

- Не думаю, сто речь идет о таком долговременном сроке. Ваш муж перевел значительную сумму вашим похитителям, находясь на яхте, в качестве залога ваших жизней, и сейчас идет поиск следов этих денег, чтобы можно было выйти на заказчика преступления. В тот момент, когда будет доказан факт заказа убийства, будет подписано разрешение на выезд. В настоящее же время в целях вашей де безопасности оставаться здесь. Иначе следствие может пойти по другому пути, ситуации могут быть разными и мешать раскрытию

дела не в ваших интересах.

Маргарита застонала. Эти слова она слышала уже на протяжении двух недель.

Одно предложение показалось ей справедливым, и она выехала в больницу к Олегу, чтобы запустить переговоры о приглашении врача из Израиля сюда, к Олегу. Маргарита не сомневалась в успехе предприятия, потому что знала: деньги и все люди, в больнице, в посольстве, помогут в том, с чем она справиться сама не могла.

Алиса вытерла пот со лба Антона, повисшего на брусках. Весь месяц, что они прятались в доме Олега Борисовича, она ни на шаг не отходила от молодого мужчины, только в случае необходимости, когда сиделка многозначительно поднятыми вверх глазами намекала той, что находиться сутки напролет у постели больного не обязательно.

Процедуры, прописанные врачом, приезжающим на осмотр каждые два дня, имели результат. Антон беспрекословно слушался, понимая, что сейчас все зависит только от него. Он готовился к операции, которую прямо сейчас сделать было нельзя - только после прохождения процедур и очередного прохождения осмотра. После чего его ожидала заключительная часть лечения - эндопротезирование тотальными протезами тазобедренного сустава, и тогда он мог переходить на костыли до тех пор, пока тотальный протез тазобедренного сустава окончательно не зафиксирован, после чего ожидалось, что костная ткань прорастет в протез и кость, достигнув надежной фиксации.

Вот и сейчас, делая упражнения на руки на брусках, поддерживаемый одним из охранников, он был как всегда сосредоточен и как никогда молчалив.

Только одна деталь убивала Алису. Антон постоянно протирает руки влажными салфетками, антибактериальным гелем смазывает почти все тело и этим совершенно сбивал с толку.

Казалось бы – человек следит за собой, но то, с каким блеском в глазах это делает Антон, и через пять минут забывает о проделанном, снова берется за бутылку, чтобы размазать пахнущую антисептиком субстанцию по рукам, Алису нервировало.

И она начала разбавлять гели водой, откручивая тугие бутылки ночами, обманом, заговаривая его, вынимала из рук салфетки, только бы снизить этот странный градус чистоты.

Каждый день Антона сопровождали лишь стены комнаты, утка, обирание губкой, кормление. Полное и черное отчаяние, перемещающееся с надеждой в то, что это всего лишь дурной и страшный сон, после которого проснешься и снова все будет как раньше.

Надежда, сравнение себя с людьми, которым гораздо тяжелее, поиски ответа на вопрос, почему это все происходит и постоянное, загоняемое вглубь души чувство вины перед Алисой – что она проводит все, полностью все свое время рядом с ним.

Занимался он с упорством осла, депрессия - не депрессия, а упражнения 3 раза в день шли своим чередом. Лежание не проходило бесследно — из-за постоянного нахождения на спине там началось предпролежневое состояние, мучили сильные боли в ноге, кожа лица покрывалась угревой сыпью, и если бы сиделка или Лиза не заставляли бриться, или не брили сами тщедушную бороденку, в зеркале Антон отражался бы настоящим худеющим зеленоватым чудовищем.

Чувство вины перед Алисой нашло свой выход – он находил какое-то злостное удовольствие в мелких унижениях девушки, когда замечал, что у нее что-то не выходило. Несмотря на то, что та демонстрировала какое-то невероятное милосердие, мягко улыбалась на его шипение, легко отражала нападки или просто не обращала внимания. Она ставила ему фильмы на ноутбуке, несла книги и ставила музыку, иногда читала вслух, а иногда они все-таки спокойно разговаривали, и Алиса сама вела разговор, стараясь вести его мысли туда, где было радостно и комфортно.

Сиделка удивлялась такой жертвенности со стороны девушки, но объяснила это тем, что у той нет друзей и пока нет учебы, поскольку та училась на заочном отделении. Она часто и подолгу беседовала с Алисой за чашкой чая, объясняя, что болезнь редко кого красит, и часто в болезнях обостряются не самые лучшие стороны характера. Здесь дело как и в самой болезни, откладывающей отпечаток на личность больного, так и дело в самом болящем, вернее в том, сможет ли он принять свою болезнь, смирится с ней и с теми ограничениями, которые она на него накладывает. Антон при всей

своей уверенности в себе, в своих силах, своей непоколебимой мужественности, не мог вести себя иначе.

- Существуют стадии принятия болезни, и очень часто болеющий человек может «застрять», на стадии протеста или депрессии, и тогда, естественно, поведение больного человека будет определяться его восприятием своего состояния. Однако, в случае если больной находит в себе силы и мужество принять свою болезнь, то его характер и поведение могут меняться в лучшую сторону. Тому много свидетельств, многие начинают пересматривать свои отношения с близкими, учиться строить отношения по новому, с любовью и вниманием к своим близким, учиться преодолевать свой эгоизм и страх, - рассказывала она, и Алиса начинала чувствовать Антона тоньше, на каком-то более высоком уровне.

В разговорах по телефону с мамой Алиса тоже стала больше открываться. Ей нужно было кому-то выговориться, но она не могла, а потому просто выводила тему, в которой хотела бы разобраться.

- Милосердными мы не рождаемся, мы становимся таковыми под влиянием воспитания или тягостей жизни. Любить и быть любимыми – вот ведущая потребность человека. Согласна, быть любимыми, получать любовь ничего не отдавая взамен – сейчас становится лейтмотивом жизни огромного количества людей. И как ни странно, насыщения и удовлетворения жизнью можно достичь лишь только научившись отдавать, любить, заботиться, милосердствовать. Вот и получается, что забота о болящем, в меру сил, очень даже способствует тому, чтобы обрести смысл бытия, а не просто доживать свою жизнь бездарно и пусто, тратя ее на погоню за миражом «глянцевой и рекламной» жизни, - сказала однажды мама, и Алиса понимала ее, верила, и что-то в ней самой оттаивало, менялось, лопались какие-то перетянутые струны, за которыми таился ее личный, широкий, волнующийся, бескрайний мир.

Но это не мешало ей обижаться, психовать, а иногда и ругаться с Антоном. Пользуясь тем, что он не мог уйти и хлопнуть дверью, она зачитывала ему распорядок дня с утра издалека, а выслушав или поток несогласия, высказанного на «великом и могучем», или выдержав злой и совершенно черный, смурной взгляд, улыбалась и подстегивала его наигранным весельем: мол, не трусь, Антоша, осталось всего ничего. А после звала на помощь охрану, чтобы перевернуть тяжелого мужчину для процедур, или справлялась сама,

когда чувствовала, что тому чужое внимание режет нервы.

За это время многое изменилось, Антона подготовили к вертикальной жизни, которой он безумно ждал, были сняты некоторые ограничения в виде гипса, питания, и эти перемены влияли и на его характер.

Чернота чуть сошла с лица, и он начал иногда даже улыбаться на особенно язвительные замечания Алисы по поводу его хронической ненависти ко всему живому и неживому вокруг.

Сегодня вечером его ожидал разговор с отцом, бесконечно откладываемый новыми женщинами их небольшой семьи.

Сначала Антон злился, что Алиса все взяла в свои руки, скрыла от него столько информации - и про покушение на отца, на возможно подстроенную автокатастрофу, на то, что самолично оградила его от мира, в котором столько всего происходило, а он не мог ни на что влиять. Даже злобная ругань с охраной за приказ доставить ему мобильный телефон ничего не давала. Те лишь пожимали плечами и ссылались на указание работодателя.

Сейчас его злость перешла в какую-то спокойную ненависть на покорную девушку. До или после посещения сиделки Алиса разминала ему ступни ног, кормила по меню, составленным вместе с физиотерапевтом, читала новости, пересказывала ежедневные разговоры с матерью, или, устав от его насупленного молчания, включала классическую музыку. Одно оставалось постоянным: Алиса не оставляла его одного, став необходимым приложением к его тюрьме.

Закончив упражнения на брусках, Антон демонстративно отвернулся от заискивающе улыбающейся Алисы к охраннику.

- Ну, долго мне еще здесь висеть?

Привыкший к мрачному настроению пациента, мужчина помог тому спуститься и мягко усадил в кресло: по распорядку дня сейчас было время полдника.

Алиса из кухни принесла кофе и свежие булочки. Но ни предвкушение напитка, ни прежде вызывавший обильное слюноотделение аромат корицы снова не вызвал аппетита в Антоне.

Почесав покрывшийся небольшой щетиной подбородок, он отвернулся от столика.

Алиса приподняла чашку, протянув Антону. Тот только смерил ее полным превосходства взглядом.

- Не буду.

- Я могу принести водички. И яблоко, если хочешь.

От ее тихих слов Антону стало еще хуже, ощутив подступающую тошноту, вызванную, скорее, внутренней злостью, он выхватил у нее из рук чашку с горячим кофе и бросил ее на пол.

Чашка разбилась прямо у босых ног Антона, и коричневая вода потекла прямо к его пальцам.

Алиса вскочила и начала вытирать жидкость полотенцем.

- Ты что, дура? Я ничего, ничего от тебя не хочу! Убирайся к черту отсюда!

От крика, после которого наступила оглушающая тишина, они оглохли оба.

Все вокруг звенело, перед глазами выпрямившейся навывтяжку Алисой поплыли круги. Такого она не ожидала. Демонстративное игнорирование, плохое настроение еще можно было как-то понять, но такая неприкрытая злоба, такое пренебрежение к человеку враз опустошили ее.

- Знаешь что? Ты просто маленький мальчик, который жалеет себя. Вокруг тебя столько людей, готовых выслушать и помочь, а ты ведёшь себя как эгоистичный ребенок!

Алиса, задержав дыхание, чтобы не разреветься, продолжила:

- Сиделка сегодня придет вечером.

И, распахнув дверь, зажмурившись, чтобы не встречаться глазами с вскочившим на крик охранником, помчалась на второй этаж особняка в свою комнату, чтобы расплакаться, и наконец выплакать то, что томилось в ее душе все эти долгие недели.

Глава 15 (2)

Сиделка приехала точно в назначенное время. Один из охранников выгрузил из машины небольшое новое инвалидное кресло, и покатил по дорожке в дом. Женщина аккуратно обошла мебель, привезенную, но так и не расставленную в доме, где кое-где еще велся ремонт, прошла в комнату на первом этаже, где проживал Антон. Она

удивилась, что не встретила всегда улыбающуюся ей приятную девушку Алису, но не подала виду.

Во время традиционного массажа Антон не кривился, не вздыхал, и женщина решила его взбодрить.

- Антон, сегодня вам доставили коляску, и вы теперь сможете самостоятельно передвигаться по дому. Алиса заказала самый легкий вариант, на первое время, если будет нужно, ее можно будет заменить.

Антон лишь хмыкнул в ответ.

Продолжая растирать икры ног, женщина решила все же уточнить:

- Я весь вечер не видела Алису, она спустится к нам?

- Нет.

Женщина повела плечами и переключила внимание на спину пациента.

- Обо мне никто не позаботится... - тихо проговорила она.

- Что?

- Я недавно стихотворение прочитала, вот вспоминаю строки. Тренирую память.

- Можете продолжать

- Обо мне никто не позаботится.

Я совсем один на всей Земле.

- Выбраковка! Хилый! Второсортица! –

Говорила женщина во зле.

- Остальные вышли – просто лапочки!

Этот – как «не свой», как «ни при чём»...

Я лежал, пришипившись, на тряпочке -

От сестёр и братьев отлучён -

Как дурное что-то... Что-то грязное...

Порожденье ужаса и зла!

И меня, такого безобразного,

Женщина к помойке отнесла.

Обо мне никто не позаботится.

Третий день за баком прячусь я
От собак бродячих, что охотятся
По помойкам, и от воронья.

У меня есть дом – коробка рваная,
Вместо молока – из луж вода.

Я так и не понял: в чём вина моя?

Что плохого сделал я тогда?

С неба льёт и льёт – с утра и до ночи,

Я продрог, и голод «валит с лап».

Я пишу, мяукаю о помощи,

Но мой голос очень-очень слаб...

Обо мне никто не позаботится...

Жизнь моя на чёрной полосе.

Так уж в этом мире, видно, водится:

Нет в нём места НЕТАКИМКАКВСЕ.

Но случилось чудо этим вечером:

Мимо шла Она – и вот дела! -

Заглянув в коробку (опрометчиво!),

С громким «Ой!» в ладонь меня взяла.

- Кто ж такого взять к себе отважится? -

Я хотел спросить, но не спросил,

А ещё - лизнуть ей руку, кажется,

Но на это не хватило сил...

.....

Обо мне никто не позаботится.
Или это, всё-таки, враньё?
У Неё под курткой так колотятся
И Её сердечко, и моё.
Я сижу в «укрытии» тихонечко,
Приоткрыв один зелёный глаз:
Как же так? – Её совсем, нисколечко
Не пугает жуткий мой окрас!
И, уткнувшись носом в мех доверчиво,
Я заснул впервые зА три дня...
Может в этом мире переменчивом
Есть одно местечко для меня? Обо мне никто не позаботится.
Я совсем один на всей Земле.
- Выбраковка! Хилый! Второсортица! –
Говорила женщина во зле.
- Остальные вышли – просто лапочки!
Этот – как «не свой», как «ни при чём»...
Я лежал, пришипившись, на тряпочке -
От сестёр и братьев отлучён -
Как дурное что-то... Что-то грязное...
Порожденье ужаса и зла!
И меня, такого безобразного,
Женщина к помойке отнесла.

Обо мне никто не позаботится.
Третий день за баком прячусь я
От собак бродячих, что охотятся
По помойкам, и от воронья.

У меня есть дом – коробка рваная,
Вместо молока – из луж вода.
Я так и не понял: в чём вина моя?
Что плохого сделал я тогда?
С неба льёт и льёт – с утра и дО ночи,
Я продрог, и голод «валит с лап».
Я пищу, мяукаю о помощи,
Но мой голос очень-очень слаб...

Обо мне никто не позаботится...
Жизнь моя на чёрной полосе.
Так уж в этом мире, видно, водится:
Нет в нём места НЕТАКИМКАКВСЕ.
Но случилось чудо этим вечером:
Мимо шла Она – и вот дела! -
Заглянув в коробку (опрометчиво!),
С громким «Ой!» в ладонь меня взяла.
- Кто ж такого взять к себе отважится? -
Я хотел спросить, но не спросил,
А ещё - лизнуть ей руку, кажется,
Но на это не хватило сил...

.....

Обо мне никто не позаботится.
Или это, всё-таки, враньё?
У Неё под курткой так колотятся
И Её сердечко, и моё.
Я сижу в «укрытии» тихонечко,
Приоткрыв один зелёный глаз:

Как же так? – Её совсем, нисколечко
Не пугает жуткий мой окрас!
И, уткнувшись носом в мех доверчиво,
Я заснул впервые за три дня...
Может в этом мире переменчивом
Есть одно местечко для меня?
(Ю. Вихарева Обо мне никто не позаботится... (2014 г.)

- Ни разу не слышал.

- Оно сравнительно новое, очень в душу строчки запали... Так, на сегодня с массажем закончили. Сейчас попрошу ребят помочь вам спустится в бассейн, а после прокатимся в коляске.

- По двору? В снегу?

- Нет, я думаю, это будет лишним. Мы пока будем осваивать территорию дома. Конечно, не везде сейчас вам получится проехать, например, на второй этаж, но я надеюсь, необходимости в специальном лифте для вашей коляски не возникнет, - думаю, что совсем скоро вы уже встанете на ноги. Вижу хорошую динамику, и все потому, что вовремя была оказана необходимая помощь. И... нужно сказать большое спасибо Алисе, она взялась за ваше здоровье бульдожьей хваткой. И во многом переубедила лечащего врача, чтобы рискнуть и попробовать.

Антон зыркнул на нее своими колючими глазами и женщина замолчала.

Оставшийся вечер прошел как обычно, как и множество вечеров до этого. С одним отличием: Антон с нетерпением ждал ночи, чтобы поговорить с отцом.

О том, как идет расследование, ему рассказывали Маргарита и герман Сатанеев, совершенно безликий, словно робот, помощник отца, и судя по тому, что выезд так и не был разрешён, следствие топталось на одном месте.

Больше всего Антон переживал сейчас за свое детище-собственную фирму. Сказав Алисе еще тогда, в прошлой жизни, что он там больше

не работает, для того, чтобы научить девушку жизни, он словно накликал судьбу. В течение месяца он действительно там не работал. Лишенный средства связи, Антон мог только догадываться о том, какую бурную деятельность развернул Георгий по его поискам. И то, что он до сих пор не найден, говорит даже не о том, что российская полиция плохо работает, и не о том, что Алиса придумала такое супер-изящное решение, а только о том, что его либо никто не ищет, либо его уже нашли.

- Привет, отец!

Впервые за месяц Антон видит лицо отца. Связь в скайпе немного зависает, но не от этого его лицо кажется изможденным и худым. Антону кажется даже, что улыбка отца кривоватая, будто он улыбается одной стороной лица.

- С тобой все в порядке?

- Сын! Я так рад тебя слышать, и видеть, наконец..

Отец переводит сощуренный взгляд куда-то за планшет, и Антон понимает, что поддерживает устройство Маргарита.

Сам он держит свой телефон, выданный едва ли не под запись его строгой маленькой надзирательницей, уверенной правой рукой, сидя в инвалидном кресле, в котором уже успел прокатиться по этажу.

- Расскажи мне все, прошу..

На последнем слове голос Антона срывается и становится тише.

- Антон.. сейчас мы наконец сможем все обсудить спокойно. Этот месяц был наполнен разными событиями и.. и.. эммм... последствиями некоторых событий..

- Олег! Достаточно водить ребенка за нос! Расскажи все, как есть и прямо сейчас, иначе я это сделаю сама!

Картинка “пляшет”, Маргарита, выговаривающая своему несостоявшемуся мужу правила поведения с собственным сыном, от возмущения дергает планшетом. Но, успокоенная уверенным взглядом Олега, останавливается и видео выравнивается.

- Антон. На нас с Маргаритой было совершено покушение в море. Но после переговоров наемниками мне удалось перекупить наши жизни. благодаря большой сумме денег, они отказались от своих намерений, просто оставили нас в открытом море, думая, видимо, что мы умрем

там так или иначе, но нас спасли-наш капитан, мир его праху, успел передать данные нашего местонахождения на сушу. Перед тем, как убраться с нашей яхты, один показал мне видео, в котором пострадал человек, очень похожий на тебя. Понятно, это было сделано для того, чтобы запугать меня, и потому Маргарита обратилась к моему помощнику в России, чтобы обеспечить твою безопасность. Хорошо, что все условия были выполнены так вовремя.

Отец вздохнул, устав от длинной тирады. Антон вдруг увидел потолок его комнаты и понял, что Маргарита положила планшет на кровать. Подождав несколько минут, он начал напоминать о своем присутствии совсем не деликатным покашливанием.

Изображение вернулось. Олег вытирал лицо платком, оказалось, что даже такие незначительные усилия, как длинный разговор с сыном, даются ему с трудом.

- До сих пор мы с Маргаритой не выездные из страны, потому что, так получилось, во время нашего захвата погибло два человека, один из них-гражданин Франции. Думаю, на следующей неделе мы уже вернемся в Россию. Вернее, я очень на это надеюсь. - после небольшой паузы отец продолжил. - сейчас я в клинике прохожу лечение... и поэтому у меня есть к тебе предложение, о котором я прошу тебя хорошо подумать. дело в том, что мое здоровье в настоящее время не позволит вернуться к делам и я предлагаю тебе стать исполняющим обязанности генерального директора холдинга Tengelmann Group. В любом случае, это не секрет, все мое должно стать твоим. Поэтому по приезду я пересмотрю свое завещание, где были указаны ты и Ольга, а также устрою все, чтобы перекупить у нее акции компании, чтобы сделать тебя полноправным владельцем империи. Конечно, оставляя за собой право решающего голоса в совете директоров. Эта ситуация напомнила мне, ради чего я работал все это время,- ради того, чтобы обеспечить тебе будущее, ради того, чтобы доказать себе и всему миру, что являюсь мужчиной, который походя решает проблемы и невыполнимые задачи, и, наверное, ради чего-то еще, но сейчас это совсем неважно.

- Но.. отец..

- Я понимаю, такое решение просто так принять сложно, но мы с тобой об этом много говорили прежде, и я думаю, что предложение не стало для тебя неожиданностью. По поводу твоей фирмы, я бы на твоём месте рассмотрел два варианта: слияние или продажа твоей

доли твоему исполнительному директору.

Антон потер рукой переносицу. Все сказанное свалилось на него разом и сейчас он чувствовал, как плечи напряглись, будто на них действительно обрушились каменные горы. Голова разболелась. Слишком много всего: ссора с Алисой задала тон переменам, продолжившимся радостью от самостоятельного перемещения по дому в коляске и вот сейчас...

- Я уверен, что ты справишься с тем, что я передаю тебе. Все, что входит в империю, тебе знакомо. Тем более, что ты работал с моим замом по экономическим связям, был логистом, да и собственный опыт не даст тебе совершить ошибок. Завтра к тебе придет Герман и вы сможете оформить все документы на первое время. По моему приезду домой мы закрепим все сделки, что были заморожены на время моего отсутствия и переоформим все документы. Пора наводить порядок в твоей и моей жизни, сын. Ты достаточно вырос в профессиональном плане, чтобы взять высоту выше, чем та, что была до этого.

Всю ночь Антон продумывал разговор с отцом со всех сторон. Небольшой опыт работы в его империи имелся, и это было большим плюсом, потому что в глубине души он знал, что рано или поздно ему захочется перешагнуть из того бизнеса, которым владел, совсем в другую сторону, где глубже и опаснее, и тем интереснее. А когда пробовать мир на прочность, если не в 25, когда кажется, что все вокруг предназначено для того, чтобы все твои мечты осуществлялись так или иначе? Он перебрал в голове все свои ошибки в то время, когда стажировался у отца во время учебы в университете, или в течение тех двух лет, что отработал у него, до тех пор, пока не решил попробовать свои силы самому. Оказалось, что ошибок было не так много, гораздо больше - успехов, особенно в части руководства отделами в которые отец его ставил, где-то даже на грани паранормального, настолько Антону удавалось чувствовать людей в рабочем процессе, а от того,- предугадывать их поступки.

Безусловно было жаль расставаться со своей компанией, созданной с нуля, но Антон понимал, что именно сейчас настает именно то время, когда надо сделать важный выбор. 25 - это еще не возраст. В такое время многие только начинают свой путь, а ему дана возможность оказаться сразу на вершине. И то, что так сложились обстоятельства,

не есть плохо. Понятно, что отец сомневается в своем здоровье, но, оказавшись дома, он и дня не протянет, чтобы не оказаться в офисе и не броситься в гущу событий, только потому, что жить по-другому не умеет. И все эти отговорки, что бизнес наизнос-это во имя сыновней лучшей доли,- ерунда. Отец получает кайф от того, что может выходить победителем из переговоров любого уровня, надавливая всеми доступными техниками воздействия. От того, что чувствует себя значимым и нужным каждую секунду своей жизни. Даже удивительно, что он протянул так долго в свадебном путешествии и во время вынужденного ареста во Франции без того, чтобы не сбежать какими-нибудь не совсем законными тропами обратно на свое рабочее место. А то, что такая возможность отцу предлагалась, он совершенно не сомневался. Как и то, что отец оказывался в условиях, подобных сегодняшним, и знал, как можно угрем уйти туда, куда ему нужно.

- Черт!

Антон усмехнулся впервые за месяц. Все-таки он - сын своего отца. И ему тоже нужны все эти переживания, которые делают из простого человека настоящего мужчину. Брать на себя ответственность и принимать решения. Сейчас он должен взять на себя ответственность за семейный бизнес, бывший до этого только отцовским и не дать утонуть кораблю, выпущенному в море однажды парнем с горящими глазами, примерно в том же возрасте, что сейчас находился его сын. С одним условием: он не находился в инвалидной коляске.

Все вокруг говорили, что его восстановление после аварии идет семимильными шагами, что ему чудом удалось избежать переломов, параплегии, но то, что он до сих пор не мог самостоятельно двигать собственными ногами, верой и правдой служивших ему столько лет (и даже однажды принявших участие в дико выматывающем забеге на дистанцию в 40 километров RunMen), заставляло задуматься.

Протянув в думах до двух утра, Антон протянул руку к прикроватному столику, где в ответ на его касание призывно загорелся экран телефона. Весь месяц Алиса не давала возможности связаться с внешним миром, и вот сегодня день ХЭ - телефон в его руках. И единственный, с кем он говорил сегодня, это отец. И, честно говоря, связываться пока ни с кем не хотелось. Но один вопрос решить было нужно. Прямо сейчас, несмотря на время на часах.

- Алло. Это Антон. Ваш Антон Дроздов, который проходит под

другой фамилией, не помню сейчас, кем там Алиса назвала меня в вашей карте.

- Самое время для шуток, - ответил заспанный голос доктора спустя несколько попыток дозвониться.

- У меня вопрос и .. еще один вопрос.

- Не сказать, чтобы я был сильно заинтригован твоим звонком, Антон, но чем дольше ты тянешь время, тем больше шансов что я усну не дождавшись твоего вопроса..

- Я собираюсь выйти на работу

- Это похвально.

- Это не просто работа. Я собираюсь работать в режиме 24 часа семь дней в неделю, с возможными командировками по всему миру... и мне нужно знать.. сможет ли выдержать мой организм.. эээ новые условия жизни.

- Антон. Все, о чем вы говорили только что, вгонит в гроб кого угодно. И это не зависит от того, есть ли у него проблемы с ногами или нет. Тем более, что мы с вами смотрели не так давно результаты анализов и МРТ, и все они, в принципе, были довольно хорошими. А это значит, что интегрироваться в общество вы готовы. Предлагаю обсудить все вопросы завтра.. и если ваш звонок вызван желанием заняться делом, то я скажу так: да, мы можем попробовать новый ритм жизни с условием продолжения составленного лечения и щадящего режима работы. До операции на бедро, после проведения которой будет ясно, что будет дальше. Вы это хотели услышать?

Антон выдохнул. Все то время, пока длился монолог врача, он, оказывается, и не дышал вовсе. А сейчас кислород будто опалил глотку. Но самое главное-несмотря на то, что бы ему не посоветовала трубка, решение было принято в тот момент, когда он только завершил разговор с отцом. И сейчас, практически до двух часов ночи, он не обдумывал плюсы и минусы неожиданного отцовского предложения, а думал, как внедриться в мир спустя месяц с того дня, как он очнулся в больничной палате, разглядывающим трещинки в побелке на потолке. И все, что вызывало вопросы, в тишине ночи казалось выполнимым. Удостоверившись, что решение принято, Антон тут же погрузился в сон и на этот раз сон был спокойным, без кошмаров и периодически возникающих фантомных горящих белым огнем болей в позвоночнике.

Проснувшись звука хлопнувшей двери на первом этаже, Алиса сначала не поняла, где находится. И только протерев глаза, вспомнила, что разревелась от слов Антона и убежала к себе наверх. Посмотрев на часы, она поняла, что это ушла сиделка. Видимо, закончились необходимые процедуры и женщина по обыкновению отправилась домой.

Плакать и жалеть себя сил уже не было. Походив, словно приведение, по дому, испугав вынужденную охрану бледным лицом, она подошла к комнате Антона и прислушалась. Тот разговаривал с отцом и на ее глаза снова навернулись слезы, которые объяснить глупому сердцу никак не удавалось.

Олег Борисович, по всей видимости, до сих пор оставался в неведении, благодаря стараниям Алисы, о том, что случилось с его сыном. О том, что предлагал вести сыну дела из инвалидного кресла. Но не это заставило Алису плакать во второй раз за вечер. А то, что Антон непонятно почему наврал ей. В течение этого тяжелого во всех отношениях месяца Алиса поняла, что в рассказе Антона о банкротстве отца, замороженных активах, его потери работы множество несостыковок: они могли позволить себе лечение у лучших врачей, закупали дорогостоящие лекарственные препараты и тренажеры, да и профессиональная охрана не давала повода усомниться в том, что Дроздовы вдруг оказались без средств. Но все это время, замученной битвой с настроением Антона, принятием решений по его лечению и спорах с лечащим врачом о физических пределах сложного пациента, проходившим восстановление в практически не доделанном доме и, к тому же, инкогнито, Алисе просто не удавалось побыть наедине с собой, и сложить дважды два.

Теперь же, эта арифметика открылась во всей своей неприглядной красе: Антон ее обманул. И совершенно зря она мыла полы в этом жилом комплексе для мажоров, вставала в такую рань, что даже сложно представить приличной девице, и зря работала в баре, где получила, между прочим, синяк на полглаза, и зря, зря, зря доверилась этому Дроздоборзому парню!

Последним гвоздем в крышку гроба доверия к Антону прозвучало предложение Олега Борисовича объединить фирмы или продать свою часть. А если об этом идет речь, значит, фирма до сих пор находится

у Антона в руках и приносит доход, и все эти жертвы были совершенно напрасными.

От слез не осталось и следа, в груди заклокотала ярость. От физической расправы Антона в этот час спас только любопытный взгляд их охранника, с дозором вернувшийся в коридор у спальни охраняемого пациента.

Ей оставалось только потрясти кулачками в бессильной злобе и вернуться к себе.

Но к себе ли? Кем была здесь Алиса? Совершенно ненужным приложением. Мать осталась там, где-то далеко, с любимым мужчиной, она только выслала ей деньги на карту, на жизнь и чтобы продлить съём жилья, в котором оставляла дочь, но где Алисиной ноги не было уже два месяца. Антон совершенно точно показал ей ее место. Не здесь, не с ним. Она поняла: он устал от нее, она являлась тем человеком, кто ежедневно напоминал ему о его несовершенстве. Видевший слезы Цезаря должен умереть,- говорят в народе. Антон своим поведением подтвердил эту аксиому. Видевший слабого Антона должен уйти.

Но идти снова было некуда. И на этот раз Алисе неоткуда было ждать помощи. Потому что помочь она должна была сама себе.

Умывшись, несмотря на позднее время, она собрала вещи и начала обзванивать людей по объявлениям по аренде жилья на короткое время. Остановившись на трех вариантах, договорилась о времени и легла спать с чувством, что завтра и ее жизнь должна измениться. В который раз измениться.

Первый рабочий день. День в кабинете отца. Антон поправил галстук, решивший, кажется, его задушить, и посмотрел в темнеющее небо за окном. Сегодня он приехал в офис едва ли не с рассветом и уезжать собрался позже всех в здании. От волнения, что все пройдет не так, как он думал, за весь день он не смог проглотить ни кусочка из того, что приносила секретарь, и только сейчас, расслабившись, понял, что голоден. Надо собираться домой, иначе он прямо сейчас падет смертью храбрых. Неожиданно в пустом кабинете раздался его смех. Антон выпускал все волнения и страхи, что были с ним на протяжении столь долгих недель. Но теперь он выбрался из своих оков и будет свободен, насколько это возможно.

Он сразу понял, за что браться в первую очередь, а какие дела можно оставить на потом. Обсудив с отцом все риски, выпустил с СМИ заявление о том, что возглавляет фирму отца и не дожидаясь, пока офисные слухи опередят сообщения в прессе, удвоил собственную охрану. Служба безопасности теперь будет работать в несколько раз активнее, чем прежде и такое же внимание будет устроено отцу, как только он вернется домой. На охрану во Франции отец не жаловался, заручившись поддержкой двух стран.

Антон обвел уставшим взглядом рабочий стол. И только сейчас заметил, что кругом, практически на всем пути его следования по кабинету, лежат гигиенические салфетки, антисептический гель, много, много бутыльков. Он нахмурился и скинул рукой бутылки, те, до которых смог дотянуться. Теперь такую слабость он терпеть не мог. То, что было с ним в одиннадцатом классе, та слабость, которой он поддался после ухода матери, больше не должна повторяться. Отныне и навсегда никакого послабления собственной больной психике. Он здоров. Он будет здоровым и морально, и физически. И то, что за какие-то пару месяцев он сотворил со своим телом, то, что многие добиваются годами, тому подтверждение. Он в состоянии сам о себе позаботиться. И, если честно, он может позаботиться не только о себе, но и о другом..другом человеке... но потом..потом...

- Антон Олегович, к вам посетитель.

Уставший голос секретарши снова напомнил, что уже почти ночь, и Антон хотел было отказаться от визита, но дверь распахнулась и в кабинет вошел Георгий.

- Антон Олегович, Антон Олегович, как некрасиво скрываться от друзей, но что немаловажно, - партнеров!

- Георгий!

Они подали друг другу руки и Георгий выставил на стол бутылку виски.

- Думаю, надо отметить твоё фееричное появление!

- Стаканы в приемной и отпусти секретаря, - улыбаясь, ответил Антон.

- Все как всегда. Я прихожу к нему и я же организую вечеринку! - притворно обиженно надул губы Георгий.

- Ну, ты не хочешь в конце концов рассказать мне, что на самом деле происходит? - после пары бокалов алкоголя парни расслаблены.

- Ничего особенного...

- Конечно ничего особенного! У тебя в приемной целый Форт баярд, удивительно, как я прошел к тебе без карлика с ключами! Тебя не было все это время, а на заявление в о пропаже такого человека, как Дроздов, реакция полиции была какая-то не очень живая.

- Пока по-другому нельзя.

- Ну и конечно меня волнует вопрос, что с нашей фирмой.

- Да. Я подготовил документы-предложения, хочу, чтобы ты рассмотрел.

Антон протянул со стола партнеру папку.

- Все перешлю тебе на электронку сразу же. Не торопись с ответом, я постарался учесть все твои интересы, и, наверное, даже больше, чем свои...

- Так что, мы не будем вместе работать?

- Не сейчас..

- Я понял. Ну что ж, я рад, что у тебя так все... интересно складывается.

Оба хмыкнули и чокнулись наполненными фужерами. Антон, пригубив напиток, поставил его на столик, от чего в тишине кабинета раздался приятный звон, не заметив, как сжал зубы его бывший теперь уже партнер.

Глава 16

Скачано с сайта knigomania.org

- Сергей Палыч, здравствуйте. Я хотела попросить вас проводить меня в бухгалтерию. Дело в том, что месяц назад я так быстро пропала, наверное, мне какие-то документы нужно подписать, не знаю, ключи формально сдать, чтоли, от квартиры.

- Ой, девочка, как же долго вас не было. Ни тебя, ни Антона Олеговича.

- Да, с нами много чего произошло, и мы теперь живем в другом

месте. Вернее, в разных совсем местах. Ну так что там с ключами? Вещи я перевезла уже давно, квартиру отдаю обратно в первозданном виде!

- Эм, девочка, тебе и подписывать ничего не нужно. Антон Борисович снял эту квартиру, да и сам оплачивал тебе зарплату, все это время уборщица у нас уже работала, но на время твоей ... работы.. не выходила..

Алиса уставилась на мужчину. До нее не сразу дошло, о чем говорит мужчина. То есть, она просто так все это время мыла полы, вставала в такую рань, по темноте и холоду тащилась убираться, хотя необходимости в этом совсем не было?

Черт, черт, черт!

Ну к такому жизнь ее не готовила. Мелкие пакости в школе, может быть, обмен «любезностями» с одноклассницами, но такая наглая подстава..

- Сергей Палыч, то есть все это время Антон Олегович был и остается хозяином своей квартиры, что наверху?

- Ну конечно, с чего ему ее продавать, квартира очень хорошая, он сам всегда говорил, что ему очень нравится расположение дома, - всегда удобно добираться на работу и есть где припарковаться. Особенно он доволен соседями – все приветливые, спокойные люди. Да и шумоизоляция здесь отличная.

Да уж, шумоизоляция.

Алиса плотнее запахнула пальто на груди, потуже завязала шарф и вышла на заснеженную улицу.

Черт, черт, черт!

А она ему каши варила, уговаривала его спуститься в бассейн, когда он волком смотрел на нее, да она, между прочим, телефон свой продала, когда его полиция забрала за драку!

Чистая, искренняя ярость застилала глаза. Ну, Олегович, ну угрожал. Гад ты, а не Дроздоборзый дроздобород!

И зачем она вообще его скрывала все это время? Надо было вообще маячки по всему городу расставить и флажки. Мол, кому нужен младший Дроздов, милости прошу! Всех маньяков или убийц лично бы проводила к нему в комнату. Там и стараться не нужно, - толкни

посильнее, да и оставь, время само все сделает.

А может, яду приобрести? Чем там травят людей? Мышьяком каким-нибудь? Так ему можно дозу покрепче, побольше, он и вкуса, небось, не чувствует, робот, трактор не доделанный!

Ах, нет, не яд ему нужен. Может быть, наделать фотографий его, так сказать, неглиже, выложить в соцсетях, пусть умирает от стыда за себя? Сейчас-то ему гордиться толком и нечем, - одни кожа да кости остались вместо мышечной массы. Это ей хорошо известно, его таким она видела столько дней подряд. Не хотела иногда, может быть, но видела, и сама лично подтягивала ему эти мышцы, смотрела и училась, как правильно делать массаж, чтобы снять боли, чаще всего фантомные, чтобы облегчить бедненькому-несчастненькому жизнь.

Вот как можно быть таким..таким.. таким красивым уродом?

Весь внутренний диалог Алиса вела, осматривая квартиру, которую уже решила снять для себя. Однокомнатная, чистая, недалеко от университета. Пока перевозила вещи из дома, благо в доме никого не было, - все умчались на первый рабочий день их высочества. Пока ходила в магазин за продуктами, заполняя пустой холодильник.

И вдруг монолог прервался. Она устала от истязания себя.

Алиса осмотрелась. Сумерки плелись в окно, пришторенное веселенькой тюлью. В доме напротив зажглись теплые огни, и там, в этих окнах, жили люди, разговаривались друг с другом, обнимались, может быть, ругались, но были вместе.

Острое чувство одиночества затопило Алису. Она позвонила маме, поговорив с ней немного, узнала последние новости и сказала, наконец, что сняла другое жилье. Маргарита похвалила дочь за правильный выбор, оценила фотографии квартиры, дочери, заметив у той в глазах невысказанную грусть, и поспешила ее обрадовать возможным скорым приездом.

Алиса решила для себя, что ее окружает слишком много вранья, и она сама является ее источником. Но рассказывать о тайне Антона, о том, что он очень серьезно пострадал во время аварии, решила не говорить. Все же это не ее тайна уже. И не ее дело. Она сделала все, и даже больше, чем должна была. И, честно говоря, даже больше, чем могла сделать на ее месте любая девятнадцатилетняя девушка.

Закончив разговор, Алиса приняла душ, высушила волосы и села смотреть в окно. Неторопливые прохожие возвращались домой или шли по своим делам, слушая, как новый снежок скрипит под ногами, то пропадая, то появляясь в свете фонарей.

А она сидела дома совершенно одна. Включив новенький дешевый телефон, убедилась, что за время, что сотовый был выключен, никто ей так и не позвонил.

И ей стало так тошно, так муторно на душе, что оставаться одной в пустой квартире оказалось невозможным. Она быстро сделала макияж, оделась и выбежала на улицу. Холод отрезвил. Да, гулять в одиночестве – та еще забава. И тогда она направилась в бар. Самое лучшее место для того, чтобы быть одной среди людей.

Бармен оказался мальчиком понятливым и коктейли в ее руке не переводились. То розовые, то зеленые, то крепкие, то не очень.

В голове распространился белый шум, через который уже сложно было пробиться ненавязчивой музыке, а подходившие мужики уходили спокойно, встретив расфокусированный взгляд и не увидев никакого интереса к своей персоне.

- Могу я угостить красивую девушку чем-нибудь?

Сквозь туман пробился смутно знакомый голос очередного любителя снять девушку в баре.

- Спасибо, я и сама могу угостить себя.

- Алиса, негоже девушке одной оставаться одной в таком состоянии.

Она удивленно уставилась на неожиданного собеседника.

Георгий!

- Вот это встреча.

Она равнодушно отвернулась обратно к стойке.

- Вижу, ты не рада мне, а я вот, напротив, очень даже рад. Не каждый день можно встретить девушку, что разбила тебе сердце. А еще, как оказалось, мастерски умеет играть в шпиона.

Она перевела на него «плавающий» и недоуменный взгляд.

Он рассмеялся.

- Да ладно тебе, тебе бы снайпером работать. Незаметная, изящная..

Так легко умыкнула и спрятала такую большую шахматную фигуру – Антона Олеговича Дроздова! Настоящего принца огромного королевства. Молодец, ничего не скажешь. Смекалка, ум, да и красота.. ты просто молодец.

Алиса хмыкнула.

- Что, все так плохо?

Он указал на стакан в ее руке.

Она кивнула, от чего волосы волной закрыли лицо.

Георгий заправил волосы ей за ухо и прошептал:

- Откройся дядюшке, что волнует такую красивую девочку?

- Я просто хочу получать удовольствие от жизни! Я не хочу скандалить и что-то кому-то доказывать, не хочу тратить время на общение с теми, кто мне неприятен, с людьми, которые меня не понимают, и пытаться достучаться до них. Я хочу жить настоящим. Я просто хочу жить! Радоваться каждому моменту, каждой улыбке прохожего, каждому дню, в независимости от того, солнечный он или дождливый. И очень не хочется разменивать эту потрясающую жизнь на пустоту, мелочи и бессмыслицу. Которой и является сейчас моя жизнь. Она состоит из одного вранья, бесконечного, невыносимого вранья. В том числе и самой себе.

Алиса расплакалась. Пьяные слезы смешались с тушью, помада размазалась по подбородку, когда она нетвердой рукой попыталась прекратить этот поток слез.

- Все понятно. Девочка, тебе пора домой.

- Нет! Мне некуда идти. Нет у меня дома! Я никому, совершенно никому не нужна!

- Детка, может быть, я и оставил бы тебя здесь, оплакивать свою судьбу, мы не так хорошо знакомы, да и не будем забывать, что ты меня бросила, а я, между прочим, пылал очень даже прекрасными возвышенными желаниями по отношению к тебе, - он ухмыльнулся и бармен, наблюдавший за парочкой, уловил иронию на его лице. – Но сейчас позднее время. Ты напилась и тебе пора в кроватку.

Георгий положил крупную купюру на стойку, помог спуститься Алисе с барного стула, и она покачнулась, навалившись на него.

- Да, доставка, судя по всему, будет гораздо труднее, чем я себе представлял.

Он перекинул ее руку себе на плечо и практически волоком потащил к такси девушку, что путалась в ногах, постоянно запинаясь ногами друг о друга.

- Девушка? -хмыкнул таксист, что помог усадить практически бесчувственное тело на заднее сиденье.

- Знакомая.

Попытки добиться от невменяемой девушки ее адреса он тут же оставил. Она сразу уснула, стоило оказаться на свежем воздухе. Георгий достал было телефон, позвонить своему уже бывшему партнеру, чтобы сказать, что его несостоявшаяся сводная сестра похожа сейчас на половичок у двери, но, взглянув на время, передумал. Куда везти? Пожалуй, к себе.

На середине дороги Алиса открыла глаза и доверчиво прислонилась к Георгию и подняла на него свои глубокие синие глаза.

- Сп.сибо.

- Алиса, мы едем ко мне.

- Пофик. Я уже не деф.не дефственница.

Георгий не удивился такой информации. В таком состоянии женщина может говорить все, что угодно.

- Это было уже да..давно. Мой дядя...Игорь..сука.. ненавижу. И никто..никто..

У Георгия встал в горле ком.

Он несмело погладил ее по волосам и прижал ее голову сильнее к своему плечу.

- Тише, тише. Скоро приедем.

Озадаченный, смущенный, сбитый с толку таким неожиданным откровением, он не понял, что это было: пьяная исповедь, фантазии девушки или какая-то обида?

Оказавшись дома, снял с нее верхнюю одежду, и прямо в платье уложил на свою кровать. А сам лег в другой комнате, и долго бездумно смотрел в потолок.

Глава 17

Ольга металась между двумя желаниями, и даже не представляла себе, какое из них сильнее: прибежать к Георгию домой в новом кружевном белье или позвонить и послать его к черту.

Кружевное белье, кстати, было куплено с учетом его вкуса. С тех самых пор, как Ольга поняла, что ее безудержно, постоянно и без всяких тормозов тянет к этому нахальному, острому на язык и быстрому на действия парню, она делала все, чтобы угодить ему.

Казалось, что с каждым разом, с каждой встречей она растворяется в нем все больше. Постоянно ловит его взгляд, интересуется его настроением, и пытается предугадать все его желания.

Георгия окружали красивые и молодые девушки. Они были везде: на работе, в кафе, ресторанах, были вхожи в дом его семьи и улыбались из окон автомобилей на светофоре. Каждый раз, как только Ольга ловила подобный оценивающий взгляд, или представляла себе, как он общается с девушкой своего возраста, ее сердце полыхало, а глаза застилала пелена. Дрожащими руками она нервно поправляла прическу и приказывала себе не паниковать, чтобы вечером, оказавшись в одиночестве, вспоминать все нюансы поведения Георгия, думая уличить его в прохладном к ней отношении.

То, как она себя вела в последнее время, потихоньку отталкивало Георгия. Ольга понимала, что свободолюбивому, ветреному и увлекающемуся юноше такая ноша, как она, не по плечу. Но поделаться с собой ничего не могла. Он легко, на излете, пресекал ее возможные сцены ревности, отмахивался от ее разговоров об их отношениях, а в последнее время вообще поставил в известность о том, что показываться вместе в обществе им не стоит, чтобы избежать ненужных разговоров. Ольга была со всем согласна, и в глубине души пыталась противостоять. Но противостояние ее не находило выхода, а только точило изнутри.

Она сама не заметила, как стала дерганой и начала часто выпивать вечером, оставшись одна, если Георгий не оставался на ночь.

Разговоры их теперь мало напоминали то воздушное, легкое общение, что было в самом начале. Ольгу томила ревность, она думала о том, что очень бы хотела если не привязать к себе Георгия путами, то заставить его в ней нуждаться.

Пока же он не нуждался в ней, а даже немного тяготился ее присутствием.

Во время такого прекрасного, мозгодробильного секса, который для нее становился все лучше, казалось, что Георгий уже не с ней. Отдаляясь от нее, он сильнее ее привлекал.

Она пыталась с ним играть. Отключала телефон, когда знала, что он должен прийти, пыталась вызвать ревность, рассказывая о встречах со старыми знакомыми, но все было напрасно. Он реагировал как всякий мужчина в начале отношений: делал смурное и недовольное лицо, выговаривал ей, что она не права, трахал неистово, оставляя синяки от пальцев. Но за всем этим Ольга не видела настоящих, искренних чувств. Будто бы он делал все это по сценарию, который она ему когда-то показала. По сценарию, как приручить себя.

И сегодня, сидя в машине перед его домом, она снова металась между двумя чувствами: зайти и продемонстрировать ему свое новое белье или послать его к черту, напиться и уехать, чтобы не было соблазна искать встреч.

Перевешивало второе, но Ольга уже плотно сидела на наркотике эндорфиновой зависимости от него, чтобы сейчас так легко развернуть машину и уехать.

Поправив пальто, проверив ярко красную помаду в зеркале заднего вида, она улыбнулась своему отражению и направилась к квартире Георгия. Сегодня выходной и он наверняка отсыпается от трудной и очень насыщенной трудовой недели. А она может сделать этот выходной лучше.

Поправив прическу, Ольга снова нажала на дверной звонок. Ожидание начинало напрягать. Неужели его нет дома и он снова пропал, как на прошлой неделе, для того, чтобы вернуться как ни в чем не бывало через два дня без объяснения причин? Нет, они конечно взрослые люди, друг другу ничем не обязаны, но нет, нет!

- Холодно же, что ты делаешь?

На его недовольство Ольга лишь кокетливо улыбнулась.

- Кое-что нужно сделать моему мальчику..

Она потянулась к нему за поцелуем, но тот отстранился.

- Помады слишком много, вытри.

Ольга проглотила раздражение и начала снимать верхнюю одежду.
Повесив пальто на вешалку в прихожей, она застыла.

- Чья это одежда?

Наманикюренным мальчиком она указала на модельные сапожки и женское пальто, которое явно ей не принадлежало.

Георгий вытянул лицо.

Ольга оттолкнула его и демонстративно негодуя прошествовала в спальную. Так и есть: на его кровати сидела девушка, что явно только что проснулась. Волосы в беспорядке, платье смятое выглядывает из-под покрывала, на лице круги от косметики.

- Ччто это ттакое?

Ольга не могла припомнить, когда еще испытывала чувство такой ярости, смешанной со страхом.

Карта, разыгрываемая сейчас, может быть не только отражена дьявольским умом Георгия, но и вообще благополучно порвана на части.

- Извините меня, я не хотела-начало лепетать юное создание, не ведая, причиной какой бури стала.

- Что ты не хотела? Оказаться в чужой постели?

- Ольга, успокойся, ничего не было.

Но Ольга успокоиться не могла.

- Ты что, мочалка недобитая, делаешь тут, в постели чужого мужика?

- Да я..

- Ольга, прекрати, это моя знакомая, мы спали в разных комнатах, не видишь,- беда у человека.

- А ты - спасающий юных дев альтруист?

- А я - спасающий юных дев альтруист. Давай лучше кофе попьем. Алиса, в ванной я положил тебе полотенце, приводи себя в порядок, встречаемся на кухне.

Не давая возможности излиться еще одному потоку оскорблений и возмущений, он взял Ольгу в охапку и закрыл прямо перед ее носом дверь.

Невозмутимо направился в кухню, включил кофемашину, достал сливки и сахар и только после этого обернулся к Ольге, которая готовилась высказать ему все, что считала нужным сказать в такой ситуации любая уважающая себя обманутая любовница.

Он улыбнулся, подошел к ней вплотную и развел обе руки в стороны. Натянул кофту, создав огромное декольте и сразу поцеловал сначала одно полушарие груди, потом второе. Предвидя поток возмущений, впился губами в ее губы и начал неистовствовать, покусывать, облизывать, всасывать, так, будто это был последний поцелуй выживших на планете. Подкрепляя ошеломительное действие поцелуя, заскользил руками вдоль тела, пробрался под кофту, покрутил соски, забрался под юбку и закружил пальцами по трусикам. Не дав Ольге одуматься, резко повернул ее лицом к окну, поднял юбку, стянул штаны. Смочил слюной ладонь и быстро прошёлся вдоль всей длины своего члена, а потом резко вошел в нее. Ольга зашипела. Георгий не обращая внимания на ее недовольство, продолжил резко и быстро насаживать ее на себя, меняя угол входа. От этого танца у окна она начала стонать от удовольствия и в предверии накрывшего удовольствия задрожала всем телом. Георгий увеличил темп и Ольга уткнулась лбом в холодное окно, не видя перед собой ничего, только ощущая в себе быстрые толчки. Он в последний раз сжал ее ягодицы и кончил. Постояв несколько секунд, развернул ее к себе, поправил одежду, обнял и поцеловал спокойным поцелуем, будто это не он только что вбивался в ее плоть.

- Давай попьем кофе.

Он налил кофе в три чашки и усадил замолчавшую Ольгу поближе к себе. Тут же в комнату вошла Алиса, посвежевшая после душа.

- Георгий, спасибо.

- Присаживайся, ты кофе со сливками будешь?

- Нет, мне с сахаром.

Не чувствуя появившегося напряжения, Георгий, наконец, представил гостей друг другу.

- Ольга, это Алиса. Алиса - это будущая падчерица Олега Дроздова.

Ольга от удивления едва чашку не выронила.

- Неизвестно, только, когда это случится. Сейчас Дроздов и Маргарита во Франции под подпиской о невыезде, наверное,

матримониальным вопросом они займутся только по приезду в Россию. Кстати, скоро ли их ждать?

- Кхм кхм, на этой неделе они должны вернуться на какое-то время.

- Уже на этой?

Ольга обменялась с Георгием взглядами.

- Так ты значит дочь Маргариты?

- Да.

- Надо же! Такая взрослая дочь!

- Да, мне девятнадцать.

- Ну, может быть, может быть..

- Спасибо за кофе, я пойду.

- Алиса, отвезти тебя?

- Нет, не нужно. Я на такси, и я уже собрана. Еще раз спасибо тебе.

Торопливо прощаясь, девушка растворилась среди прохожих на улице.

- Ну что ж, продолжим?

Георгий многозначительно улыбнулся и потянул Ольгу на себя.

- Кобелина ты! - не выдержала она.

- Да!

Он стянул с нее кофту.

- И самый настоящий кот!

- Да!

Он спустил юбку, оставив ее в чулках и трусиках.

- Гулящий!

- Нет!

Он стянул ее трусики к юбке и оставил одежду валяться в кухне, потянув ее в комнату. Спустя две минуты оттуда не доносилось ни слова, а только узнаваемые стоны и звук шлепающей друг о друга плоти.

Все получалось как нельзя лучше. Работа спорилась, несмотря на многие вопросы, ответов на которые у Антона еще не было. Отец выстроил империю, работающую как швейцарские часы.

Проще говоря, Антон просто стал машинистом поезда, едущего по составленному расписанию в определённый пункт назначения. Умения планировать у отца было не отнять. Взаимозаменяющие решения были готовы на тот случай, если первый вариант решения возникнувшей проблемы не подходил.

Команда, собранная из специалистов разных отраслей, отлично знала свою работу и что немаловажно, была заинтересована не только в том, чтобы получить денежные выплаты, ежемесячные или полугодовые, но и в том, чтобы колесо крутилось в выбранном режиме и рядом не находилось препятствий.

Всю неделю Антон вникал в дела и решал вопросы. Фирму, владельцем которой он являлся, после долгих переговоров удалось ввести в состав отцовской империи и сейчас Георгий работал под его началом уже на другом уровне. С того дня, как было подписано соглашение, они больше не встречались, но Антону было не до людей, что его окружают.

Он чувствовал себя властелином горы, покорителем Эвереста. Когда ранним утром, еще до того, как придут его сотрудники, Антон въезжал в кабинет, ему не хватало только песни We Are The Champions Queen, настолько переполняли положительные эмоции от случившихся перемен.

Антон понимал, что по большей части тем, что спокойно передвигался по городу, он был обязан Алисе, но звонить ей и звать обратно домой не решался. Все то время, пока он проходил лечение, он был как ребёнок, зависимым от нее, от людей, что были рядом. Она по-своему стала на время его миром, и это душило молодого парня, сильного и физически, и морально. Она, сама того не подозревая, стараясь вернуть его к жизни, жизни этой лишала. Ему не хватало воздуха в этом информационном вакууме и забота девчонки просто-напросто лишала его мужественности.

Зато сейчас, сидя перед дубовым столом, в самом эпицентре жизни, он был на самой вершине. К нему обращались за помощью, и он помощь эту даровал. К нему обращались за правосудием и он его вершил. Антон усмехнулся. Такое развитие событий было точно

настроено под него, и зачем раньше он бегал от такой ответственности, ведь, по факту, с ней он довольно легко справлялся.

Выделив свободное время, позвонил отцу. В конце концов, неделя, во время которой они должны были вернуться, уже вышло, а воз был и ныне там.

- Антон!

- Отец!

- Боюсь, что я погорячился с выводами и мы еще не можем выехать домой. Службы нашли исполнителей. И сейчас нам предстоит процесс над ними, очные ставки.

- А заказчик?

- Нет, заказчик не выявлен. Как ты?

В этом вопросе Антон понял главное: отец волнуется за его безопасность, и на душе его стало тепло. Теперь он понимал одержимость работой, бизнесом отца, и понимал его как никогда. Он сам все это время жил в этом драйве. И несмотря на эту круговерть, в которой приходилось постоянно крутиться, он никогда не забывал о сыне, стараясь уделить ему необходимое внимание.

- Я усилил службу безопасности. Теперь охраняется и дом, и моя квартира.

- Так и надо.

- Отец.

- Да?

- Мне сказали, что в городе Ольга.

- Возможно. У нее там есть дела и недвижимость.

- Она знает, что ты... выбрал мне мачеху?

- Знает. Как узнала, сразу примчалась.

- Зачем?

- Просила не делить совместно нажитое имущество с человеком, которого едва знаю.

- Хм. То есть ее ты, по ее мнению, знаешь хорошо.

- Ну как бы там ни было, она мать моего ребенка.

- Интересно, а сама она об этом помнит..
- Мать есть мать, и при том она слишком долгое время была моей женой.
- Очень интересно. А Маргарита знает, что у тебя к Ольге до сих пор что-то есть?

Антон злился и не мог понять, на что. Оказывается, мать виделась и общалась, как обычно, с отцом, а него не нашла в своем расписании и минуты. Уже месяц она находилась в городе и снова, уже который год, не искала с ним встречи. Будто он был пустым местом, будто и не был восемнадцать лет ее сыном. Он злился и не понимал, почему отец не разделяет его злость, выплачивает ей какие-то дивиденды, не выводит из совета директоров, не лишает акций и продолжает ежемесячное общение, которое ей, он готов руки свои об заклад поставить, совершенно не нужно.

- Что это за выводы? Держи. Свой. Язык. В узде. И не смей такие слова говорить вслух.

- Извини, не удержался.

- Маргарита, если услышит, может неправильно тебя понять, поэтому будь аккуратнее в высказываниях на счет Ольги.

Посверлив друг друга взглядами, они перешли к рабочим вопросам. Олег не мог оставаться равнодушным и живо реагировал на все, о чем говорил Антон, до тех пор, пока не пришла Маргарита и не напомнила, что отцу нужен покой.

- Антон, как ты? Не устал?

- Маргарита заглянула в камеру планшета.

- Все в порядке.

- Мне кажется, ты очень сильно похудел, ты вообще питаешься? Или сидишь на каких-нибудь бутербродах?

- Питаюсь, спасибо. У меня повар, - и сиделка, и врач, и массажист, продолжил мысленно он.

- Как Алиса? Вы видите с ней? Может быть, попросить ее зайти к тебе?

Антон вопросительно выгнул бровь.

- Не нужно! Не нужно! То есть, мы с ней общались по телефону и она сказала, что у нее все в порядке. Собиралась на каток с подружками.

- Хорошо, хорошо, я поняла. Но все равно, может быть, это плохое качество связи, но мне кажется, ты как-то осунулся. Или ты работаешь без сна и обеда?

- Марго, прекрати! Он взрослый мужчина!

- Пожалуй, да, я, в общем-то взрослый мужчина.

Антон закатил глаза.

И тут одновременно зазвонили два телефона.

- ... и мне надо возвращаться к делам. До связи. Позвоните, скажите уже хорошие новости. Это несерьезно-так долго жить в другой стране...

- Мне бы хотелось со всем разобраться уже и успокоиться.

- И здесь, по-моему, безопаснее, чем дома.

- Да уж, "безопаснее".

- Не ерничай, сын. До завтра.

Антон посмотрел на экран, где отражалось его действительно похудевшее лицо. Он фыркнул и отвернулся к окну. Он - самодостаточная личность, взрослый мужчина, в конце концов. Ему не нужно чье-то внимание и чья-то жалость, пусть все живут своими жизнями, у него свой путь, по которому надо пройти.

Глава 18

У каждого человека когда-то наступает предел. Алиса долго ходила по краю и предел этот, кажется, наконец замаячил перед ней. Со всеми этими переживаниями, жуткими происшествиями с людьми, которые юридически и семьей-то ее не были, совершенно выбили из себя.

И Алиса, взвесив все за и против, решила, что учиться в таких условиях будет просто невозможно. Она посвятила обдумыванию этого вопроса целую ночь в компании бутылочки вермута и пришла к осознанному решению, что надо брать академический отпуск,

разобраться с жильем, новоявленной родней и собой, в конце-концов, и только потом идти со спокойной душой в университет, в который, кстати, не очень-то и тянуло.

Она глухо ухмыльнулась в себя. За эту короткую и такую невозможно длинную осень она побывала в шкуре стольких людей - от уборщицы в доме до официантки в клубе - что сама забыла, кто она такая и чего хочет.

Желание завладеть вниманием какого-то безликого миллионера растаяло, как роса поутру, а нового плана на жизнь измотанная борьбой со строптивым пациентом - Антоном, отказавшимся от нее, она не видела.

Жизнь в большом городе, кажется, перемолола ее. Алиса вспомнила разговор с банкиром на памятном вечере, после которого жизнь полностью сменила вектор, и рассмеялась сама себе. Тогда она сказала, что думает об открытии пекарни, где будет работать сама. Но именно сейчас, когда сумерки пробиваются в ее одинокую маленькую кухню, освещаемую маленькой и тусклой лампочкой под советским абажуром, как-то не верилось, что она может быть поваром-кондитером. И идея эта показалась повзрослевшей Алисе глупой и невыполнимой. Ей думалось, что в глазах у нее столько печали и какого-то вселенского горя, что теперь она может, подобно старым интеллигентным профессорам, протягивать неспешно: эх, милая, мне бы ваши заботы.

Допив последнюю порцию алкоголя, она звякнула бутылкой. Сейчас вечера проходили по одному сценарию. Вырвавшись на один день в мир, она решила вопрос с университетом, дав себе годовой абонемент на ничегонеделанье, и отправилась в турне по просаживанию присылаемых матерью денег в кабаках. Однако, помня о том, в каком состоянии Георгий увозил ее из какого-то бара, уходить теперь старалась вовремя, чтобы уже дома, в съёмной квартире с блеклыми обоями дойти до кондиции.

Сегодня партнершей в ее излияниях должна была стать старая знакомая Лиза, потому что больше терпеть эту рваную рану одиночества внутри ей не представлялось возможным, а обратиться за толикой человеческого тепла было попросту не к кому.

- Ох, Алисыч, как ты тут одна сидишь, как сыч! - Лиза рассмеялась, вытаскивая из пакета бутылки с вином.

- Ну уж.. сразу как сыч!
- Как сыч, как сыч! Не отрицай! Сколько мы уже с тобой не виделись? Уже месяца два, если не больше!
- Может быть, и больше..
- Давай выпьем с тобой за то, что встретились наконец!

За неимением стекла в доме, красивых или даже обычных фужеров, девушки чокнулись чайными хозяйскими кружками. Лиза поморщилась от их вида, но желание немного разнообразить свои будни, решила, что такие посиделки - на съёмной квартире, с девчонкой, недорогим вином-тоже должны быть в жизни каждой студентки.

- Давай, рассказывай.

Лиза выдохнула сизоватый дым от тонкой дамской сигаретки, и он, играя со светом, устремился к лампочке.

- Что рассказать тебе?
- Ну меня, вообще-то, интересует тот худоватый красавчик, но если ты расскажешь еще о ком-то, против не буду.

Они рассмеялись. Сейчас вообще все казалось смешным, пустым и оттого веселым. Алисе, которая уже до визита одногруппницы уже успела выпить, - особенно.

- А я, Лизка, взяла академ.
- Надо же! Зачем?
- Буду себя искать.
- А ты разве себя теряла?
- Потеряла, да еще как!

Лиза другим, изменившимся взглядом осмотрела убогую обстановку квартиры.

- В каком смысле-потеряла?
- Да в самом простом, Лиз! Никому я не нужна, никому! И помощь моя тоже, оказывается, никому не нужна! И сама я, как дочь, как девушка, в общем тоже никому не сдалась.
- Алис, ну успокойся ты, что за драма!

- Вот ты, Лиза, красивая девушка, отбоя от поклонников нет, папика себе наконец нашла, живи-не хочу. А чувствуешь ли ты себя счастливой?

- Ну... конечно чувствую..

- Когда же?

- Ну... когда покупаю себе новое платье, например, и именно то, что хотела. Когда маман заканчивает разговор, наверное.. когда лето наступает. Да и вообще... вот новый год скоро. Соберу со всех подарков и буду счастлива с ними!

Девчонки рассмеялись. Каждая поняла по-своему монолог Лизы.

- Да и ты, Алиска, зря грузишься, скажу я тебе..

- Да не грузюсь я, Лиз! И вообще, начала окучивать твоего юрика, этого толстячка. Не все ему по тебе томиться, а мне после Николая Иваныча хочется чего-то приятного, для души...

Шел уже третий час философской беседы и девушки все не могли прийти к какому-то выводу о жизни. Глаза блестели и все вокруг казалось чрезвычайно значимым и невероятно глубоким. Каждая мысль-квинтэссенция богатейшего жизненного опыта девятнадцатилетних познавших многое девушек, каждый взгляд - в стиле "ты же понимаешь, не маленькая".

- Прошлого не вернуть и не изменить, поэтому сожаления бесполезны. Они только бережат старые раны и заставляют чувствовать вину. Нужно понять то, что случилось в прошлом, как данность и смотреть с надеждой и уверенностью в светлое будущее, - продолжала подвыпившая Лиза, и с этим вызвала поток рассуждений от Алисы, что уже решила похоронить себя в пучине депрессии.

Но Лиза не сдавалась.

- Я считаю, счастливый человек - это тот, кто принимает и горе, и радость. Ну не может же с нами происходить одни только удачи или провалы. Эпикфейлы есть даже у королевы, этой старушки в Англии. Просто мы о них с тобой еще не знаем!

Девушки рассмеялись.

- Счастье - это наша жизнь. Чтобы просто быть. Дышать, ходить,

смотреть, выпить, в конце-концов, если очень захочется. Андерстенд?

Алиса покачала тяжелой головой: йес, ай стенд.

- Так, Алисыч, ты, похоже, всю кондицию свою догнала и перегнала.

Лиза снова затянулась, прищурилась на свет.

- Ну так что, будем счастливыми?

- Буим!

- Сегодня, гляжу, каши с тобой не сварить, а вот завтра, я думаю, можно будет повторить ту вылазку в “Верону”, а? Эти папики периодически о тебе вспоминают, как, говорят, такая красивая синеглазка поживает без нашего участия...

Лиза сморщилась, передразнивая.

Алиса подхватила:

- Как поживает.. как поживает... да никак она не поживает! Превратилась тут в таракана! Вот возьму и уеду к отцу. Буду там радоваться счастью.. внутри себя... и дышать, и ходить... и пить..

- Ну, съездить-то можно.. только что там делать? Ты бы лучше внимание попристальнее обратила на мужчин.

Алиса вздрогнула, потому что никаких мужчин перед ее внутренним взглядом не обнаружилось. Кроме одного, уверенного в себе, спокойного, но.. безразличного к ней.

- Ооо, подруга, вижу, червовый король лежит на душе один...

- Нет!

- Конечно нет, иначе ты бы так не спешила с ответом.

- Ну, колись, где подцепила?

- А там уже и нету!

Алиса фыркнула, и Лиза усмехнулась.

- Ну на нет и суда, как говорится, нет, как хочешь, конечно..

- Ну, до завтра, Алис, созвонимся!

Лиза торопливо собралась и сбежала в подъехавшее такси. Встреча с былой красоткой всего универа ее не впечатлила. Жилье, внешний вид, тусклый взгляд-Лиза была уверена, что девушку бросил парень

в самой плачевной для женщины ситуации, если еще и на наркоте не подсадил.

Вдыхая свежий морозный декабрьский воздух, она поехала в свою красивую квартиру с красивыми платьями и украшениями, заработанную самой востребованной валютой - молодостью, красотой и сговорчивостью.

Алиса спала на кухне, закрыв лицо ладонями. Среди ночи ей стало плохо и тошнило прямо на пол, ее рвало и было холодно, знобило, но она не догадалась закрыть окно. Все, на что ее хватило - улечься на стол, скрежетавший под весом ее тела.

Пробуждение вышло ужасающим.

Алиса не могла разлепить глаза и понять, что происходит, откуда в доме столько света, куда подевалась Лиза и откуда взялась в комнате мать.

А Маргарита не знала, куда бежать от стыда и испуга. Она то хваталась за какие-то тряпки, то бросалась будить дочь с истерическими упреками, то порывалась открыть окно, которое тут же закрывала.

Алиса, подняв, наконец, голову, встретила с непроницаемым взглядом Олега Борисовича. Он только покачал головой, отодвинул Маргариту в сторону, и помог подняться Алисе со стола.

- Мама, мне так жаль..

- Алиса, дочка!

Маргарита плакала и цеплялась за столешницу, не решаясь приблизиться к девушке.

Алиса утерла рукой рот и вдруг хрипло спросила:

- Что, тоже не нравлюсь?

Маргарита не удержалась и влепила пощечину, от которой еще больше расплакалась.

Олег хмуро взглянул на обеих женщин, и повел Алису в ванную комнату, ни слова не говоря.

- Алиса, даю тебе двадцать минут. Приводишь себя в порядок и мы

уезжаем.

Той хватило моральных сил только на то, чтобы согласно кивнуть сквозь слезы стыда.

Олег, проводив Алису в ванную, вывел Маргариту из грязной кухни, усадил на край разваливающейся кровати и позвонил в клининговую службу.

Маргарита ревела и не могла поднять глаз. Ей было стыдно за дочь перед Олегом, но еще больше-перед дочерью за себя. Только сейчас она подумала о том, что фактически бросила дочь в угоду собственным интересам, чтобы защитить и помочь своему мужчине. Несмотря на то, что Алиса была уже фигуристкой взрослой девушкой, Маргарита уважала эту ее внезапную взрослость, но все равно она оставалась ее ребенком, нуждающимся в опеке.

Олег успокаивающе обнял женщину и они вместе дождались, когда Алиса выйдет в коридор с сумками.

- Поехали.

- А как же двери? Их надо закрыть..

- Алиса, я вызвал девочек из клининга, они все здесь уберут, а дверь закрывать не будем. Брать здесь уже нечего.

Олег хотел сказать еще что-то крепче, но сдержался. Он испугался немного, увидев на столе два стакана, заподозрив неладное, но потом тревога его отпустила: ободком на одной из кружек блестела красная помада.

Настораживала только батарея бутылок и бутылочек, которые, видимо, Алиса уже не считала нужным выбрасывать.

Он покачал головой, пока водитель вез их к коттеджу.

Оказавшись в доме, Олега снова ждало разочарование: ремонт, практически законченный, был остановлен. Кругом лежали строительные материалы.

Он прошелся по комнатам и зашел в комнату Антона, что была на первом этаже.

Алиса тенью последовала за ним.

Олег удивленно рассматривал тренажеры разного предназначения, повсюду установленные в комнате.

- Олег Борисович, мне нужно вам кое-что сказать..

Алиса несмело дотронулась до его плеча и Олег испуганно вздрогнул.

- Похоже, мы многое не знаем про собственных детей?

Он удивленно посмотрел на сжавшуюся Алису.

- Да, это серьезный разговор. Присядьте.

Дождавшись, когда в комнате окажется и Маргарита, девушка начала рассказ, особенный упор сделав на то, что сейчас Антон очень даже дееспособен.

Олег потер ладонями лицо.

- Почему вы молчали?

- Олег Борисович, поймите, мы боролись за Антона здесь, и аза вас боролись там. Вы все равно не смогли бы вернуться, и ваше здоровье... Антон поддержал мое решение не говорить вам ничего, и здесь его лечили по самым лучшим методикам и организован самый лучший уход. Вернее, он и сейчас организован..

Олег смерил девушку взглядом и поднялся со стула.

- Пора поговорить и со вторым участником этого заговора...

- Олег, мне поехать с тобой? - наконец подала голос Маргарита.

- Нет, я привезу его сюда. Нам всем нужно поговорить.

Алиса опустила глаза в пол.

- Всем,- отрезал пути к отступлению отец несостоявшегося семейства и уверенным шагом направился к двери.

Алиса подняла глаза на мать. Маргарита вздохнула и снова заплакала.

- Прости меня, дочь, пожалуйста, прости.

Алиса обняла женщину и тоже заревела.

- Тебе столько пришлось пережить одной, прости меня, дочка.

- Прости и меня, мама.

Обнявшись, отпуская на волю все негативные эмоции, слезами они

смывали с себя все, что копилось все эти месяцы. Каждая изменилась, каждая с лихвой приняла страданий, но внутри осталось главное - любовь. Материнская и дочерняя открылись в этом плаче друг другу, и обе они почувствовали, что недосказанностей между ними нет и не будет. Или почти нет и не будет. И счастье зреет в каждой из них, потому что счастье не в деньгах или любви, а в том, чтобы просто быть, дышать и существовать на этой планете.

Глава 19

Антон только что закончил телефонный разговор и с удовольствием откинулся на спинку кресла, расслабив галстук.

Только худоба и недобрый блеск черных глаз напоминали того парня, что въехал на инвалидной коляске в офис. Теперь никто не косился на средство передвижения, а увидев в конце коридора жесткого управленца, спешили ретироваться и не попадать ему глаза. Всю злость, энергию, ожидание он выплеснул в работу, которую в общем-то еще только осваивал, и работал сам без перерывов, заставляя крутиться всей империи в его выматывающем режиме.

Антон был доволен и подумал, что сейчас можно позвонить отцу, рассказать, что только что решил один щекотливый вопрос. Набрав номер, приготовился ждать.

Вдруг дверь кабинета отворилась и на пороге оказался тот, кого он меньше всего ждал увидеть здесь - отец, слушая мелодию звонка от сына, уверенно вошел в помещение. Антон не нашелся в своих первоначальных реакциях. Радость, смущение, небольшой страх и удивление - все проскочило в его взгляде за считанные секунды.

- Отец!

- Сын!

Олег нагнулся и приобнял Антона, чтобы потом отстраниться и посмотреть на него задумчивым взглядом. Оценка прошла быстро, Олег улыбнулся, от чего возле глаз собрались морщинки.

- Я приехал за тобой. Нам всем нужно очень серьезно поговорить, что делать дальше.

- Так.

- Но сначала мне нужно, чтобы ты ввел меня в курс дел здесь, одного телефонного участия, виртуального, не достаточно, чтобы верно

оценить все. Надеюсь, мне не нужно будет краснеть за твои решения, сын?

Антон нахмурился, а Олег рассмеялся. Время, проведенное в ожидании и больницах, научило его на многое смотреть по-другому, в том числе и на управление империей. Олег видел, что Антон обладает большим потенциалом, но ему как новичку, все равно нужна помощь и верная направляющая рука.

Разговор продлился до вечера. Они собрали сразу несколько совещаний с отчетами о проделанной работе, насколько это было возможно устроить за несколько часов, разобрали планы от руководителей отделов, детально разложили предложения Антона, которые он внес во время своей работы в качестве исполняющего обязанности.

Отдельно Олег имел очень долгий разговор с помощником, Германом, который, похоже, больше других удивился приезду своего шефа так скоро. Претензия олега была в том, что сатанеев утаил информацию о состоянии здоровья сына. Настроенный лишить мужчину места службы, в конце беседы Олег сменил свое мнение, согласившись в первую очередь с доводами Антона, пришедшего на помощь. Даже зная о том, что Антон болен и стоически переносит процесс операций и реабилитации, Олег все равно ничем бы не смог ему помочь, только в финансовом плане, а он сам открыл счета в фактическое пользование на любые нужды. Сатанеев мог легко отчитаться за каждую копейку, что и начал демонстрировать, все же опыт работы с властным и немного авторитарным руководителем сказывался, и Олег дал шанс, решив, что и таким образом проявляется преданность.

Дома мужчин ждал накрытый в гостиной стол, Маргарита решила отметить возвращение домой домашней кухней, и Алисе пришлось помогать хозяйничать.

Олег преувеличено бодро отреагировал на семейный ужин, вручил дамам по букету, и Алиса, чтобы не встречаться взглядом с Антоном, побежала искать вазы.

Олег установил коляску Антона у двери, чтобы ему было удобнее сидеть за столом, галантно отодвинул стул для Маргариты, и отправился на поиски несостоявшейся падчерицы. Алису он нашел в

кухне. Она давно определила место для подаренных цветов и сейчас явно предавалась переживаниям: плескала холодными каплями воды себе в лицо и учащенно вздыхала.

Олег, ни слова не говоря, повернул девушку к себе и вытер уголком кухонного полотенца ее лицо, потом посмотрел в грустные глаза и обнял, словно укутав в аромат парфюма.

- Алиса, девочка, мне трудно даются такие слова, но я хочу поблагодарить тебя. То, что ты сделала для моего сына-это даже больше, чем я мог сделать для него сам. Могу себе представить, как он вел себя все это время, и могу представить, как тебе досталось от него. Да что говорить-как тебе досталось от всей нашей семьи. Не могу себе представить, что смогу тебя как-то отблагодарить, как загладить то, что тебе пришлось пережить. И поэтому я прошу прощения у тебя за все слова и выходки Антона, какими бы они ни были, что бы он ни говорит тебе. Показать слабость рядом с женщиной-это то, чего мужчина иногда просто не может себе простить. И это заставляет его творить безрассудные вещи. Пойми его, прости нас.

Алиса шмыгнула носом и Олег забеспокоился. Вокруг него никогда не было таких эмоциональных моментов, связанных с молодыми девушками, только когда он расставался с очередной любовницей.

И сейчас он напрягся, предчувствуя лавину слез, что могла похоронить под собой его жесткий настрой навести порядок в семье.

- Девочка, приведи себя в порядок, нас ждут мама и Антон, пойдем к ним, я никогда не дам тебя в обиду никому, и если будет надо - собственноручно накажу.

Алиса улыбнулась сквозь слезы.

Она обняла Олега в ответ, отстранилась, несмело улыбнулась и вытерла слезы.

- Вот молодец! Теперь я верю, что эта девятнадцатилетняя девчонка справилась с моим неуправляемо настроенным сыном!

Он под руку ввел ее в столовую, где в уютной полутьме беседовали Маргарита и Антон.

Алиса, вдохнув поглубже, снова спрятала от Антона взгляд. А он, как специально, смотрел только на нее, посылая непонятные импульсы по коже.

В сумерках, разгоняемых светом свечей, он напоминал охотящегося кота, масляным взглядом готовя ловушку маленькой мышке. А мышка обливалась потом под узким нарядным платьем и считала минуты, ожидая окончания ужина.

Антон не мог отвести глаз. Теперь, когда он снова вдохнул свободы, почувствовал себя живым, полноценным человеком, жажда, что просыпалась рядом с девушкой, снова давала о себе знать. И скрыть ее он уже не мог.

Олег разлил в фужеры вино, решив, наконец, что со светской беседой на сегодня закончено.

- Этот отпуск получился совсем не таким, каким должен был быть. Я хотел вернуться из путешествия с Маргаритой прямо к свадьбе, но, как говорят, человек предполагает, а бог располагает, - он обвел взглядом свою небольшую семью. - У меня не получилось предусмотреть, что может получиться: что будет покушение на меня и моего сына, из-за чего пострадают женщины. Сейчас исполнители найдены, все обвинения с нас сняты, но заказчик, заказчики еще не пойманы, теорий много, и все они разрабатываются спецслужбами. Кто бы это ни был, этот человек понесет наказание, однозначно. Я не знаю, кто пострадал больше: я, Антон, или Маргарита с Алисой. Я сейчас хочу искренне поблагодарить вас за вашу самоотверженность, вашу доброту, альтруизм. Благодаря Маргарите я остался в живых, она подняла меня на ноги. При этом она сама натерпелась страха, оказавшись под прицелом. Я никогда не был настолько удивлен стойкостью женщины, как в тот день. Она своими действиями доказала, что более достойной, умной и храброй женщины на свете просто не существует. Любая другая ударилась бы в истерику, а потом сбежала. Маргарита не из таких.

Олег поднял фужер, отпил, смочив горло и поцеловал задумавшуюся женщину в щечку.

- И Алиса, то что сделала ты, не удалось бы никакому взрослому мужчине. В непонятной ситуации, до конца не владея информацией, но понимая, что человеку рядом грозит опасность, она приняла единственно правильное решение. И спрятала Антона, обеспечив при этом условия не только для жизни, но и для лечения. Алиса, я удивлен тому, насколько тебе удалось влюбить в себя окружение, моих, между прочим, работников, что никто не выдал тайны о состоянии Антона. Это качество умного, взрослого человека,

который готов сворачивать горы и менять направления рек. Я горд, что тыходишь в мою семью.

Он чокнулся с ней фужерами и положил прямо перед Алисой изящную коробочку. Она подняла на него удивленный взгляд, а Олег улыбнулся, подначивая.

Алиса откинула крышку и в свете свечей заблестел гарнитур из бриллиантов.

- У такого самородка просто должна быть соответствующая огранка,- тепло сказал Олег. Алиса, не удержавшись, метнула взгляд в Антона, а он весь подобрался и смотрел на ее реакцию.

- Спасибо, но не стоило..

- Нет, нет, это подарок, девушки должны принимать такие подарки с удовольствием, а не бояться взять в руки украшение!

- Но это, наверное, слишком дорого.. я не могу!

Антон удовлетворенно откинулся на спинку коляски.

- Алиса, девочка, не обижай меня отказом. Выбирая сегодня эти украшения, я думал о том, что мне никогда не загладить свою вину перед тобой, помочь забыть то, через что тебе пришлось пройти-в этом сейчас состоит моя задача.

- Антон, сын! Наверное, все же я не очень хороший отец. И был прежде, и сейчас. Валяясь на больничной койке, я вспоминал все праздники и редкие события, где мы были вдвоем с тобой. За всю жизнь их накопилось не так много, но все, что было, - отпечатано в моем сердце, выжжено навеки. Я хочу, чтобы ты был счастлив, в чем бы это счастье не заключалось. Я поддерживаю любое твоё желание, любое начинание. Сегодня я говорил с твоим врачом, и он заверил, что операция пройдет успешно. Мы с ним связались с израильской клиникой, от которой ко мне приезжала бригада. Сустав должны привезти в самом скором времени, тем более, что к операции все готово. Я рад тому, что ты выходишь из этой жизненной ситуации победителем, а не побежденным. Ты не просто сын своего отца. Ты превзошел своего отца!

Олег чокнулся и с ним, легонько коснувшись ладонью плеча.

Маргарита украдкой вытирала слезы, Алиса смотрела на Антона, пойманная в силки его гипнотизирующего взгляда. Она не улыбалась, а только смотрела и будто пыталась проникнуть в него, понять, от

чего он так взбудоражен, что за волны от него исходят, неужели снова эта нездоровая злость? Губы его приоткрылись в ухмылке, когда он понял, что она не может отвести от него глаз и пламя свечей отплясывало румбу в бездонной черноте его глаз.

Олег с Маргаритой тихонько о чем-то беседовали, Алиса наконец опустила глаза и начала ковырять вилкой в тарелке, и поддавшись странному состоянию гипнотического взгляда Антона все время возвращалась к его глазам.

Наконец Антон решил заговорить и голос его, приглушенный, хриловатый, отозвался звоном во всем теле Алисы.

- Как учеба.. на твоём юридическом? Началась сессия?

- Я взяла академ.

Антон приподнял бровь и в его глазах заплескалась растерянность пополам с болью. Вопрос, что крутился на языке, он не смог задать.

- Чем ты планируешь заняться?

- Скоро Новый год, хочу отметить, а потом посмотрим.

- Действительно, Новый год, я даже не заметил, время так быстро прошло... и будто мимо...

- Мимо..

- Что-то молодёжь у нас какая-то упадническая! - прислушался к тихому разговору Олег. - Что за настроения? Ничего мимо не проходит, все еще только начинается!

Маргарита погладила руку дочери, почувствовав ее смущение.

- Ну, что-то начинается, а что-то закончилось.

Она подняла подбородок выше и прямо посмотрела на Антона.

Он сразу стер с лица свою улыбочку и сглотнул.

- Я так рада, что вы наконец приехали. А что будет со свадьбой?

Будто поставив для себя точку в чем-то, Алиса снова вливалась в застольный разговор.

- Маргарита теперь отказывается играть свадьбу. Или вообще передумала выходить замуж за такую напасть, как я?- Олег игриво скривил брови и рассмеялся.

- К дате свадьбы мы еще вернемся. Потом. Пока, я думаю, не время для больших торжеств. Пусть все встанут на ноги,- после своей последней фразы Маргарита бросила виноватый взгляд на Антона и тут же исправилась. - Сначала надо привести все в порядок, в том числе и себя.

- Это ты, Марго, говоришь верно. Но имей в виду: от обещанного тебе не отказаться и твой отказ в случае чего я не приму!

Олег серьезно посмотрел на женщину и Алисе показалось, что мать поежилась от холода его взгляда. Антон тоже узнал это выражение лица: отец что-то обдумывал, знал, и смотрел на собеседника так холодно для того, чтобы предупредить следующий ход.

- Уже поздно, по-моему, нам пора спать.

Маргарита улыбнулась всем сидящим за столом, попытавшись согреть ободряющей улыбкой.

- Антон, мне помочь тебе?

- Нет, я сам.

Алиса встрепелась:

- Он сам не сможет, ему нужна помощь!

Антон смерил ее знакомым ядовитым взглядом.

- Сам как-нибудь разберусь!

Алиса потупилась, но не стала спорить. Она помогла матери убрать со стола, загрузила посудомоечную машину, чмокнула ту в щеку и направилась в свою комнату. Приняв душ, расчесав волосы, она все же решила спуститься вниз, проверить, как там Антон.

Тихонько, чтобы не разбудить дом, не споткнуться в темноте, она дошла до его двери и приоткрыла ее. Лунный свет лежал на груди мужчины, оставляя лицо в тени, и Алиса засмотрелась на него. Сколько раз она видела его обнаженный торс, ноги, невозможно сосчитать, но сейчас все было совсем по-другому.

Вдруг Антон приподнялся на локтях, всмотрелся в гостью, и молча протянул ей руку. Повинуясь какой-то неуловимой магии ночи, Алиса тихо подошла к нему и вложила свою узенькую ладошку в его руку.

Не отрывая глаз от ее лица, он погладил ладонь и поцеловал тыльную

сторону. Алиса словно очнулась ото сна, и попыталась убрать свою горячую руку из его, чтобы он не почувствовал, как миглом вспотела ладонь, как бешено рванул пульс.

- Ты такая красивая, Алиса...

Хриплый голос не пронзил тишину, он только подчеркнул насыщенность происходящего.

Антон притянул девушку к себе, и легко поцеловал ее в губы. Алиса присела на край кровати, не отрывая губ и сдаваясь на его нежный, мягкий поцелуй. Ее волосы словно занавесой скрыли их от луны, и Антон свободной рукой обхватил ее затылок, приближая к себе.

Он прижался лбом к ее лбу и зашептал:

- Прости меня, прости... я никогда не обижу тебя больше... верь мне..

- Я тебя прощаю, - выдохнула она и отстранилась. Убрала волосы за ухо, мягко отняла свою руку и не оглядываясь, прошла к двери. Мягкий лунный свет скользнул по ее мягким женственным изгибам, не смущаясь тонкой белой пижамки, и Антон не мог оторвать глаз от ее фигуры.

А после, когда дверь мягко захлопнулась, рухнул на подушки, ударив кулаками по кровати вдоль тела. С языка сорвались ругательства, но в этот раз его злость была направлена только на него самого.

Начало декабря выдалось снежным, чего жители города давно не видели-все привыкли, что снег выпадал только к середине или концу месяца.

От этого кругом распространилось ожидание перемен и традиционного новогоднего чуда.

Алиса пила чай на кухне и смотрела в окно, глядя, как Антона перевозят в каталке в дом. Операция не заняла много времени, и отец решил, что долго находиться в больнице в такое время сыну нельзя, потому и перевез его обратно в коттедж.

Теперь все здесь было готово к человеку, который после коляски встанет на костыли, а в будущем избавится и от них. Олег нанял стройбригаду, и те в мгновение ока закончили с внутренней отделкой дома.

Маргарита, после долгого отсутствия не решилась выходить на работу, к вящей радости Олега, а следила за ходом работ. Чтобы добавить уюта дизайнерским решениям, она принялась покупать домашнюю утварь, расставлять по дому цветы и украшать новогодними игрушками весь дом.

В день операции Антона Маргарита предложила Алисе съездить в церковь, и те поставили в храме свечи за его здравие. Прочитав одними губами молитву, Маргарита поставила свечу среди десятков других, а Алиса просто смотрела на иконы, стоя позади матери. Приняв свечу и от нее, не зная ни одной молитвы, она подняла глаза к расписному потолку и просто попросила здоровья человеку, который заслуживал жить полной жизнью. Поставив свечу, она долго смотрела, как полыхает маленькое пламя на ветру и все боялась, что от ветра она потухнет, и это будет что-то означать. Но, увидев, что свеча горит также ярко, как остальные, перекрестилась, поправила шелковый платок, норовивший сползти с волос, и пошла в машину, где их с Маргаритой уже ждал водитель.

Сейчас на всех членов семьи были выделены люди, чтобы не только обеспечивать комфорт, например, в качестве водителей, но и охранять - Олег ждал следующего шага.

Маргарита теперь ничего не имела против охраны, она всегда приветливо со всеми общалась и ей теперь в голову не приходило отказаться от компании мужчины с оружием. На удивленные взгляды Алисы она только мягко улыбалась и гладила ее по голове, как маленькую. И Алиса же не смирилась с тем, что теперь в одночасье она лишилась личного пространства.

Поставив чашку на стол, она уткнулась в телефон. Сейчас у Антона слишком много людей-мать, сиделка, охрана. Сиделку, к слову, решено было поселить в доме на какое-то время, пока Антон не будет выезжать в офис с отцом, а будет проходить восстановительные процедуры. И если прежде их было, оказывается не так много, теперь его расписание было довольно жёстким. И на нем, кстати, настаивал сам больной.

Алиса не хотела идти к нему в комнату. После того вечера она словно простилась с ним для себя, решив, что теперь они точно чужие друг другу люди. В ее помощи он не нуждается, да и слишком много

вранья между ними было, чтобы вот так просто спустить все на тормозах.

Чтобы оставаться в рамках вежливости и не оставаться с ним потом наедине, она все же решилась приветствовать его в доме после больницы.

Поправив волосы, домашнюю футболку, зашла в комнату, где уже сидели сиделка и мать.

Антон снова вцепился в нее глазами и не отпускал, куда бы она не передвигалась. Алиса с хорошо заученной улыбкой приветствовала, интересовалась самочувствием, а увидев, что мать собирается покинуть комнату, что бы дать возможность им поговорить, тут же сбежала, сославшись на то, что где-то в недрах дома звонит ее телефон.

Антон закатил глаза и едва не зарычал. Сиделка успокаивающе погладила его по руке.

- “Обо мне никто не позаботится” говорите?- напомнил он ее стихотворение.

- Нет, сейчас только позитивные мысли! Завтра запланирована прогулка вокруг дома, потому сейчас-только покой и сон, много сна!

Она поставила ему систему и села в кресло напротив, налив себе еще чашку чая.

- Отдыхайте, Антон. Вам нужно восстановиться, и подумать.

Он вопросительно изогнул бровь.

- Что вы хотите этим сказать?

- Ничего такого. Вы слишком сконцентрированы. А вам всего-то нужно расслабиться и подумать, чего же вы в конце-концов хотите. И только тогда приступать к реализации своих планов.

Антон задумался над ее словами и не заметил сам, как провалился в сон, в котором девушка из лунного света улыбалась ему, гладила по лицу своими горячими ладошками и радостно смеялась, когда он подхватывал ее на руки и крутил, заглядывая в плещущие весельем синие глаза.

Олег смотрел из окна своего кабинета на парковку возле офиса. Только здесь снег был черным и мокрым, вокруг царила зимняя сказка – белоснежные шапки сугробов сверкали на солнце, редко появлявшемся в это время дня из-за налитых свинцом облаков.

Каким непростым выдался этот год. Он погрузился в воспоминания. Первая встреча с Маргаритой была странной и скомканной, но так всегда бывает, он заметил, когда встречаешься с людьми, которые так или иначе повлияют на твою судьбу. Они выходили из небольшого семейного ресторана с несостоявшимся партнером. Мужчина приехал издалека, сделку обсуждали долго, и даже за ужином, на который Олег пошел, чтобы уважить приезжего, говорили о делах. В темноте зала Дроздову показалось, что лицо его собеседника наливается багрянцем, а губы приобретают синеватый оттенок, но списал все на странное освещение, которое вечером могло ввести в заблуждение. Потом Олег понял, что это само провидение подсказывало ему обратить внимание на партнера, с которым пришлось коротать вечер.

Они расплатились, вышли на улицу. Вдруг мужчина начал задыхаться, и без того его бордовое лицо налилось прямо-таки свекольным соком. Олег, не зная, что происходит, подхватил того под руки и начал звать на помощь. Как назло, автомобили были припаркованы далеко, машина с водителем вообще находилась на той стороне улицы, и водитель просто не видел, что его начальник вышел из машины. Охрану Олег отпустил, чтобы не нервировать приглашенного человека, а прохожие на улице, со стороны которой находился выход «для своих» из ресторана, были редкостью.

Олег начал тащить мужчину обратно ко входу, но нужно было подняться по ступенькам, а грузный мужчина, захлебываясь, кашляя, хватая руками горло, совершенно не помогал собственному спасению.

Вдруг невысокая женщина подбежала и оттолкнула Олега. Она подошла к задыхавшемуся мужчине сзади, ладонью нанесла 3-4 отрывистых удара по позвоночнику на уровне верхнего края лопаток, заглянула в лицо пациента, а потом уверенно подошла к пострадавшему сзади, обхватила его обеими руками, поместила кулак одной руки на живот под ребрами, прикрыв кулак ладонью второй руки. Потом резко прижала пострадавшего к себе несколько раз, производя отрывистые толчки в направлении спереди назад и снизу вверх. Откинувшись назад, залезла пальцами к нему в рот и вытащила

небольшой кусок хлеба, которым и подавился, оказывается, мужчина.

- Повезло, что сразу выпало в ротовую полость, - улыбнулась она замершему Олегу. – Сходите за водичкой, пожалуйста.

Пока мужчина откашлялся, Олег метеором сбежал в бар и вместе с ним на крыльцо ресторана высыпала добрая часть персонала и даже посетители, - всех заинтересовало, с чего это Дроздов носится как угорелый по ресторану, самолично бежит за водой в бар и так же стремительно несется обратно. Может быть, там на улице пожар? А оценив обстановку, мужчину, прокашливающегося, медленно пьющего принесенную Олегом воду, приобретающего свой натуральный цвет кожи, и маленькую женщину рядом, что успокаивающе гладила его по руке, все разразились аплодисментами.

Олег проводил мужчину до машины, убедился, что с ним все в порядке и едва ли не слезно просил довести спасительницу до дома. В мягком разговоре и выяснил, что та трудилась на скорой помощи медсестрой, а такие ситуации, как закупорка дыхательных путей для таких, как она – дело понятное. Он выяснил адрес и следующие дни уже практически преследовал со своей благодарностью, которую Маргарита совершенно не принимала и удивлялась, что же такого она сделала в тот вечер, считая это очередной работой, простым выездом к пациенту, который случился нечаянно по дороге домой. Не понимая, что этим только еще больше разжигает охотничий интерес мужчины, она совершенно не флиртвала, когда старалась держаться подальше, недоумевала, что такого нужно холеному красивому мужику от простой, обычной женщины, пока сама не увлеклась и не сдалась на милость победителя.

Из воспоминаний его вырвал звонок селектора.

- Олег Борисович, к вам посетитель.

Олег уже давно ждал ее. Климов, старинный партнер, позвонил и, пообщавшись на разные темы с Дроздовым, рассказал тому, что Ольга блуждает среди старых знакомых города со страной целью объединения старых партнеров. Олег понял все и пригласил бывшую жену для разговора.

Она как всегда, женственная и безумно привлекательная, уселась в кресле, удобно расположившись и готовая внимать его словам.

- Олег! Вот уж не думала, что ты переметнешься от матери к дочери!
Голос Ольги язвителен и бьет словно электрический ток.

- Что за выводы? Откуда?

- Ну как же... дорогие подарки, имущество, что ты оформляешь на несостоявшуюся падчерицу. Потянуло на молоденьких?

Он вглядывается в ее лицо, глаза, и словно пытается что-то увидеть, то, чего давно уже нет и быть не может.

- Не придумывай, Оль. Какие молоденькие? Уже не тот возраст.

- Да конечно, не тот. С ними как-то интереснее, веселее, кровь по венам быстрее течет, а, Дроздов?

- Удивляюсь тебе. Мы столько не виделись, сын твой столько операций перенес, чуть инвалидом не остался, а сейчас уже с костылями уверенно передвигается. При этом ходит на работу без всяких поблажек. А ты.. пришла меня обвинять в несуществующей симпатии... смешно это, Оль, и грустно.

- Вас видели в “Вероне”? Ты ей дарил украшения!

- Ооо и это донесли!

- А ты думал?

- А что ты так печешься обо мне, Оль? Давно не было приступов необоснованной ревности!

- Я не ревную!

- А я, в таком случае, балерина из Большого! Боишься остаться ни с чем? Так это правда, я собираюсь прекратить бесконечный поток добровольных алиментов. Да и с чего мне спонсировать тебя? Ребенок наш сам уже может детей строгать направо-налево, уверен, эта функция у него осталась работоспособной, видя его ... кхм.. реакции.. А свою судьбу я уже устроил. Осталось только юридически оформить, я точно знаю теперь, что нашел женщину, которой нужен весь без остатка и без несуществующих сторон характера. Она мое сердце спасла, понимаешь? Хотя куда тебе разбираться в таких материях! В общем, так. Через неделю-заседание совета по вопросу исключения тебя из списка акционеров. Это рядовое собрание, твое присутствие не обязательно, главное-мое. В уставе есть пункт об исключении из совета акционера с меньшим количеством акций при

сто процентном согласии учредителей. Пришло время собирать камни, Оль. Пришло время расставить все по местам.

Ольга задыхаясь от ярости, вцепилась побелевшими руками в подлокотник от кресла.

- Жмот!

- Дурак я, Оль, дурак. Столько времени надеялся на тебя. Антоха тебя до сих пор понять не может, а он такой настоящий, понимаешь, настоящий живой человек под этой личиной технократа и яппи. А ты пропустила все. Жизнь свою пропустила. Но теперь это не моя забота, не мои дела. У меня семья. Поняла? Семью я строю свою. Восстанавливаю по кирпичику. И призракам прошлого в ней нет места. Давай закончим все дела перед Новым годом, закроем этот тяжелый год правильно. Без долгов. Приходи через неделю на совет, подпишешь все стальные бумаги - отказы. Если не придешь-оформим почтой, но я все равно закончу с этим до боя курантов. Прощай, Оля, прощай.

Он покачал головой, поднял вверх руку останавливая поток ее ругательств, крутившихся на языке и указал на дверь. В это же время дверь отворилась, и в кабинет заглянул Герман, как всегда, тактичный, и незаметный. Увидев, что босс занят, он посторонился и замер, глядя, как Ольга с достоинством поднимается с кресла, оправляет длинную юбку, и подняв подбородок удаляется.

Олег развернулся к окну, засунул руки в карманы, приподняв пиджак и снова ушел в воспоминания. Любовь уходит по-разному. Бывает, проснешься и чувствуешь приятную пустоту внутри, избавившись от чувства, будто ничего и не было. А приходится вытравливать ее годами, капля за каплей, с откатами назад, алкогольной дымкой, снами наяву и ощущением ее присутствия ранним утром на перепутье сна и яви. Олег заплатил большую цену за свою любовь и привязанность, ошибки молодости и долгое неприятие факта ненужности. Но теперь он знал, что все не напрасно, все случается в тот самый час. В нужный час он встретил нужную женщину и в нужный час она спасла, действительно спасла его сердце. Он улыбнулся: как причудливо переплетается игра слов, фигура речи точнее всего передает его состояние души и чувств.

Олег отвернулся от окна, включил телефоны и нажал на селектор, попросив принести секретаря ему в кабинет чашку зеленого чая, на

котором всегда настаивала Маргарита, заставляя его отказаться от привычки пить круто заваренный кофе.

Ольга металась по квартире. Она сыпала проклятиями на голову бывшего мужа, его женщин, в которых, она считала, он не может разобраться: сначала собирался жениться на одной, а встречался с другой, гуляя с ней по закрытым выставкам и ресторанам, прилюдно одаривая дорогими подарками.

Не предполагая, что это может быть обычное участие взрослого человека, заинтересованного в том, чтобы другой наконец вылез из панциря навстречу жизни, она подозревала его в треугольнике отношений.

Понимая, что теперь ее безбедная жизнь окончена, она не знала, куда деть свою ярость. Рыбка уплывала из сетей, порванных ею самой своим эгоизмом и уверенностью в собственной непогрешимости.

Больше тянуть было нельзя. Хватит.

Она схватила телефон со стола и набрала номер, над которым застывала много раз, не решаясь. Отчаянные времена требовали отчаянных мер и Ольга была к ним готова.

Жизнь потекла своим чередом. Олег, чувствуя свою вину перед Алисой, посоветовавшись с Маргаритой, старался ее взбодрить. Она стала слишком спокойной, но грустной версией самой себя, и Маргарита не могла придумать, как излечить дочь. Шопинг и подарки не вызывали в ней чувства прежнего восторга, а только, казалось, заставляли больше хмуриться.

И тогда Олег начал водить Маргариту с Алисой, а иногда и только Алису по выставкам, галереям, в театры и Органный зал, чтобы та чувствовала себя лучше.

В какой-то момент он передал эту функцию Антону, и тот, уже вставший на костыли, сопровождал дам в их выходах за впечатлениями. Каждый вечер Алиса придумывала отговорки, чтобы не выходить из дома, и каждый вечер ее отговорки разбивались в прах. Однажды она решила соврать, что Лиза пригласила ее в

ресторан, но Антон сразу припомнил спутников той девушки, и Алисе ничего не оставалось, как согласиться пойти с ним. Правда, в этот раз Антон предложил сходить в дельфинарий, и Алиса совершенно не пожалела о принятом решении. Они смотрели представление с дельфинами и морскими котиками, сидя в первом ряду, и брызги из бассейна иногда достигали их лиц. Алиса по-детски восторженно смеялась, а Антон не мог отвести от нее глаз и только приобнимал за талию, млея от запаха и искренних эмоций девушки.

А потом он предложил ей поплавать с дельфинами, и она, хлопая в ладоши, словно ребенок, согласилась.

Облачившись в гидрокостюм, она побежала к бортику бассейна, и немного поскользнулась. Антон, натянутый как струна, чуть не сорвался на помощь, но помощь пришла откуда не ждали - тут же подскочил статный дрессировщик и приобнял девушку за тонкую талию.

Антон почувствовал, что все демоны, что задремали в его естестве, поднялись из глубин и рванули вперед, чтобы отобрать свою добычу, забрать, присвоить и поставить клеймо, чтобы никто не смел касаться тонких изгибов, чувствовать тонкий аромат и попадать под флер ее спокойного очарования.

Из бассейна она выбиралась уже сама, и ждал ее Антон с большим полотенцем, отобранным у служителя дельфинария.

Такая яркая девушка, как Алиса, не могла оставаться незамеченной, и каждая их прогулка становилась для молодого человека испытанием на прочность.

Ему хотелось выбросить эти мешающие жизни костыли и схватить ее, прижать к себе и охватить всю поцелуями, но Алиса мягко одергивала его руку помощи, старалась иногда держаться подальше и совсем не стремилась приблизиться к нему по своей воле.

В темноте зала при прослушивании очередного концерта он позволял себе немислимое - поднести ее тонкие нежные пальчики к губам, прижаться к ним в трепетном поцелуе, но Алиса мягко высвобождала руку, кивая на хитро косящую взглядом мать.

От одного ее движения в гардеробе, случайно прижавшись к нему, принимая шубку, когда он пытался изобразить джентльмена, одевая двумя руками, занятыми костылями, двух дам, его окатило горячей волной. В паху все налилось мужской силой, и Антон не знал,

радоваться этому обстоятельству или плакать от того, насколько долгожданная физиологическая реакция проснулась в нем так не вовремя.

После истории с попыткой побега к подружке Лизе он стащил ее телефон и поставил программу слежения. При этом дав себе зарок, конечно, без надобности не залезать в настолько интимное пространство. Алиса строила между ними барьеры, старательно воздвигала их на обломках гордости и обмана, но Антон разрушал их каждый день, каждый час, стараясь пролезть под кожу.

Не стесняясь уже родителей, он нес ей цветы, присылал приятные сообщения, каждый день безрезультатно звал на обед, и каждый вечер терпеливо выслушивал “я не могу”, а потом все равно помогал надеть шубку и вел в какое-нибудь место “развеемся”. Маргарита теперь ходила с ними только тогда, когда Алиса особенно рьяно пыталась улизнуть, но от двух уверенных переговорщиков не уйти, и она снова попадала в их заботливо расставленные силки.

Олег только подтрунивал над ними, а однажды за ужином спросил со смеющимися глазами, когда Антон планирует съезжать из отчего дома обратно в свою супер квартиру в доме для миллионеров.

Антон насупился и, блеснув глазами, ответил, что пока ему удобно здесь. Но, если его гонят, он всегда может уехать.

Расхохотавшись после его слов, Олег долго рассказывал историю, как Антон на первом курсе сбежал от отца сначала на съёмную квартиру, потом на арендованную отцом, а после - в собственное жилье, обосновывая тем, что “взрослый лоб не может проживать с папочкой”.

Веселье охватило всех, но только не главного героя отцовского рассказа. Антон сначала насупился, а потом смеялся вместе со всеми, рассказывая о забавных ситуациях быта в начале самостоятельной жизни.

- А в университете я одно время жил с Георгием, когда он решил немного шантажировать своего отца, не пускавшего студента в свой бизнес. Готовить мы, конечно же, не умели. Питались мы в столовых, кафе, ну или если кто приготовит, - сказал и сразу затушил брошенный извиняющийся взгляд в сторону Алисы. - Вот и решили мы сварить макароны. Купили, принесли. Тот позвонил кому-то и спросил, нужно ли их мыть. Этот кто-то сообщил, что мыть макароны

не нужно. Поэтому мы и не мыли ничего, ни рис, ни гречку. А от гастрита спас отец - выделил нам повара, она готовила нам два раза в неделю и, тем не менее, мы чувствовали себя жутко самостоятельными.

Следующим вечером Антон не встретил Алису дома. Маргарита показала сообщение от дочери, в котором та сухо сообщала, что она находится у Лизаветы до завтра.

Антон кивнул Маргарите и сразу же включил поисковик на своем телефоне. Маячок мигал по дороге, ведущей из города.

Он прислонился к стене и решил довериться отцу. Но, подходя к его кабинету, остановился. Тот говорил с кем-то на повышенных тонах.

- И вы не причините ей вреда! Если Алиса пострадает... - он угрожающе зарычал и Антон сжал руки в кулаки.

Началось.

- Отец! Что-то случилось?

- Ничего, что касалось бы тебя, сын. Это только мое дело.

- И все же?

- Это работа. Один из поставщиков тянет время, ерунда.

Антон решил не доводить до крика раздраженного отца и вышел из комнаты, вспоминая, где оставлял ключи от машины. Алиса уже давно являлась только его делом.

Глава 21

Скачано с сайта knigomania.org

Все сказанное понятно и просто. Олег должен быть в восемь ноль.ноль в квартире бывшего мужа будущей жены. Один. Адрес забит в навигаторе и машина легко летит по дороге в другой город, до которого, в общем рукой подать – два часа езды со скоростью под 200.

Единственное, что было не понятно – почему во время разговора не говорилось о деньгах. Похититель не озвучил сумму, хотя Олег ожидал, что она должна быть близка к космической.

Дом Олег нашел сразу. Оглядел обычный двор, укрытый старыми пятиэтажками, плохо расчищенную детскую площадку, в снегу которой бултыхались дети с мамами. Такой привет из ссровского прошлого. Только редкие иномарки, которые можно встретить в любом дворе дают понять, что ты не в туннель времени провалился.

Олег припарковался, сверил адрес. Все верно. Он вовремя прибыл к пункту назначения. Зашел в вонючий подъезд, пахнувший кошками, поднялся на нужный этаж. Вот и квартира. Входная дверь приоткрыта.

Он осторожно вошел. Скользнул взглядом по убогой обстановке квартиры. Старые, выцветшие обои. Въевшийся запах сигарет. Покосившиеся старые шкафы. Потертая мебель, которой, впрочем, немного. Все казалось декорацией к какому-то фильму.

Он прошел в зал, к окну, обернулся.

- Ну здравствуй, Олег.

Олег замер. В проеме двери стоял незнакомый огромный мужик с рыбьими глазами и налитым кровью лицом.

- Ты кто такой? – прорычал он.

- Родственник Алискин. Дядька. Это я тебе звонил.

- Что тебе нужно?

- Мне нужны деньги. И власть.

- Конечно. Кому они не нужны.

Мужчина в проеме двери вытащил руку из кармана и Олег увидел там пистолет.

- О чем думаете, Олег Борисович? Считаете, сколько попрошу?

- Нет. Думаю, что один бы ты не додумался похищать Алису ради выкупа. И прятать ее в доме отца. Логичнее было бы похитить Антона. Или Маргариту.

- Да нет же, нет, - похититель улыбнулся. – Не все равно абсолютно. С Антоном вашим много мороки, Маргарита уж чересчур охраняема, а Алиса.. вы слишком многим обязаны девчонке. Да и говорят, что вы питаете к ней некие чувства, отнюдь не отцовские.. Я в это не особенно верю, но судя по тому, что вы все же здесь...Да и я сам, откровенно говоря, тоже, оказывается, питаю к ней очень нежные

чувства..

Мужчина подошел близко к Олегу. И вдруг резко ударил того кулаком в живот, а потом ладонью – по уху, от чего то сразу зазвенело. Не дожидаясь того, как Олег встанет, ударил того по челюсти, и из носа сразу струйкой потекла кровь. Крепкие руки резко подхватили его запястье и пока Олег, дезориентированный, пытался выпрямиться, оказался опутанным скотчем к горячим батареям.

- Ну что ты делаешь!

Олег обернулся на голос и не поверил глазам.

В комнату вошла Ольга.

Олег еле выпрямился.

- Ольга?

- А ты кто думал? Здесь у нас клуб по интересам, знаешь ли. За любовницей своей приехал?

Она сдавленно захихикала.

- Дура. Как была, так и осталась, - успел прохрипеть Олег, пока не получил новый удар кулаком в живот от «родственника».

Олег провел кончиком языка по зубам. Рот был полон крови, один из резцов шатался.

- Про родственника не понял.. – прохрипел он.

- Да чего там понимать. Я брат ее отца. Павлуша у нас никогда не был красавцем, а вот потомство заделал очень даже привлекательное, фигуристое такое, - мужик изобразил руками в воздухе песочные часы. – А знаешь, один раз вкусишь такой красоты, и все, - пропал. Она снится, тревожит, зовет за собой. Алиска с матерью долго прятались, а потом вдруг – подарок небес! – Звонит мне жена твоя и просит помочь. Ну как не помочь хорошему человеку. Тем более за такое вознаграждение... – он причмокнул задумчиво губами, - и это я не только о деньгах.

- Ольга, что тебе нужно, что за игры..

- Человеку всегда мало того, что у него есть. Так уж он устроен. И ты решил меня лишиться и тех крох, что были. А у меня, знаешь ли, новые отношения, любовник молодой, деньги нужны очень. И я не могу позволить, чтобы они достались какой-то шалашовке, а не мне.

- Алиса не моя любовница.. – простонал он.
- Может быть, Марго твоя тоже не достойна того, чтобы заграбастать наследство, холдинг себе.
- Ты забываешься.. тебя найдут..

Олег понял, что живым отсюда его не отпустят.

- Алиса жива?
- Жива, в соседней комнате лежит, - Ольга переглянулась с мужиком.
– Обещала Игорю: сначала дело, потом-награда.
- Так заказ во Франции – твоя работа?
- Моя. И моего друга.
- Этого жлоба, чтоли? У него мозгов не хватит, - Олег скривился.
- Эй, ты! Следи за языком!
- Да нет же, не этого. Все довольно странно, но интересно получилось. Это работа Климова.
- Климова?

Олег неприятно дернулся, от чего рука обожглась о батарею.

- Да нет же, не твоего Климова. Уже моего. Георгия.
- Да он же пацан еще.. ты что – с пацаном спуталась?
- Как и ты, дорогой, как и ты. То есть мужикам можно путаться с молоденькими, а женщинам – нет?

Олег сплюнул кровью на пол.

- А отец Алисы где?
 - О, он не помешает. Я его на дачу вывез с бухлом. Проспится только к февралю. Не хочу, чтоб мешал, - мужик гаденько захихикал.
- Олег передернулся. Мужик часто глядел в коридор, видимо, не терпелось опробовать свою награду.
- Я не слышу возни, Алиса жива??
 - Мы колем ей снотворное. Так проще и легче, - пояснила Ольга.
 - Ну, чего ты хочешь, озвучь, - Олег думал о том, что нужно тянуть время, но пора было узнать и условия сделки. Бизнесмен внутри не

сдавался.

- А сейчас мы ждем еще одного гостя, - Ольга нахмурилась. – Придется жертвовать всем, Олег. И я готова к таким жертвам. Не думай, я сейчас себя не уговариваю. Но я правда, готова. Я не сошла с ума, я долго над этим размышляла. Но настало время все взять в свои руки. Мне нужна власть и деньги. Безграничные, постоянные, не хочу зависеть от тебя. И от наследников.

Олег побледнел.

- Нет. Ты не сделаешь этого!!

- Не я. Но сделаю это.

Мужик подошел и заклеил скотчем рот Олегу.

В коридоре послышался шум. Все напряглись. Открылась дверь.

- Эй, кто-нибудь есть дома?

Олег выпучил глаза, заметался, замычал.

И услышал только звук упавшего тела и грохот костылей.

В тот же момент мужик ударил Олега по затылку. И в уплывающем сознании Олег увидел Георгия, вошедшего в комнату, поигрывающего маленьким предметом, похожим на мобольник.

- Электрошокер, - удачная вещь.

Парень поцеловал Ольгу и она снова обернулась к Олегу.

- Ох, а папаша-то поплыл..

Антон приходил в себя скачками. Гудела голова, перед глазами плыла мутная пелена, но сразу пропадала, чтобы потом снова появиться. Он никак не мог понять, где находится. И только спустя несколько минут осознал.

Он находился в маленькой комнате, сидел на стуле со связанными за спиной скотчем руками. Руки тянуло, болело плечо, видимо от удара об пол. Он повернул голову и застыл. На небольшой кровати спала Алиса. Кофта сбилась и обнажила тонкую полоску живота, рукава кофты были подвернуты. Кажется, или там виднелись следы уколов.

Антон осмотрелся и прислушался. В другой комнате говорили несколько человек, и он узнал некоторые все голоса, что обсуждали

их дальнейшую жизнь.

Увидев Георгия в коридоре с электрошокером, он сразу все понял: в живых их точно не оставят. Но кого не ожидал услышать, - так это мать. Он даже по голосу ее не узнал. Только после того, как отец обратился к ней по имени. Их сюда сманили как мух на сладкое, и скоро мухоловка захлопнется. И кто останется в живых, зависит, судя по всему, от множества факторов, и Антон понадеялся, что на этот раз звезды встали в небе так, как нужно.

Забавно, но его костыли были прислонены к стене у входа, был в этом какой-то умилительный подтекст. Мол, мы тебя убьем, но как родного, со всеми удобствами.

Он постарался придвинуться стулом ближе к костылям. Эти месяцы в ожидании следующего шага убийцы его подготовили к неожиданностям.

Никто не знал, что один костыль был сделан по спецзаказу. Внутри было тонкое лезвие. Он осторожно нажал носом на подпорку и сбоку вышла заточенная сталь. Антон снова встал и насколько мог, поднял руки к острой бритве. Проведя несколько раз влево-вправо, поцарапавшись, он наконец почувствовал, что скотч поддался.

Руки словно выпрыгнули из плена. Он сразу схватил костыль, который от манипуляций опасно накренился и мог упасть, создав ненужный шум. Не собирая лезвия, отрезал скотч от ног, оглянувшись на спящую Алису и осторожно переступил ногами.

Правую ногу пронзила острая боль.

Антон чуть слышно зашипел, но сейчас ему нужно было действовать. Он схватил второй костыль, как запасное оружие, и сделал два шага в сторону выхода. Прислушался.

- Все будет выглядеть просто, убийство в состоянии аффекта, ревность, - видимо продолжала разговор Ольга. – Ты уколошил Антона, узнав, что он собирается присвоить фирму в обход тебя. Ускорить, так сказать, время. Хоть он и является твоим правопреемником, но сам понимаешь, как получается. Сначала дал поруководить, а потом вернулся и всю власть отобрал. А тут еще Антоша на твою любовницу засмотрелся.

- Вы больные люди, - глухо кашлянул отец после вскрика, будто ему разлепили рот.

- Отчаянье вынуждает действовать быстро, Олег Борисович. Ну, я думаю, сейчас пора уже приступить?

Георгий вышел в коридор и явно направился во вторую комнату, за углом которой спрятался Антон.

- Хрен тебе, - прошипел Антон и врезал старинному приятелю со всей силы, так, что даже заныла тренированная месяцами рука, и тот, не издав ни звука, начал медленно заваливаться назад.

Антон подхватил его и отодвинул из коридора в комнату.

- Эй, сюда, - пискнул он, подражая голосу Георгия.

Неизвестный мужик также спокойно и размашисто вошел в комнату и напоролся на деревянный со сталью костыль. Но то ли силы Антона уже не хватило, чтобы вырубить здоровяка в бессознанию, то ли мужик был посильнее, но мужик не упал, а будто пригнулся от удара, вскинул в молчаливой потасовке пистолет, и тогда Антон снова выпустил из костыля лезвие, со всего размаха воткнув его тому в живот.

Мужик вытаращил глаза и упал на пол, удивленно следя, как по светлому свитеру растекается бурое пятно, а сквозь пальцы просачивается бордовая кровь. Антон не удержался и со всего размаха ударил того тяжелой частью костыля по голове. Не удержав второй, он откинул его далеко в коридор, вытер рот и посмотрел сверху вниз на мужика, нависнув над ним темной фигурой мстителя на одной деревянной ноге.

- Дернешься, мочкану, понял?

В рыбьих глазах мужика что-то блеснуло, губы зашевелились, но не издали ни звука. Он только медленно заваливался на бок и смотрел в одну точку.

Антон с трудом нагнулся за пистолетом и, подняв его, поплелся на одном костыле в комнату.

Картина ясна: отец прикован к батарее, весь в крови. Ольга стоит рядом и что-то ему вещает с высоты своих каблуков.

Увидев Антона, она дернулась и побледнела.

Он взмахнул пистолетом.

- Не ожидал такого приема.

Доковыляв до отца, резанул по скотчу окровавленным лезвием.

- Фенита, *ля комедия, - он повернулся к матери.

Она попыталась отпрыгнуть к двери, но Антон навел на ее конец костыля.

- Дернешься – ударю.

- Антон!

- Что-то поздно о воспитании вспомнила.

- А теперь садись давай. На диван, вперед, - он немного подтолкнул ее.

- Отец, там в коридоре телефон мой лежит, от внезапной встречи с другом выронил, принеси, пожалуйста.

Олег, потирая руки, принес телефон Антону.

Тот включил диктофон.

- А теперь, пожалуйста, помедленнее. С чувством, с толком, с расстановкой.

- Мне нечего тебе сказать! – истерично выкрикнула ставшая вмиг старой женщина.

- А я думаю, что есть.

Антон устало облокотился о костыль. И повел рукой с пистолетом в сторону выхода.

- Иначе отсюда и не выйти.

- Пфф! Да что ты мне сделаешь, щенок! Где Георгий?

Олег, до этого смотревший на нее, вмиг оказался рядом и отвесил пощечину.

- Не могу больше! Какая же ты тварь!

- Его больше нет, ты что думала, оставлю его за своей спиной, чтобы он снова мне в спину нож всадил?

- Да! А ты не тварь? Ты не тварь?

Она зашла в истерику.

- Я хотела вас обоих убрать с дороги! Сначала Олега, потом тебя, потому что вы жалкие, слабые! Не мужчины, а так, одна пародия!

- Франция?

- Да! Да! Это была идея Георгия, но я ее воплотила. Как жаль, что она не удалась! А автокатастрофа была его идеей, и мне так жаль, что она провалилась. И только жалость к этой девчонке моего мальчика удержала его от того, чтобы сразу, как вы только вернулись в Россию, не перебить все ваше семейное гнездышко! А теперь он уже ничего не сможет. Мой мальчик, мой мальчик..

Она застыла и заревела.

- Антон, забираем Алису и едем. Но есть у меня одно дело к ее дядьке..

- Не стоит, отец, не стоит...

Взяв скотч на подоконнике, Олег привязал Ольгу к батарее. Она ничего не предпринимала, только выла и ревела, размазывая тушь по лицу.

Потом он прошел в комнату и связал двух мужчин на полу, предварительно прощупав слабый пульс у незнакомого мужика.

Поискав в карманах Георгия телефон, набрал единую диспетчерскую службу, спокойно назвав адрес и имя.

Подойдя к кровати, на которой спала Алиса, он целомудренно поправил ее задремавшую кофту.

- Вот теперь все, теперь точно все будет в порядке, - сказал он скорее себе, чем ей.

- Так и знал, что этим головотяпам ничего нельзя доверять.

Все трое – Ольга, Олег с Алисой на руках и Антон повернулись на звук.

Герман Сатанеев, помощник Дроздова, как всегда немного похожий на робота, в своем неизменном костюме смотрел пустыми глазами на посетителей квартиры.

- Герман! Подгони машину ближе! – отдал распоряжение Олег.

- Хватит! – вдруг рявкнул тот. – Довольно мною командовать. Я и сам в состоянии раздавать команды.

Он достал глок.

- Герман, это шутка? – Антон в шоке помотал головой.

- Какие шутки! Ты! – он махнул Ольге головой. – Подойди сюда, быстро!

Ольга, размазывая слезы по лицу, подчинилась и встала прямо перед Германом.

Он размернул ее прямо перед собой, словно щит.

- А теперь мы сделаем так. Все будет выглядеть, будто бы Ольга перестреляла свою бывшую семью. Она сядет, конечно сядет, - он погладил ее по волосам, от чего она сжалась, - А управление холдингом я перевожу на себя. Довольно действовать по уставу, совет давно пора уже распустить. Все равно это номинальное собрание акционеров подчинялось только тебе, Дроздов. Все эти годы поднимал Tengelmann Group я, сколько крови положил на алтарь дела, которое ты, как малодушный придурок, решил разбазарить. Зачем оставил в своеите эту Ольгу? Что ты ждал от нее? Что она однажды вернется под твоё крыло? Да она даже сыном родным не интересовалась, не то, что тобой. Гуляла по мужикам себе в Европе. А Антон? Сопляка решил оставить исполняющим обязанности? В благодетеля-отца решил сыграть? Это ерунда все. Не хватит силенок у него тянуть.

- У тебя хватит? – хмыкнул Олег.

- У меня хватит, не волнуйся. Я слишком давно работаю в компании, знаю, как все можно организовать. Да и уехав в предсвадебное путешествие ты открыл мне глаза. Я увидел, что и без тебя могу заправлять всем здесь. А Ольга попала на удочку, вместе со своим сопляком. Все ходила по своим друзьям, канючила, сопли разводила, пока я не натолкнул ее на мысль убрать тебя с дороги и дело с концом.

- Герман, не играй в бога.

- Я играю? – он рассмеялся. – Мне не нужно играть. Я устал от всего этого. Все твои связи были построены моими руками. Все твои встречи были срежиссированы мной, а все твои успехи – мои личные, профессиональные успехи. Ты не добился бы ничего, если бы не я.

- Прекрати пороть чушь!

- Все, хватит. Довольно, ты прав. Дай, Олечка, свои пальчики, - он вложил ей в руку пистолет, держа при этом его уверенно и легко. –

Всего два выстрела, дорогая, отпечатки твои, и на ручках – следы от пороха. Как тебе Олег, быть убитым собственной женой?

- Герман, не делай этого!

- Пффф!

Вдруг раздался выстрел, все пригнулись и вздрогнули, треснуло и развалилось на мелкие куски оконное стекло, а Герман начал медленно оседать.

Ольга завизжала. Она обернулась и увидела мужчину, который вырубил Сатанеева табуретом по голове. Ольга бросилась в коридор, но в тот же момент была схвачена и повернута к стене: в квартиру, наконец, вошли те, кого ждали. Полиция и врачи скорой помощи.

Завершение романа уже в понедельник. Будет клево, если поделитесь мнением в комментариях :)

Начала малюсенький роман “Мой парень - волк”, чтобы отдохнуть :) читайте и подписывайтесь на мой профиль :) Читать:
<https://litnet.com/reader/moi-paren-volk-b85649>

Глава 22

- Алиса, я знаю, что ты думаешь обо мне, и мне никогда не исправить того, что тебе пришлось пережить. И эта глупая затея с твоим перевоспитанием, что закрутилась в начале нашего знакомства, и твое нереальное милосердие по моему спасению.. Ты имеешь право на все, но я хочу сказать тебе: не бросай меня, Алиса! Теперь о тебе есть кому позаботится! Никто, слышишь, никто не обидит тебя, и я тебе точно обещаю, что ты никогда не будешь чувствовать себя одинокой или покинутой. Я дам тебе все, что захочешь, поддержу тебя в любых начинаниях. Ну хочешь, пекарню эту тебе купим?

Антон на грани сильнейшего волнения растрепал волосы пятерней.

Алиса рассмеялась. Он стоял такой трогательный в теплом свитере, джинсах, облокотившись на один костыль. Такой трогательный и такой красивый, родной и привычный, что захватывало дух.

- Да я про пекарню просто так сказала, чтобы эту Косточкину позлить.. Думаю, что хочу заниматься совсем не этим.. И мне нужно

время, чтобы понять, чего я хочу, чего стою...

Сердце подпрыгивало и переворачивалось в его присутствии, а кровь густела и текла раскалённой лавой в руках, что жаждали прикоснуться к нему, огладить лоб, щеки в легкой щетине, пройти по мускулам, спрятанным под одеждой.

Сейчас, за несколько часов до Нового года, она тоже подводила свои итоги. Выдержав после похищения два дня в больнице в родном городе, проходя обследования после того, как ее обкололи снотворным, она попросила Антона забрать ее домой. Эти дни парень находился рядом, хотя Алиса испуганно твердила ему, что после операции нельзя столько сидеть без дела, а нужны упражнения, уколы, лечение, он только соглашался, и все равно не уходил из палаты ни на минуту. До тех пор, пока Олег не выдержал и не прислал за ними машину для перевозки в клинику поближе к себе.

Алиса почти сразу оказалась дома, а вот Антона Воронцов задержал, сообщив, что хотел бы еще понаблюдать строптивного пациента, что бегают сразу после операции воевать костылями.

Антон рычал, ругался, рвался домой, но Воронцов был не преклонен и разрешил выйти из заточения только 31 декабря.

Олег рассказал Алисе и Маргарите очень легкую версию произошедшего в их старой квартире. Несмотря на то, что Герман Сатанеев снял охрану, подтвердив приказ Олега, охранник Антона по собственной инициативе поехал за подопечным, и вмешался в самый ответственный момент. Олег назвал этот акт стокгольмским синдромом – слишком много пришлось выслушать мужчине за время нахождения в одном доме с человеком, который не может справиться нужду или принять душ.

Игорь находился в больнице, но его ждало заключение как участника в нападении. Георгий и Ольга получили срок, но улики на Германа не было. Однако, после того, как Сатанеев вышел из тюрьмы, он сразу пропал. Маргарита заволновалась, ведь помощник знал слишком много секретов Дроздова, и мог совершить еще одну попытку убийства, на что Олег заботливо обнял женщину и обещал, что теперь ему бояться совершенно нечего, и Герман никогда не объявится в их жизни, поскольку это невозможно, и в призраков он не верит. Маргарита только переглянулась с Алисой, но Олег ловко

увел их внимание в другую сторону.

«Милый, я уверена, что мы что-нибудь придумаем и все решим, я не смогу здесь, в этой ужасной тюрьме прожить долго, все же у меня есть влиятельные друзья, и я надеюсь на здравомыслие бывшего мужа. Так или иначе, все, что с ним случилось – совсем не наша вина, это наговор и подставная игра. Мы с тобой невиновны, и рано или поздно об этом станет известно всем.

Сейчас, в сравнительном одиночестве, я думаю о нас. О том, что было, что могло быть. Ты – моя настоящая любовь, я это точно знаю, и это поняла в самую первую нашу встречу. Казалось, что это было так давно, а на самом деле прошло всего ничего – несколько месяцев. Ты – самый настоящий мужчина, Мужчина с большой буквы, а рядом с таким, как ты, могу быть только я. Я обещаю тебе, что позабочусь о тебе, о нас, как только мы окажемся на свободе. Я люблю тебя, так искренне, нежно, я люблю тебя», - эту записку Ольга передала со своим адвокатом Георгию, но тот не стал даже читать, получив в руки конверт, сразу разорвал его, чем вызвал ухмылки сопровождающих арестанта.

Георгий ждал визита отца, но тот будто отрекся от единственного сына. Мать Георгия, при посещениях горько сетовала на твердолобость бывшего мужа, но ничего поделать не могла. Несмотря на то, что Климов вел дела в девяностые, простить сына он не смог. Отделив правду от того, что говорилось защитой, он для себя разделил ответственность между всеми участниками покушений и в очередной раз подивился умению Олега вести переговоры – это же надо, подкупил наемных убийц, перевел в свою пользу попытку собственного заказного убийства, и живым выбрался из океана, хотя мог бы гнить на дне. Климов думал и о его сыне, Антоне, что не боялся брать на себя ответственность, не перекладывал на других работу и брался за совершенно невыполнимые дела. То, что из инвалидного кресла тот взялся за управление огромной империей, заслуживало не простого уважения. А Климов уважал честность и прямоту. То, чего не было в его собственном сыне.

Косточкин Леонид Андреевич, председатель правления, члена наблюдательного совета банка, с которым вел дела Дроздов, читал

отчет из прокуратуры. В списке получивших его был и сам Олег Борисович.

По мере прочтения очки Леонида Андреевича съезжали все ниже по носу, от капелек пота, выступавших в периоды сильного волнения или страха.

Герман Сатанеев был уличен в финансовых махинациях в компании Tengelmann Group, в том числе незаконном присоединении земельных участков.

Косточкин ухмыльнулся. Бывалый финансист, он увидел, что вреда от его банк не понес, все суммы были застрахованы, как и предлагал ему сделать Олег буквально недавно. Что говорит о том, что Дроздов нашел себе козла отпущения буквально за несколько дней. И если обвинить в нападении на человека Сатанеева не получилось, финансовые махинации, в которых было задействовано огромное количество компаний, Олегу удалось легко. Не все смог предусмотреть помощник, не все. Кишка оказалась тонка тягаться с акулой бизнеса. И этого кинутые партнеры компании ему не простили - Герман пропал сразу, будто и не было его совсем.

А последнее, что слышал в своей жизни Игорь, оказавшись в камере после оглашения приговора, долгой дороги до тюрьмы, это «привет от Олега».

Дроздов не оставлял следов, и не оставлял должников безнаказанными. Все должны были ответить за свои действия. Изменить то, что Алиса перенесла, ему было не под силу, но избавить мир от той гадости, что еще ходила по земле и помнила запах ее тела, он мог.

А может быть, последний привет, что получил Игорь, был и не от Олега. Может быть, это был совершенно другой человек, а может быть, он просто подрался с сокамерником, как и было написано в заключении.

Накануне последнего дня года Алиса впервые оказалась в кабинете Олега, он сам попросил ее заехать, чтобы отправиться в больницу за Антоном вместе.

Пока тот разговаривал по телефону, Алиса оглядывалась,

присматривалась к мелочам, что составляли подходящий антураж для миллиардера.

Заметив маленькую рамку для фото на столе, не удержалась и взяла ее в руки. И тут же чуть не выронила ее. На фото был изображен знакомый ей мальчик, поцеловавший ей пальцы в приемной больнице, когда Антон находился в реанимации. Та же лысая голова, те же расчесанные руки в болячках, та же тонкая шейка, трогательно выглядывающая из обычной футболки. Мальчик улыбался криво и будто виновато, не позируя на камеру, и было в нем что-то такое щемяще одинокое, что хотелось обнять, прижать к сердцу и сгладить взгляд выброшенного на мусорку котенка.

- Кто это?- еле дождавшись, когда Олег закончит разговор, спросила она.

- Это Антон.

- Не может быть!

- Может, Алиса, может. Когда Ольга бросила нас, у сына начались проблемы с осознанием себя, а я поздно это увидел, только когда мой ребенок начал покрываться струпьями на фоне поддержания чистоты. Это фото я специально держу рядом, перед глазами, чтобы знать, что никакая работа не стоит невнимательности по отношению к нашим детям. Никто не должен быть брошен.

Алиса вспомнила, о чем просил тот мальчик. “Не бросай меня”. Она тогда очень удивилась, а теперь поняла. Его сердце, в котором жил этот маленький, брошенный живыми родителями, нуждалось в тепле и доверии, ласке и заботе. Точно также, как и ее. И все то, через что им пришлось пройти-вранье и непонимание, угроза жизни и ссоры, не стоили того, чтобы отказываться от самого главного-человека, что будет твоей половиной, человека, о котором ты сможешь позаботиться и кто позаботится о тебе.

Алиса насупилась и задумалась. А захочет ли теперь Антон того, что говорило его сердце тогда, в больнице?

И теперь его слова, на пороге комнаты большого дома, открывали ее сердце ему навстречу. Между ними уже не было никаких тайн и недоговорок и каждый знал, кто чего стоит.

- Я предлагаю тебе отметить Новый год со мной, в квартире, в

“Парусе”. Нет нет, не в этом однокомнатном ужасе, а у меня. У нас в квартире.

- Нет.

- Нет?!

- Нет, Антон. Новый год мы отметим с родителями, а после уедем к тебе в квартиру. Все же это семейный праздник, давай соблюдать традиции.

Антон недоверчиво взглянул на нее, а увидев, что та нисколько не лукавит, сделал два стремительных шага, уронив костыль, обнял ее двумя руками и с жаром прижал к себе. Вдохнул запах волос на макушке, такой родной и притягательно-нежный, и наконец почувствовал себя наполненным. Светом и жизнью. стремлением жить и делиться своей любовью.

Легонько коснувшись губ, пахнущих фруктовым блеском, он поблагодарил ее за понимание и прощение.

- Тогда у тебя мало времени на сборы. Возьми с собой все вещи. Если надо, давай вызовем грузчиков.

- Эй! Я на такое не подписывалась! Я иду туда только на Новый год! И не задержусь надолго. Я же вроде как тут живу, нет?!

- Нет! То есть да. В общем, посмотрим. Но вещей все равно побольше возьми. На всякий случай.

Он подмигнул и поковылял к выходу. Все же еще со второго этажа спускаться.

Алиса хихикнула и действительно пошла собирать сумку с гигиеническими принадлежностями. А потом подумала и начала складывать вещи. Не много. Всего на недельку.

Собирая стол, Маргарита превзошла себя. Учитывая интересы и предпочтения, а теперь еще и наставления врачей для каждого, она накрыла действительно праздничный стол. Настоящая ель блестела серпантинном, подобранными игрушками, ароматические свечи кружили голову, легкая мелодия разбавляла антураж.

- Нам всем не повредит шампанское! - Олег разлил напиток в высокие фужеры, от чего алкоголь зашипел, запенился игриво, будто

подчеркивая праздничность момента, и вручил каждому, словно кубок победителя.

- Не думал, что мой тост повторится спустя всего несколько недель, но я благодарен каждому из вас за поддержку, за любовь. Я надеюсь, что следующий год станет совсем другим. Главное – не брать обиды и всю ту грязь, с которой пришлось столкнуться нам практически вчера. Пусть все это останется позади. Впереди – только новые задачи, новое счастье. За счастье!

Все тихо подняли фужеры, думая каждый о своем. Почему-то сейчас, в этой гостиной, не думалось о будущем, все еще держало напряжение прошедших событий. И все понимали, что еще не скоро отпустят страшные сны, в которые проваливается подсознание, напоминая о том, что пережилось.

В кармане Маргариты пиликнул телефон. Осторожно она достала мобильник и взглянула на сообщение. «Марго, прости меня. С Новым годом вас. Тебя и Алису. Люблю вас. Павел».

Она еле слышно всхлипнула.

Олег поймал ее взгляд своим и не отпускал до тех пор, пока женщина не покачала головой, мол, все в порядке. Олег нахмурился, понимая, что сейчас в душе Маргариты происходят перемены, она разбирается в себе, не ограниченная заботами о ком-то, а впервые, может быть, найдя уединение в себе. Свои чувства не вложишь другому в сердце, и чувствуя, что Маргарита отдаляется, Олег как обычно пытался надавить. Так, как давил на партнеров, бывшую жену, сына, если нужно, окружающих людей. Мастер манипуляций, он понял, что ковать железо нужно пока горячо, пока ростки сомнений разрослись буйным цветом.

Он подошел к ней, приобнял за плечи, стараясь влить свою силу, свою уверенность. Но кажется, сделал этим только хуже – Маргарита осторожно улыбнулась и отстранилась, кивнув на молодежь.

Алиса разулыбалась, Антон подошел к ней ближе, чтобы взять маленькую ладошку в свою ладонь. Кажется, здесь градус был выше, чем это возможно – даже невооруженным взглядом было видно, что воздух вокруг этих двоих искрит и бурлят невысказанные слова, что сейчас – одни на двоих, слова, что и высказывать нет необходимости. Обо всем говорят взгляды, точечные прикосновения, что затрагивают

душу, проникают в сердце, и выжигаются там вечными татуировками. Оба горели, бросая взгляды друг на друга, думая, что сохраняют этим свой собственный секрет. Но скрыть такую силу притяжения, что разрасталась, расцветала долгое время, было невозможно. Спираль была натянута и было件нятно, что скоро она должна согнуться, встрепенуться, щелкнуть по тем, кто находится по разным концам и соединиться с громким звуком. Или разрушить все, что строилось. Все, что создавалось неверными шагами, ошибочными выводами истериками и горячими слезами, высказанными словами боли.

Олег улыбнулся и притянул к себе Маргариту.

- Давайте выпьем, ребята. Поздравимся, наконец!

Куранты на включённом по поводу телевизоре забили отсчет нового года, и под радостные возгласы семья начала обмениваться поздравлениями.

Алиса хлопнула хлопучкой, от чего Антон чуть не упал, а Олег нахмурился, и обещала, что больше так пугать не будет.

Тогда Маргарита достала бенгальские огни и предложила выйти на улицу, чтобы смотреть салют, запускаемый жителями города.

Накинув верхнюю одежду, все поспешили на выход, но возле двери, пропустив отца с будущей мачехой, Антон не удержался и прижал к себе Алису, сразу растворившись в ее податливом тепле.

- Черт, поехали уже ко мне?

- А поехали! - лукаво глянула она и выскользнула на улицу, принимать от матери бенгальские огни, оставив на Антона миссию по отступлению.

Он счастливо рассмеялся и последовал за ней, где сразу получил снежком по черной непокрытой голове.

Олег повернул Маргариту к себе, обнял, отстранился, желая поцеловать, но она едва заметно отстранилась.

Он вопросительно посмотрел на нее. Маргарита тонко растянула губы в непонятной улыбке и опустила глаза.

- Не волнуйся, все в порядке, они тоже заслужили свою долю счастья.

Олег сделал вид, что не понял ее отстраненности.

- Но это как-то неожиданно..

Маргарита, смалодушничав, решила поддержать его в заблуждении.

- Я хорошо знаю своего сына. Ты можешь не волноваться за свою дочь. Если он делает выбор, то не отступает от своего, этим, ты понимаешь, он пошел в отца. Кровь Дроздовых говорит в нас - сражаться за свою женщину, даже если придется сражаться с самой женщиной.

Маргарита только подняла на него свои блестящие плещущими эмоциями глаза.

Олег обнял ее, прижал голову к своему плечу, так, будто она была ребенком, которого нужно утешить, дать выплакаться, послужить небольшой остановкой, стать причиной перезагрузки.

Маргарита тихонько вздохнула, опутанная его сильным и терпким парфюмом, она снова почувствовала, что забывается, что разложенные по полочкам только сегодня утром ее доводы и причины уйти от этого властного, не терпящего отрицания мужчины, смешиваются с желанием быть так явно покоренной, побежденной, даже в ущерб себе.

Олег гладил ее по голове, с удовольствием пропуская шелк волос сквозь пальцы, и старался держать дыхание ровным, направляя свою женщину за собой своей уверенностью.

Он давно сделал выбор. Тогда, среди бескрайней сини воды и палящего солнца, даже не поверил, что можно вот так - ровно и без прикрас увидеть чужую душу. Без этих женских примесей, что легко могут забить эфир - настроения, платьев, улыбок. Маргарита была тогда перед ним абсолютно обнажена. И этой своей волей к жизни, способностью сосредоточиться на том, что действительно важно, любовью к живому, милосердием она вошла в его душу, чтобы остаться там навсегда.

Если до этого Олег восхищался ею, умилялся иногда некоторой наивности и страхам, удивлялся движением ума и женской мудрости, то теперь он не разделял ее с собой.

Он чувствовал ее как себя. Каждый полувздох, пойманный утром,

мог сказать ему о настроении любимой больше, чем она сама бы сказала ему, если бы было желание. Каждый взгляд в пол в ответ на его жаркое молчаливое признание жгло его и опаляло, и он оттягивал момент ее признания, понимая, что теперь-то он точно не сможет без нее. И это нисколько не колебало его маскулинности, мужественности. Наоборот, такое единение с Женщиной делало его полноценным мужчиной, повышало градус жизни, и что самое главное, раскрашивало его будни. Теперь все становилось фактурным, живым и наполнялось смыслом. Будто до этого он был черно-белым наброском человека в альбоме начинающего художника. Теперь же он был тут, из плоти и крови, стоявший обеими ногами на земле, обнимающий СВОЕГО человека.

Это он и пытался донести до Маргариты, сквозь поглаживания по мягким волосам, невесомые поцелуи в висок, еле слышный шепот признаний в любви.

Не выдержав такого напора чувств, Маргарита разрыдалась. Она уткнулась ему в плечо, царапая замерзающий нос о ткань зимнего мужского пальто и еле слышно плакала.

Олег понимающе зашептал ей что-то, прижал к себе, не позволяя отстраниться, начать разговор.

Вдруг вокруг разом стало тихо - жители коттеджного поселка перестали пускать салюты и вернулись к своим столам, в лоно любящих семей.

И Олег отпустил Маргариту. В темноте и тишине она должна была сказать все, что копила последние дни, чтобы освободить душу и сердце. Олег чувствовал, что его чувство может возродить ее любовь только после того, как она избавится от всех других эмоций, ставших шелухой в то время, когда они вот так смотрят друг на друга - глаза в глаза.

- Олег.. я должна тебе это сказать. Я уйду от тебя. Мы не сможем видаться какое-то время, мне нужно прийти в себя. Стать собой. Ты... ты - это слишком много для меня. Твоя жизнь совсем другая.. все это: бывшие жены, покушения, убийства, расследования.. все это не для меня. Я - обычная женщина. Ты - непростой мужчина. И раньше мне казалось... ты убедил меня, что мы можем быть вместе. Хотя раньше я тоже боялась всего того, что тебя окружало - эта охрана, эти люди. Я не из твоего мира, Олег, и не смогу в нем

прижиться. Мы уже не дети, я понимаю, что любви недостаточно для того, чтобы любить. Не достаточно.

Несмотря на то, что Олег был готов к такому разговору, ярость полыхнула в его глазах и тут же была потушена невероятным усилием воли.

- А чего тогда достаточно? Чего ты достойна? Этого своего бывшего? Любовь, по-твоему, это жалость?

- Олег, перестань, Павел тут не при чем. Что было, то прошло.

- Конечно прошло! Ты осталась в прошлом. Ты-потерянная, одинокая среди людей, запутавшаяся, такая ты осталась в прошлом. И я полюбил не эту женщину! Я люблю ту, что вижу сейчас - сильную, умную, уравновешенную и любящую меня. Меня! С моими недостатками, неуравновешенностью и сухостью.

- Олег, перестань..

- Нет, Марго, нет. Ради чего ты шла со мной весь этот путь? Чтобы сейчас, вот так легко и просто, оставить меня?

- Это неверно, ты неправильно меня понял..

- Я прекрасно тебя понял, моя дорогая. И позволь мне сейчас решать за двоих. Там, на яхте, ты решила, что я буду жить, и я жив. Поверь мне, у меня не меньше сил, чтобы доказать и донести до тебя свои чувства. Именно те, что живут в тебе. Ты устала. И сейчас тебе кажется, что ты сможешь без меня. Но я тебя уверяю-мы слишком связаны. Ты слишком моя, чтобы уйти. И не говори мне про разные миры! То, что ты не подходишь мне - обычная глупость, и это так не похоже на тебя так говорить!

- Олег, прекрати.

- Даже не подумаю, дорогая моя. Сейчас мы вернемся в дом. Выпьем вина. Ты успокоишься.

- В дом я вернусь за своими вещами.

- Ну не поедешь же ты в новогоднюю ночь.. и куда? Куда?

Они помолчали. Маргарита не ожидала от Олега такой

проникновенной речи. Она знала, как он мог подавлять волю других, да что там-она сама лично видела, как наемный убийца изменил свою задачу, свой заказ после разговора с Дроздовым.

В доме за пустым и ставшим сразу скучным столом они молчали. Маргарита чувствовала, что начинает болеть голова, а она будто бы хотела оправдаться перед Олегом.

Тот же ждал, пока моральные метания женщины дойдут до точки невозврата. Опустошенная, она легче поймет его слова и примет его решение, - это он знал точно, чувствовал каким-то потусторонним чувством, интуицией, что ни разу за всю жизнь не подвела его.

- Говори.

Коротенькое слово прозвучало как приказ.

О таком не говорят, но Маргарита была уже на грани. На грани приличия интимных разговоров. И потому легко сказала то, что пыталась донести до него на улице.

- Олег, эта сказка про Золушку - ерунда. Я поддалась на твои уговоры и согласилась не просто стать твоей женщиной, а даже женой. Но знаешь, какой стала жизнь Золушки после свадьбы? Она дружила с поварихами, сама пыталась убираться во дворце и не замечала измен принца с более утонченными принцессами. Мне не двадцать лет, я себя уже не переделаю. И теперь вижу, для чего нас свела судьба - чтобы стали счастливыми наши дети. Мне не нужны больше такие потрясения. А вдруг какой-то из твоих бывших партнеров, коллег, решит снова заказать твою жизнь? Пойми, я такого не переживу второй раз. Позволь мне уйти, остаться собой.

- И что, ты будешь счастлива в одиночестве?

- Я буду не одна...

- Да брось! У Алисы сейчас начнется другая жизнь. Она сейчас начинает все снова, с нуля, будет перекраивать свою жизнь заново, и мать ей будет не так нужна, как любящий мужчина. И тебе. Ты не создана для того, что бы быть в одиночестве. Ты можешь существовать только под защитой. И так получилось, что только я могу дать тебе то, что нужно.

Олег отставил свой спокойный равнодушный вид и навис над стулом, где сидела Марго, будто поймав ее в мышеловку, буквально загнав в угол.

- Не думай больше ни о чем. Останься со мной.

- Олег! Я приняла решение.. мне будет лучше остаться наедине с собой. Тебя слишком много, и я боюсь, что ты меня раздавишь собой.

- Это просто невозможно. Милая, ты -это я. Мы связаны так, что уже не распутать. Если ты уйдешь, то сразу вернешься. И я не смогу долго протянуть без тебя. Я чувствую тебя, когда тыходишь в комнату, я могу сказать, о чем ты думала до этого, какое у тебя настроение. Если ты лишишь меня этого, меня просто не станет.

Оглушенная его словами, Маргарита молчала. Она отпила вина, а Олег сел на стул напротив.

- Я могу дать тебе на раздумья только несколько часов. Ты можешь собрать вещи или остаться. Но если ты остаешься, ты остаешься навсегда.

Он подошел и легко коснулся ее холодных губ своими горячими.

Маргарита вздохнула и проводила его взглядом до двери, откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

Дорого она бы отдала, чтобы не встречаться с этим мужчиной. Будто кто-то толкнул ее в тот день пойти не привычной дорогой до дома с работы и оказаться на его пути. И не только оказаться, пройти мимо, но и заинтересовать собой, своим нестандартным взглядом, умениями и жизненным опытом.

Теперь ей думалось, что предложение руки и сердца от него ей приснилось или было в другой жизни - настолько чувства его и ее отличались от нынешних.

И даже слова были совсем другими, теперь же, сегодня все, что он говорил и все, что оставил за кадром, было сказано так, будто говорил не разум, а кричала душа.

Все ее отговорки, все ее желания спокойной размеренной жизни идут вразрез с его жизнью. Потому что он слишком глубок, напорист, хитер.

Даже сейчас ей казалось, что где-то он манипулирует ей, но это ощущение не отдавалось неудовольствием в душе.

Выбирая между спокойствием, жизнью простого обывателя, среднестатистической женщины и горящими через край эмоциями, Маргарита поняла, чего на самом деле она хочет.

Она поднялась со стула,правила по фигуре платье и затушила свечи. Оглядев комнату, играющую отблесками новогодних гирлянд, тихо вышла и прикрыла за собой дверь.

Она тоже сильная и тоже способна принимать решения, касающиеся ее судьбы. И она готова ко всему, что может случиться.

Стук в дверь. Он в полутьме. Собран и зол. И только ее слова могут сейчас отпустить всех демонов, что клубятся, рвутся на волю из его мрачных глаз. Или резко затушить его пламя.

И она решается:

- В этот раз медовый месяц мы проведем не на море!

А в жилом комплексе «Парус», ставшем свидетелем многих разговоров и взглядов, прощупывающих границы дозволенного, в подизайнерски обдуманной квартире Антона все становится очень серьезным и им обоим совсем не до смеха. Он принимает ее шубку, она снимает сапожки, и он не может отвести от нее глаз.

Она спокойна, хотя внутри, наверное, все дрожит. Она готова. То, что случилось с ней когда-то, сейчас совершенно не имеет значения. Она не виновата в том, что первый сексуальный контакт произошел насильственным способом, в то время от нее ничего не зависело, а сейчас все совершенно по-другому. Она знает, что Антон – тот человек, что не оставит, не предаст. Он доказал это всеми способами, как умел, как считал нужным, но даже устраивая ей проверки на взрослость, истерику в болезни, он все равно был с ней, выражая заботу.

И теперь все будет совершенно по-другому. Иначе. Они оба прошли долгий путь друг к другу, и пусть то, что случилось с ней в прошлой жизни и будет похоронено в той, прошлой жизни, что привела ее к нему. Она об этом никогда не вспомнит, Антон приучил ее к себе, приучил постоянным физическим и моральным контактом.

- Может, чаю?

- Не хочу.

- Кофе?

- Хм.

- Какао?

- Пф.

И ему кажется, что это он гость в своей же квартире, когда она, совершенно без улыбки, серьезная, словно на экзамене, подходит ближе к нему и прижимается щекой к груди. Навренное, удовлетворена тем, как оно бухает в грудной клетке, как готовится выпрыгнуть наружу, или застрять в глотке. Она слишком серьезна, а он боится все испортить. И без того от него было все это время слишком много напора, слишком много агрессии, слишком много... его.

И он сейчас – только ведомый. Скажет – уйди, уйдет. Скажет – умри, умрет. Прямо сейчас и в ту же секунду.

Но она берет его большую ладонь в свою, маленькую и узкую, и ведет в его спальню. В которой он не был.. сколько? Наверное, всю жизнь.

Он неловко следует за ней, но она не спешит. В комнате только тишина и двухчасовая новогодняя ночь, разбавляемая периодически запускаемым фейерверком на улице. И он, напоминающий себе, что нужно дышать, и она, спокойная и будто уже расслабленная.

Поворачивается к нему спиной, безмолвно прося расстегнуть красивое вечернее платье, все складки и изгибы которого он выучил за время праздника, он подчиняется, мягко целует шею и расстегивает замочек, и видит, как по белоснежно искрящейся, словно бумага в ночи, коже, побежали мурашки. Он целует ей плечи, поворачивает к себе и смотрит в блестящие глаза.

«Ты уверена?».

«Ты уверен?».

В безмолвном разговоре ставит точку медленный, нежный поцелуй, и платье опускается с плечи на пол. Она вышагивает из него и помогает расстегнуть его рубашку и также, зеркально, целует его шею,

ключицы, яремную впадину.

Он осторожно, словно вазу из богемского стекла, укладывает ее на постель и ложится рядом, сбоку, руками осторожно перебирает волосы, опускается ниже, оглаживает щеки, шею, плечи, бедро. Она следует рукой за ним, и зеркально повторяет его движения. Но если под его рукой – шелковая, тонкая кожа, хрупкие вены, по которым нервными толчками бежит возбужденная кровь, то под ее – сильные мускулы, выпирающие дорожки вен, чуть шершавая щека.

«Я с тобой».

«Я с тобой».

Он снова накрывает ее губы своими и только вкусив их сладость, продвигается ниже, не встречая сопротивления из одежды или смущающихся рук.

Короткая пауза. И там, внутри, его пальцы. Медленно изучают ее глубину, ее влажность, ее готовность. Ей жарко и в то же время бьет озноб, а он целует ее тело, так, словно вот только сейчас, вот только в этот момент понял, кто перед ним.

И вдруг, на месте пальцев – его язык. Горячий, упругий, словно выжигает на ней свое клеймо, клеймо его принадлежности. Она даже не понимает, что происходит. Неожиданно оказывается в космосе и не выдерживает. Кричит.

И он вздыхает от этого крика, и чувствует, что не вкусил ее до конца, не насладился так, как даже не мечтал. И он ловит ее доверчивость, ее открытость, ее эмоциональность сейчас, в этой комнате на двоих, этом мире наслаждения ею.

Он чувствует, что она сейчас очень далеко, выгибаясь от чувства, ее поглотившего, пропала, потерялась в этом одном ей известном космосе, и возвращает ее невозможно интимными поцелуями, сладкими и откровенными.

И она возвращается к нему, в кольцо его успокаивающих рук, словно маленькое суденышко на родную пристань после сильнейшего шторма.

Он оглаживает ее обнаженную спину, целует макушку, волосы, гладит, успокаивающе, выравнивая свое и ее дыхание, показывая, что в космосе хорошо, но с ним – лучше, намного лучше! И она доверчиво льнет к нему.

Он мягко целует ее губы, и думает, что она прямо сейчас, за одну миллисекунду, уснет, растворится в ночи и пропадет, и он улыбается, чувствуя, что хочет, чтобы она спала вот так, с ним, в одной постели, несмотря на напряжение, так и не прошедшее в нем, в разбуженном ее криком естестве. Он – не главное. Главное – она.

Что происходит с его душой? Всю душу выворачивает наизнанку нежность, желания оберегать и заботиться показывают голову, и он улыбается этим чувствам, и от этого коктейля эмоций он сам не свой, и хочется сжать ее сильнее, чтобы вдавить в себя, и оставить там, внутри, чтобы не пропала, чтобы наверняка. И хочется оставить ее, обнаженную, ранимую, на постели, и закурить в форточку (совершенно несвойственное жаление для некурящего человека). И хочется остаться, вот так невесомо касаясь белоснежных плечи, груди, бедер.

Ее пальцы пробегают по его гладкой теплой коже, задевают соски. Твердые. Он вздрагивает. И стонет, когда ее губы, горячие, чуть влажные, касаются его сосков. Он сводит ее с ума. Она сводит его с ума.

«Отдыхай».

«Я хочу тебя».

Молчаливый диалог продолжается, и каждый понимает четко и ясно, почему. Потому что эта ночь, волшебная, хрустальная, только для них двоих, только для тех, кто принял другого со всеми недостатками, только для тех, кто прошел сложный путь, и не свернул с дороги в направлении другого.

И вот теперь все по-настоящему, кожа к коже, грудь к груди. И дыхание одно на двоих, и синхронный перестук сердец. Губы горят и пальцы по всему телу. И поцелуи – жадные, огненные, и уже бесстыжие.

«А ты когда –нибудь?..»

«Быстрее, не своди меня с ума!».

И он медленно входит в нее, и вот уже почти в ней, и замирает. Она открывает глаза и кивает, и он понимает все, и знает, что им уже не остановиться, и потому продвигается так медленно, насколько это возможно.

Закусив губу, не торопится, хотя она полностью готова, и

расслаблена первым оргазмом, и наконец он полностью в ней.

Она вздыхает, и он уже готов сбежать, боясь, что причинил ей боль, но она вдруг целует его плечо и сильнее обхватывает руками, и шевелится как-то, и как-то меняет положение ног, и его самообладание рушится, осколками разлетаясь кругом постели.

Начав медленно, будто раскачиваясь, он видит, что она снова на пороге, и снова в ее глазах близится полет в этот ее личный, интимный космос, и он теряет себя от того, как она прогибается под ним, как дышит, как двигаются ее ресницы, когда она жмурится сильнее.

Он вдруг останавливается.

- Тебе больно?

Она выныривает откуда-то из запределья и непонимающе смотрит на него.

- Боже, продолжай, продолжай.

Ее стон, полувсхлип, словно отпускает его напряжение и он снова срывается, но так, что уже не знает, как остановиться, не знает, где верх и где низ, где черное и где белое, где земля и где небо.

Все кругом теряет значение, и он летит за ней, когда она особенно громко стонет, и особенно громко кричит, и она, поспевая за ней, видит, наконец видит этот ее космос, и в нем они, оба, потерявшие свои телесные оболочки, парять, улыбаясь.

И он оглядывается, и понимает, что первый раз – так. Так, чтобы вдвоем, чтобы туда, за грань, за пределы. И что это – нормально. И это – самое невозможное приключение, что случилось с ним за всю его долгую, насыщенную событиями жизнь. И кто ему открыл дверь в этот космос?

Он возвращается в себя, к ней, уже засыпающей от пережитого острого удовольствия.

Все замирает.

Он согрет ее теплом, она опалена его жаром.

Но он знает, что теперь она – только она! – билет в его будущее, и накрывает покрывалом, кое-как вытасненным одной рукой, так, чтобы не побеспокоить, из-под подушки.

И теперь сердца стучат асинхронно. И она засыпает, улыбаясь, прижавшись к нему, словно так и надо, так и должно быть, и он, вздохнув, убирает волосы с ее лба.

- Алиса, я люблю тебя.

Но она не слышит. Пережив потрясение своей и его чувственностью, она ныряет в темноту сна. А он смотрит на нее и не может поверить, что может ласкать ее своим дыханием, так просто, без всяких ограничений. Потому что теперь есть кому о ней позаботиться.

Конец.